

Е. КЕЛЬЧЕВСКІЙ

ДМИТРІЙ ОРШИНЪ

Романъ

ПАРИЖЪ

1 9 2 9

Е. КЕЛЬЧЕВСКІЙ

ДМИТРІЙ ОРШИНЪ

Романъ

ПАРИЖЪ

1 9 2 9

Перепечатка воспрещается.

Tous droits réservés.

Copyright 1929 by the author

Часть первая

I

Когда высокая, худошавая фигура Оршина скрылась за дверью кафе, заговорили о немъ.

— Важенъ сталъ вашъ пріятель, — съ язвительной усмѣшкой замѣтилъ Златоградскій, сѣдоватый, жилистый человѣкъ съ маленькими пронзительными глазами, поблескивающими сквозь дымчатые очки.

Варвичъ, къ которому была обращена эта фраза, пренебрежительно пожалъ плечами и ничего не отвѣтилъ, хотя взоры всѣхъ присутствующихъ обратились на него. Онъ былъ центромъ собравшагося здѣсь общества и связующимъ звеномъ между его разнородными элементами.

Тутъ были журналисты, критики, художники, кой-кто изъ писателей и артистовъ, одна пожилая дама съ двумя барышнями и еще нѣсколько лицъ неопредѣленной профессіи. Всѣ они имѣли то или иное отношеніе къ затѣваемому Варвичемъ новому иллюстрированному журналу «Славянская культура».

— А что-жъ вы хотите? Успѣхъ. И какой успѣхъ! — добродушно отозвался на замѣчаніе Златоградскаго Бушевъ, необычайно плотный, лысый господинъ съ рябоватымъ лицомъ и жесткими прокуренными усами, смоченными пивной пѣной.

— Нашелся покупатель. Пока картина не была продана, о ней никто и не писалъ, — слышался изъ угла залы раздраженный голосъ одного изъ художниковъ.

— А почему же это нашелся покупатель? — угрюмо пробасилъ нескладный бородатый челоуѣкъ, сидѣвшій около выходной двери и едва видный за густымъ облакомъ табачнаго дыма. Фамилія его была Бундыревъ.

— Почему? Ходкій сюжетъ и, опять же *пие*.

— Да вѣдь вотъ на вашихъ лиловыхъ «ню» съ зелеными бедрами не находится покупателя?.. Я не про васъ лично, а вообще.

— Это ничего не доказываетъ, — снисходительно протянулъ сидѣвшій рядомъ съ Варвичемъ щеголевато одѣтый блондинъ съ выхоленной бородкой и въ пенснэ на тонкой черной лентѣ. Это былъ извѣстный художественный критикъ Прутиковъ, участіе котораго въ новомъ журналѣ представлялось особенно цѣннымъ.

— А что-жъ, картина по вашему плоха? — прищурившись спросилъ Бундыревъ, затягиваясь своей толстой папирсой и заслоняясь дымовой завѣсой.

Прутиковъ медленно снялъ пенснэ и, моргая близорукими глазами, съ задумчивой улыбкой смотрѣлъ на электрическую лампочку.

— Она не плоха, нѣтъ, она хороша, очень хороша, — грасируя и жеманясь проговорилъ онъ, — но... но она написана не художникомъ.

— Хмъ, какъ же это?

— Да, да, она написана не художникомъ, — съ грустной настойчивостью повторилъ Прутиковъ и умолкъ, какъ бы наслаждаясь удивленнымъ вниманіемъ общества.

— На картинѣ Оршина «Женщина и доллары», —

продолжалъ онъ, — я вижу женщину, я вижу доллары, но я не вижу художника. Я вижу тѣло, прекрасное, живое, теплое тѣло, но мнѣ его не нужно; я хочу видѣть на полотнѣ его отраженіе отъ сознанія художника, отъ призмы его воспринимающаго аппарата... я хочу видѣть это тѣло въ преломленіи...

— А если художникъ челоѣкъ нормальный, который воспринимаетъ и изображаетъ предметы такими, каковы они есть, безъ преломленія? — прервалъ его Бундыревъ, безпокойно ворочаясь на своемъ мѣстѣ.

— Тогда онъ изобразитель, а не художникъ.

— А Рафаэль? А Рембрандтъ? А Рубенсъ? А... Что же, всѣ они, по вашему, изобразители, или художники?

Бушевъ, съ тревогой слѣдившій за разговоромъ, просіялъ и весь насторожился въ ожиданіи отвѣта Прутикова.

— Изобразители, — печальнымъ, но увѣреннымъ тономъ отозвался тотъ. — Мы идемъ дальше...

Всѣ заговорили сразу. Бундыревъ, мрачно улыбаясь, потянулся за своей шляпой.

— У него доллары такъ же хорошо написаны, какъ и женщина!.. — горячился одинъ изъ критиковъ. — Въ картинѣ нѣтъ центра!

— А лицо? А выраженіе глазъ?! — спорилъ съ нимъ слегка подвыпившій писатель Асѣвъ; — глядя на это лицо, вамъ хочется снять съ себя одежду, чтобы прикрыть это прекрасное тѣло отъ взоровъ толпы!.. Вамъ хочется сорвать съ полотна эти доллары и бросить ихъ толпѣ съ проклятіемъ!..

— А вотъ въ этомъ художникъ, я хотѣлъ сказать — изобразитель, далъ маху! — опять вмѣшался въ разговоръ, собравшійся было уходить, Бундыревъ, — отсталъ отъ вѣка! У него женщина — святая жертва, кото-

рую обнажили, а нынѣшняя женщина сама только и норовить, какъ бы ей побольше оголиться, что бы ей еще... того... показать, или обтянуть. А ужъ насчетъ долларовъ!.. Хо-хо-хо!..

— Я, какъ вамъ извѣстно, въ корнѣ расхожусь съ вами и въ пониманіи искусства, и въ оцѣнкѣ его произведеній, — говорилъ своимъ громкимъ, раздѣльнымъ голосомъ, съ удареніями на о, Златоградскій, обращаюсь къ Прутикову, — но я согласенъ, что Оршинъ болѣе диллетантъ, нежели художникъ, ибо спрашивается — къ какой школѣ онъ принадлежитъ, а если онъ оригиналенъ и самобытенъ, то въ чемъ именно, и куда, опять таки, надлежитъ его отнести?

— Къ академистамъ, — отозвался чей-то голосъ.

— Онъ не выставилъ ни одной картины, ни на одной выставкѣ, въ союзѣ онъ не состоитъ... — говорили въ углу залы.

— И это не безъ цѣли. Это расчетъ!..

— Вотъ, подождемъ перваго номера «Славянской культуры», — сказалъ Бундыревъ, натягивая пальто и нахлобучивая шляпу. — Достанется Оршину, достанется славянамъ! Держись, славяне!.. — И ни съ кѣмъ не попрощавшись, онъ вышелъ изъ кафе.

Варвичъ равнодушно прислушивался къ разговору, разсѣянно водя карандашомъ по лежавшему передъ нимъ исписанному листу бумаги. Неожиданный уходъ Оршина, явившагося на собраніе съ большимъ опозданіемъ, его безучастное отношеніе къ преніямъ и нежелаіе высказаться ни по одному изъ затронутыхъ вопросовъ — непріятно его задѣли. Кому же, какъ не Оршину, принадлежала мысль объ изданіи этого журнала? Кто, какъ не онъ, посовѣтовалъ Варвичу съѣздить въ Сербію

и въ Чехію? И когда, послѣ столькихъ хлопотъ и усилий, все налажено, средства найдены, сотрудники собраны и идетъ рѣчь о выпускѣ перваго номера, тотъ-же Оршинъ дѣлаетъ видъ, что онъ совершенно непричастенъ дѣлу. Пусть бы еще дѣлалъ видъ, Варвичъ привыкъ къ его причудамъ, но журналъ его дѣйствительно не интересуется. И откуда взялась эта картина, о которой до отъѣзда Варвича Оршинъ и не заикался? И что въ ней особеннаго? И какимъ образомъ лѣнтяй и сибаритъ Оршинъ, не писавшій ничего, кромѣ эскизовъ и каррикатуръ, вдругъ обратился въ извѣстнаго художника?

— Конечно, они правы, — думалъ Варвичъ, — какой онъ художникъ? Да и вся эта картина какая-то мистификація.

У него была еще одна причина для недовольства Оршинымъ, едва ли не самая главная; когда, краснѣя и стараясь скрыть свое замѣшательство, онъ познакомилъ его съ Ксеніей, Оршинъ не удѣлилъ ей ни малѣйшаго вниманія. Ксенія, знакомясь съ нимъ, тоже смутилась, что было уже совсѣмъ глупо... И чего она его такъ разсматривала цѣлый вечеръ? Онъ ее попросту не замѣтилъ. Художникъ и знатокъ женщины!.. Знатокъ, понимающій только физическую природу женщины... Но именно съ этой стороны онъ долженъ бы былъ оцѣнить ея прелесть...

Варвичъ бросилъ карандашъ и, откинувшись на спинку дивана, принялся разглядывать Ксенію съ объективной, какъ ему казалось, точки зрѣнія. Она сидѣла неподалеку отъ него, около своей бабушки, бодрой, худенькой старушки и, выпрямившись и сдвинувъ брови, жадно прислушивалась къ разговору. На щекахъ ея горѣлъ румянецъ, пальцы ея быстро скручивали и раскручивали соломинку. Лицо ея показалось бы сердитымъ,

если бы не милое выраженіе рта, со слегка приподняты-ми уголками губъ, оттѣненныхъ темнымъ пушкомъ.

— Усики даны женщинѣ для того, чтобы къ наслажденію примѣшивать дозу безумія... — вспомнилъ онъ слова Оршина.

— Какъ онъ смѣлъ это сказать!.. — подумалъ Варвичъ, и краска бросилась ему въ лицо.

— Можетъ быть ее нельзя назвать красавицей, — продолжалъ онъ, — но сколько прелести въ овалѣ ея лица, въ этихъ родинкахъ на щекахъ, въ ея свѣжести, а, главное, въ этихъ правдивыхъ глазахъ!.. Наконецъ, надо видѣть ея талію, походку... О чемъ это они? — подумалъ онъ, прислушиваясь къ спорамъ. — Все объ Оршинѣ?..

— Итакъ, господа! — сказалъ онъ громко, — все существенное вырѣшено, роли распределены... — Онъ пробѣжалъ глазами лежавшій передъ нимъ листъ бумага. — Наиболее силенъ у насъ критическій отдѣлъ, наиболее слабъ литературный... въ количественномъ отношеніи. Впрочемъ, по счастливой случайности, всѣ наши критики являются въ то же время и литераторами. Тѣмъ болѣе мы вправѣ ожидать отъ нихъ шедевровъ... (за Варвичемъ числилось нѣсколько неудачныхъ литературныхъ выступленій, неуспѣхъ которыхъ онъ всецѣло относилъ къ недоброжелательству критики). Отъ васъ, Николай Ивановичъ, — обратился онъ къ Асѣву, — мы ждемъ чего нибудь подходящаго для перваго номера.

— Я поищу... — отозвался Асѣвъ. — Изъ воспоминаній что нибудь?

— Только не изъ революціонныхъ. Довольно размазывать кровь на старыхъ ранахъ... Пусть онѣ еще не за-

жили, пусть мы сами закованы въ цѣпи, будемъ жить и мыслить внѣ нашихъ ранъ, внѣ нашихъ цѣпей!.. — Варвичъ покосился на Ксенію. — Наша задача — строить будущее, а не хныкать на развалинахъ прошлаго. Мы исходимъ изъ искусства, какъ изъ наиболѣе яркаго отражателя жизни; исходя изъ него, мы можемъ говорить о чемъ угодно... Эту сторону я взялъ на себя. Для переводовъ со славянскихъ языковъ мы пока имѣемъ двухъ сотрудницъ, — онъ слегка поклонился въ сторону Ксеніи и сидѣвшей около нея красивой молодой особы съ лорнетомъ. — Казначейская часть возложена на господина Бундырева, который кажется уже ушелъ... Такъ что по всѣмъ вопросамъ денежнаго характера прошу отнынѣ обращаться къ нему. Черезъ нѣсколько дней помѣщеніе редакціи будетъ готово и слѣдующій разъ мы соберемся уже у себя.

Варвичъ всталъ и началъ собирать разложенныя на столѣ бумаги.

— Господа, минутку вниманія! — провозгласилъ Бушевъ. — На мнѣ лежатъ обязанности хозяйственныя, а, слѣдовательно, какъ я понимаю, и вопросъ питанія... — Онъ привычнымъ жестомъ расправилъ усы и проглотилъ слюну. — Я полагаю, что, имѣя при помѣщеніи кухню, мы могли бы наладить легкій фриштыкъ, въ два блюда... На первое, напримѣръ, яичницу - глазунью, на второе, скажемъ, отбивныя...

Всѣ заговорили, раздались остроты и шутки.

— Объ этомъ мы потомъ, — снисходительно улыбаясь прервалъ его Варвичъ, подходя къ дамамъ.

— Ну, какъ хотите, господа, — смутился Бушевъ. — Вы объ отвлеченномъ, а я затронулъ вопросъ самый, такъ сказать, существенный...

II

Ксенія прїѣхала въ Парижъ только вчера. Выбравшись со старухой бабушкой, своей единственной родственницей, изъ совѣтской Россіи, она около трехъ лѣтъ прожила въ Прагѣ, служа секретаршей у одного образованнаго и богатаго чеха, нѣкогда Мрашека, товарища ея отца по университету, прожившаго полъ жизни въ Россіи и недавно овдовѣвшаго. Человѣкъ совершенно одинокій и пожилой, но еще бодрый, Мрашекъ рѣшилъ посвятить остатокъ своей жизни просвѣтительной филантропіи, удѣляя особыя заботы русскому студенчеству. Къ Ксеніи онъ относился съ отеческой нѣжностью; по его настоянію, она закончила среднее образованіе, изучила чешскій и нѣмецкій языки (французскимъ она владѣла) и даже начала слушать лекціи въ Пражскомъ университетѣ.

Ни безупречное поведеніе Ксеніи, ни столь же безупречная репутація ея покровителя, не перестававшаго оплакивать потерю жены, не избавили ихъ отъ злостной сплетни, расплзшейся по русской колоніи Праги. Самый фактъ ихъ мнимой близости не удивлялъ, а тѣмъ болѣе не возмущалъ никого, но дамы не прощали Ксеніи того, что устроившись практично и благоразумно, она сохраняла видъ наивной дѣвочки. О существованіи какой либо сплетни Ксенія не подозрѣвала вовсе и странное отношеніе къ ней соотечественницъ объясняла естественной, по ея мнѣнію, завистью къ ея сравнительно обезпеченному матеріальному положенію. Не вѣря, что она живетъ и содержитъ старуху бабушку на свое скромное жалованіе, къ ней постоянно обращались съ денежными просьбами, похожими на требованія; въ отношеніи къ ней мужчинъ, а особенно тѣхъ изъ

молодыхъ людей, которымъ Мрашекъ оказывалъ покровительство и которые бывали въ его домѣ, все чаще стала проскальзывать особая развязность, которая ее смущала и отталкивала. Постепенно Ксенія пришла къ заключенію, что она сама не умѣетъ держать себя среди людей такъ, какъ надо, что ей чего-то недостаетъ, чтобы заставить окружающихъ относиться къ ней съ должнымъ уваженіемъ, или, наконецъ, что ея наружность располагаетъ къ ложному о ней представленію. Все это нѣсколько отразилось на ея живомъ отъ природы характерѣ: она стала застѣнчива, замкнута и недовѣрчива къ людямъ.

Когда до Мрашека дошли неясные слухи о существующей сплетнѣ, негодованію его не было предѣловъ. Онъ прекратилъ всякое общеніе съ русскими кругами, а въ отношеніи его къ Ксеніи стали замѣчаться неровность и натянутость. Она, со своей стороны, рѣшила, что онъ начинаетъ ею тяготиться и что только деликатность мѣшаетъ ему высказать ей это откровенно. Она не знала, что ей предпринять и у кого искать совѣта. Въ это время въ Прагу пріѣхалъ Варвичъ и по своему дѣлу явился къ Мрашеку. Дальнѣйшее сложилось вполне естественно: Варвичъ не могъ не покорить Мрашека своимъ славянскимъ энтузіазмомъ, своимъ даромъ слова и энергіей, не могъ не заинтересовать Ксенію своей блестящей внѣшностью и, въ свою очередь, не могъ не увлечься ею. Мрашекъ предоставилъ ему неограниченный кредитъ на изданіе журнала и далъ понять и ему, и Ксеніи, что онъ готовъ всячески покровительствовать ихъ сближенію. На участіе Ксеніи въ журналъ и на ея поѣздку въ Парижъ онъ согласился съ радостью. Рѣшено было, что и самъ онъ туда пріѣдетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ быть и поселится тамъ навсегда.

Варвичъ уѣхалъ, не объяснившись съ Ксеніей, для этого они были еще слишкомъ мало знакомы, но во всемъ его поведеніи ясно сказывалось, что онъ смотритъ на нее, какъ на свою будущую невѣсту.

Обстоятельства складывались для Ксеніи такъ, что у нея не было выбора, и даже не было повода къ колебаніямъ. Варвичъ въ нѣсколько дней устроилъ ей и ея бабушкѣ визы для переѣзда во Францію и вчера утромъ встрѣтилъ ихъ на вокзалѣ въ Парижѣ.

Занятый своимъ журналомъ, онъ видѣлъ ихъ вчера только за обѣдомъ, а сегодня они успѣли наскоро обѣхать городъ и заглянуть въ галлерею, гдѣ была выставлена картина Оршина.

Парижъ, гдѣ Ксенія была впервые, поразилъ ее блескомъ, шумомъ и отсутствіемъ чего-то главнаго, что было въ Прагѣ и во всѣхъ другихъ большихъ городахъ, которые она видѣла. Въ ея глазахъ какъ бы все вертѣлось, но не чувствовалось той точки, или той оси, вокругъ которыхъ все это вертится. Она плохо провела ночь, нервы ея были взвинчены, временами ей даже хотѣлось плакать.

Картина Оршина произвела на нее исключительное впечатлѣніе; въ лицѣ его «женщины» было что-то прямо отвѣчающее ея душевному состоянію, что-то угрожающее ей самой, чему она не могла подыскать опредѣленія. Она была не въ силахъ оторваться отъ этого лица и до сихъ поръ видѣла его передъ собою.

Софья Васильевна, бабушка Ксеніи, сопровождала ей повсюду. Ей было за шестьдесятъ лѣтъ; бодрая и крѣпкая здоровьемъ, она хворала только глазами и боялась ослѣпнуть. Съ тѣхъ поръ, какъ Ксенія, восьмилѣтнимъ ребенкомъ осталась на ея рукахъ, она привыкла жить ея жизнью и ея интересами; собственныхъ же

ланій, взглядовъ и даже вкусовъ у нея не было, на все она смотрѣла глазами Ксеніи и, въ этомъ смыслѣ, не только не служила ей авторитетомъ или опорой, но сама всецѣло и во всемъ отъ нея зависѣла. Сегодня она пошла съ Ксеніей на это собраніе по особому настоянію Варвича, желавшаго соотвѣтствующимъ образомъ поставить Ксенію въ глазахъ ея будущихъ сотрудниковъ и особенно Оршина.

Появленіе въ свѣтъ затѣваемаго журнала, о которомъ съ такимъ энтузіазмомъ говорилъ Варвичъ въ Прагѣ, представлялось Ксеніи событіемъ міровой важности; самъ Варвичъ былъ въ ея глазахъ безспорнымъ героемъ, а его сотрудники, т. е. всѣ тѣ, которыхъ онъ объединялъ въ выраженіи «мы», говоря о своихъ замыслахъ, рисовались ей людьми совсѣмъ особенными, славянами будущаго, обречшими себя на священную борьбу и связанными другъ съ другомъ таинственной клятвой. Разъ она даже видѣла ихъ во снѣ, на залитой луннымъ свѣтомъ полянѣ, одѣтыми въ какіе-то фантастическіе костюмы и вооруженными съ головы до ногъ.

Дѣйствительность ее нѣсколько разочаровала; обстановка кафе показалась ей слишкомъ будничной; участники журнала нисколько не походили на борцовъ за какую-нибудь идею, а къ славянству, казалось, и вовсе не имѣли никакого отношенія. Между ними не только не чувствовалось какого-либо объединенія на какой бы то ни было почвѣ, но замѣчалось, напротивъ, полное расхожденіе во взглядахъ по всякому поводу. Казалось, каждый изъ нихъ былъ вполне убѣжденъ въ несостоятельности всѣхъ прочихъ и снисходилъ до общенія съ ними только подчиняясь авторитету Варвича, который, вслѣдствіе этого, еще болѣе выросталъ въ ея глазахъ.

Исключеніе составляли Бушевъ и Асѣвъ; оба по-

казались ей людьми простыми и добрыми и оба вызывали въ ней родъ сочувствія, первый — потому что его веселость и добродушіе не встрѣчали отклика въ окружающихъ, второй — потому что его доброта давала имъ поводъ относиться къ нему съ видомъ снисхожденія и превосходства, странными по отношенію къ такому большому писателю.

Появленія Оршина она ждала съ большимъ нетерпѣніемъ, во-первыхъ, потому, что постоянно слышала о немъ отъ Варвича, во-вторыхъ, потому, что его картина пріизвела на нее такое сильное впечатлѣніе, и въ третьихъ, потому, что характеристика, данная ему Варвичемъ, никакъ не вязалась въ ея воображеніи съ авторомъ этой картины, которую не могъ и не сталъ бы писать циникъ, видящій во всѣхъ явленіяхъ жизни одну карикатурную сторону, какимъ, яко бы, былъ Оршинъ.

Когда онъ вошелъ, она узнала его сразу, хотя о наружности его не имѣла никакого представленія; узнала потому, что въ его лицѣ ярко сочетались тѣ противоположности, которыя ей казались столь несомѣстимыми. Серьезный, до жуткости пронизательный взглядъ полуприщуренныхъ сѣрыхъ глазъ принадлежалъ художнику, насмѣшливо - презрительный изгибъ красиво очерченныхъ губъ принадлежалъ цинику. На всемъ его обликѣ лежалъ отпечатокъ какого-то вялаго изящества и небрежности, которая граничила бы съ фатовствомъ, если бы, наряду съ ней, въ немъ не замѣчалось полного равнодушія къ производимому имъ на окружающихъ впечатлѣнію.

Обмѣнявшись короткимъ поклономъ кой съ кѣмъ изъ присутствовавшихъ, Оршинъ привѣтливо поздоровался съ Асѣвымъ, потрясъ за плечо Бушева и дружескимъ кивкомъ головы привѣтствовалъ Варвича.

Когда послѣдній подвелъ его къ дамамъ, онъ съ разсѣянно-официальной улыбкой пожалъ руку Ксеніи и ея подруги и почтительно поклонился Софѣ Васильевнѣ.

Ксенія испытала странное ощущеніе отъ прикосновенія его горячей, сухой руки и отъ быстро скользящаго по ней равнодушно и, въ то же время, страшно глубокаго взгляда. Ей показалось, что какая-то горячая, обволакивающая сила исходила отъ этого человѣка, независимо отъ его воли. Но было въ немъ и что-то отпугивающее; словно ему дано было проникать въ душу ближняго только для того, чтобы насмѣяться надъ тѣмъ, что составляло ея сущность.

Удобно расположившись на диванѣ и потребовавъ себѣ кофе и рому, Оршинъ закурилъ трубку и, высоко заложивъ ногу на ногу, повернулся къ Варвичу съ видомъ человѣка, приготовившагося слушать. Варвичъ продолжалъ прерванное засѣданіе.

Ксенія наблюдала ихъ обоихъ и невольно сравнивала ихъ другъ съ другомъ.

Сравненіе было въ пользу Варвича. Онъ былъ моложе, а когда говорилъ и увлекался, то казался почти юношей. Возрастъ Оршина ускользалъ отъ опредѣленія; черезъ всю его гладко причесанную голову проходила рѣзко выдѣлявшаяся прядь сѣдыхъ волосъ, которая старила его гладко выбритое лицо; черты этого лица были правильны, но какъ-то слишкомъ неподвижны; черты Варвича отличались яркой и характерной красотой. Оршинъ былъ высокъ ростомъ, худъ и блѣденъ; во всѣхъ его движеніяхъ сказывалась почти болѣзненная апатія; отъ всей невысокой и стройной фигуры Варвича вѣяло здоровьемъ и силой. Въ наружности, въ словахъ, какъ и въ убѣжденіяхъ послѣдняго все какъ бы прямо вытекало изъ его природы и потому внушало

довѣріе; Оршинъ же оставался для Ксеніи полной загадкой.

Вскорѣ она обнаружила нѣкоторую странность въ его поведеніи: онъ пилъ свой ромъ не изъ рюмки, а изъ бѣскала, медленными глотками, едва запивая его чернымъ кофе и словно стараясь привести себя въ состояніе опьяненія. Щурясь сквозь дымъ своей трубки, онъ дѣлалъ видъ, что прислушивается къ спорамъ и даже, время отъ времени, одобрительно кивалъ головой, но было ясно, что онъ находился подъ вліяніемъ какой-то совершенно посторонней мысли. Нѣсколько разъ онъ сморщился, какъ отъ физической боли и оглядѣлъ залу, какъ бы ища кого-то, кого въ ней не было. Просидѣвъ около часу, онъ медленно всталъ, осторожно прошелъ между столиками, расплатился, одѣлъ пальто и, кивнувъ головой Варвичу, вышелъ изъ кафе.

Все то, что говорилось объ Оршинѣ и его картинѣ послѣ его ухода, окончательно сбило Ксенію съ толка и на вопросъ Варвича — какое на нее Оршинъ произвелъ впечатлѣніе, она искренно отвѣтила:

— Странное. Онъ мнѣ не очень понравился.

III

Выйдя изъ кафе и пройдя нѣсколько шаговъ по бульвару Монпарнассъ, Оршинъ въ нерѣшительности остановился у края тротуара. Было за полночь.

— Куда, собственно, я иду? — задалъ онъ себѣ вопросъ. — Домой? Нѣтъ, только не домой. Холодно, сыро, у меня, кажется, нѣтъ углей... Потомъ, эти неубранные палитры, кисти...

— Тамъ я все время буду думать о ней, — произ-

несъ онъ вслухъ и тутъ же усмѣхнулся, вѣрнѣе — заставилъ себя усмѣхнуться.

— До чего, однако, я развинтился съ этой картиной! Какъ артистъ - любитель, который расходуетъ всѣ свои нервы тамъ, гдѣ профессионалъ не затрачиваетъ никакихъ усилій... Но отчего она такъ смотрѣла на меня, когда ее выносили изъ мастерской? И сегодня, когда ее укладывали въ этотъ ужасный плоскій ящикъ?

— За сколько вы ее продали? Сколько вы взяли за вашу пие? — прозвучалъ въ его ушахъ пошлый, хриплый голосъ какого-то собирательнаго существа, преслѣдующій его со вчерашняго вечера.

Оршинъ вздрогнулъ и стиснулъ зубы.

— Да, я ее продалъ. Не могъ же я вѣчно хранить ее у себя.

— «Ты далъ мнѣ душу, ты приказалъ мнѣ жить и я живу. Я твое созданіе... Въ тебѣ одномъ причина, цѣль и смыслъ моего существованія... Но ты обнажилъ меня и отдалъ меня имъ»... Да, именно это говорила она... если бы она могла говорить.

Ему живо представилось лицо англичанина - лекціонера, который ее купилъ, его толстыя безкровныя губы, мутные глаза и синія жилы, пульсирующія на вискахъ.

— Зачѣмъ онъ ее купилъ? Что онъ будетъ съ ней дѣлать? Можетъ быть, онъ повѣситъ ее въ своей спальнѣ?..

Оршинъ сжалъ кулаки и оглянулся, какъ бы ища на комъ сорвать охватившее его бѣшенство.

Но кругомъ не было ни души. Моросилъ холодный мартовскій дождикъ. Направо тускло сіяли разноцвѣтные огни созвѣздія Ротонды, налѣво тонули въ сыромъ туманѣ пустынные аллеи больнично - тюремнаго квар-

тала *Santé*; оттуда доносился унылый перезвонъ часовъ. Заглушая его желѣзнымъ скрежетомъ, пронесся мимо, вынырнувшій изъ туманной мглы, пустой, ярко освѣщенный вагонъ трамвая. Одинокій такси, ползя вдоль тротуара, остановился противъ Оршина; закутанный шоферъ смотрѣлъ на него строгимъ пристальнымъ взглядомъ, какъ рыбакъ, пробирающійся вдоль прибрежныхъ кустовъ, смотритъ на поплавокъ закинутой на удачу удочки. Замѣтивъ нетерпѣливый жестъ Оршина, такси скрипнулъ скоростями и, обдавъ его запахомъ бензиновой гари, нерѣшительно тронулся дальше.

— Куда бы пойти? — снова подумалъ Оршинъ. — Въ кафе я чувствовалъ себя сносно... Варвичъ говорилъ много глупостей... И кого онъ только не понабиралъ? Дѣвицъ какихъ-то, старушку... Онъ, кажется, мною недоволенъ. Неужели онъ думалъ, что и я начну говорить?.. Какой, однако, отвратительный ромъ.

Оршинъ вспомнилъ, что, кромѣ этого рома и кофе, онъ ничего не бралъ въ ротъ съ самаго утра. Поднявъ воротникъ пальто и глубоко засунувъ руки въ карманы, онъ рѣшительно зашагалъ въ сторону Ротонды.

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ людному и ярко освѣщенному перекрестку, мысли его стали принимать болѣе спокойный характеръ.

Въ концѣ концовъ, у него есть деньги, а это главное. Онъ можетъ переимѣнить квартиру, одѣться, закупить бѣлья, создать для себя ту обстановку элементарнаго комфорта и чистоплотности, видъ которой жизни представлялась ему какимъ-то томительнымъ переходнымъ этапомъ. Онъ можетъ нормально питаться, худаба его становится комичной... Наконецъ, ничто не мѣшаетъ ему уѣхать изъ Парижа, ставшаго ему ненавистнымъ за послѣдніе три года.

Онъ не вошелъ ни въ Ротонду, ни въ одинъ изъ прилегающихъ кафе, чтобы не встрѣтить знакомыхъ. Ему хотѣлось остаться одному, одуматься и привести въ равновѣсіе свои спутанныя мысли.

Миновавъ площадь вокзала Монпарнассъ, съ ея огромными, безлюдными въ этотъ часъ кафе и дойдя чуть ли не до конца бульвара, онъ вошелъ въ угловое бистро.

Хозяйская чета, сидя на высокихъ стульяхъ за конторкой, внимательно слушала толстаго подвыпившаго субъекта, подробно рассказывавшаго о дѣйствіи своего желудка и о вліяніи на него различныхъ напитковъ, въ томъ числѣ и стоявшаго передъ нимъ аперитива ; сонный лакей, моргая отяжелѣвшими вѣками, тоже слушалъ любопытный рассказъ и не обратилъ вниманія на вошедшаго Оршина, котораго рассказчикъ тотчасъ же включилъ въ число своихъ слушателей, слегка дотрогнувшись до его рукава и обращаясь уже къ нему. Заказавъ себѣ ветчины, сыру и вина, Оршинъ направился за стеклянную перегородку въ маленькую, уставленную столиками залу, гдѣ не было никого, кромѣ влюбленной пары, млѣющей въ углу надъ двумя бокалами пива и тоже не обратившей на него никакого вниманія.

Это кафе было ему знакомо. Годъ тому назадъ, работая неподалеку въ декоративной мастерской, онъ заходилъ сюда по нѣскольکو разъ въ день купить табаку и выпить стаканъ вина. Ему нравилась мирная обстановка этого кафе, его пожилые хозяева, два сѣрые кота, вѣчно дремавшіе на конторкѣ, а также мозаичное изображеніе Георгія Побѣдоносца на стѣнѣ маленькой залы. Лицо святого, съ глазами, обращенными ко входной двери, выражало невозмутимое спокойствіе и доброду-

шіе, которыя сообщались и лицамъ скачущаго коня и пронзаемаго дракона. Все изображеніе, несмотря на серьезность сюжета, какъ-то успокоительно дѣйствовало на нервы и располагало къ утоленію жажды.

Сидя на привычномъ мѣстѣ, видя вокругъ себя давно знакомые предметы, утоливъ голодъ и повозившись съ котомъ, Оршинъ почувствовалъ себя такимъ же, какимъ онъ былъ годъ тому назадъ и всѣ событія послѣднихъ мѣсяцевъ стали принимать въ его глазахъ какую-то давность.

Да въ сущности, никакихъ событій и не было. Въ концѣ осени Варвичъ уѣхалъ въ Сербію, Бушевъ получилъ мѣсто въ Ниццѣ, и онъ остался въ Парижѣ одинъ, чему вначалѣ былъ даже радъ. Потомъ, заработавъ нѣкоторую сумму денегъ и попавъ въ веселую компанію праздныхъ художниковъ и ихъ женщинъ, онъ поплылъ по теченію той однообразно - безцвѣтной, мутной рѣки, которую принято называть водоворотомъ парижской жизни. Вино и женщины, разные сорта винъ, одинъ и тотъ же сортъ женщинъ, наслажденія по преісъ-куранту, таксированный развратъ, формы безъ содержанія, болтовня безъ смысла, смѣхъ безъ юмора. Отъ этого періода жизни у него не осталось рѣшительно никакихъ ни впечатлѣній, ни воспоминаній; не осталось даже угара — послѣ старыхъ Москвы и Петербурга трудно угорѣть въ Парижѣ, — ему просто стало скучно. Скука перешла въ безпредметную тоску, безпредметная тоска — въ тоску по какой-то несуществующей женщинѣ. Если бы это чувство вошло въ него сознательно, онъ тотчасъ же высмѣялъ бы его въ себѣ и отъ него не осталось бы и слѣда, но оно жило не въ мозгу его, а въ нервахъ, раздраженныхъ ласками многихъ женщинъ, прошедшихъ черезъ его руки. На этой поч-

въ родилась мысль о картинѣ, сначала неясная, потомъ захватившая его всего. Онъ и изобразилъ ее, эту женщину, по которой онъ тосковалъ, нанося на полотно ея черты по какому-то наитію, руководствуясь тѣмъ мучительно - неяснымъ образомъ, который то вспыхивалъ, то угасалъ въ его воображеніи, прибѣгая къ модели только для работы надъ тѣломъ и аксессуарами. Картина эта стоила ему, не обладающему ни достаточной техникой, ни навыкомъ, чрезвычайныхъ усилій; два съ половиной мѣсяца онъ провелъ въ состояніи болѣзненного напряженія, постоянно переходя отъ чувства торжества къ тупому отчаянію, отъ экзальтаціи къ полной апатіи. Онъ удалился отъ всего и отъ всѣхъ, поселившись въ отдаленномъ кварталѣ города и выходя изъ дому только для того, чтобы наскоро пообѣдать, купить необходимыхъ красокъ, или продать одну изъ послѣднихъ оставшихся у него цѣнныхъ бездѣлушекъ. Единственный человѣкъ, которому онъ открылъ свое мѣсто-пребываніе и котораго пускалъ къ себѣ во всякое время, былъ Бушевъ, возвратившійся изъ Ниццы чуть не пѣшкомъ и оставшійся безъ денегъ и безъ работы.

Дней десять тому назадъ картина была окончена и Оршинъ, отъ усталости и истощенія похожій на выходца съ того свѣта, впервые послѣ своего отшельничества, появился съ Бушевымъ на Монпарнасѣ. Бушевъ, которому удалось гдѣ-то перехватить денегъ, угощалъ его ужиномъ. Въ ресторанѣ они встрѣтили нѣкоего Кацбаума, полухудожника, полукомиссіонера, занимавшагося устройствомъ и перепродажей картинъ знакомыхъ художниковъ, — а зналъ онъ ихъ всѣхъ и со всѣми былъ на ты — и для этой цѣли обходившаго по вечерамъ всѣ монпарнасскіе кафе и рестораны.

Охмелѣвшій отъ вина и отъ уличнаго шума Оршинъ

тутъ же, по предложенію Кацбаума, выпилъ съ нимъ на ты и повезъ его къ себѣ показывать картину. Тотъ молча разсматривалъ ее минутъ десять, какъ бы съ испугомъ оглядываясь на Оршина, и, взявъ съ него слово, что помимо него онъ не только никому ее не продастъ, но и не будетъ показывать, торопливо уѣхалъ, повторяя:

— Ты пойми, что черезъ недѣлю ты будешь богатымъ человѣкомъ!

Послѣ этого онъ по нѣскольکو разъ въ день привозилъ въ мастерскую Оршина разныхъ лицъ, и велъ съ ними таинственные переговоры; на третій день картина была, подъ его личнымъ наблюдениемъ, перевезена въ извѣстную художественную галлерей, а позавчера она была продана за сто тысячъ франковъ, изъ которыхъ семьдесятъ пять достались Оршину.

Во всѣхъ этихъ событіяхъ и переговорахъ, находившійся въ состояніи полной апатіи, Оршинъ не принималъ никакого участія; поддерживая свои нервы чернымъ кофе и ромомъ, онъ по нѣскольکو разъ въ день заходилъ въ галлерей, безъ цѣли бродилъ по городу и перечитывалъ, аккуратно посылаемые ему Кацбаумомъ газетные отзывы о его картинѣ.

Въ этихъ отзывахъ критики, какъ французскіе, такъ и русскіе, единогласно привѣтствовали появленіе въ его лицѣ новаго большого художника, всесторонне обсуждая технику исполненія и совершенно упуская изъ вида, или игнорируя замыселъ. И тѣ и другіе видѣли въ картинѣ прежде всего талантливо исполненное «*piece*», причемъ французы указывали на рядъ французскихъ художниковъ, оказавшихъ на автора то или иное благотворное вліяніе. Суммируя всѣ недостатки, справедливо отмѣченные критикой, казалось непонятнымъ, —

что приковывало къ этой картинѣ общее вниманіе и заставляло такъ много говорить о ней. Очевидно, сами критики не отдавали себѣ въ этомъ отчета.

Что, наконецъ, мучило самого Оршина? Во-первыхъ, сознаніе, что онъ вынесъ на базаръ то, что составляло наиболѣе интимную часть его души; во-вторыхъ, то, что ему заплатили за это, и заплатили щедро, какъ бы понимая, что жертва такого рода должна быть хорошо оплачена; въ третьихъ, онъ не могъ примириться съ мыслью, что созданіе его «я», то, что казалось бы, принадлежало ему, какъ часть его самого, стало неотъемлемой собственностью какого-то неизвѣстнаго ему ничтожнаго человѣка, который вправѣ распоряжаться имъ по своему капризу. Онъ завидовалъ писателямъ и композиторамъ, которыхъ никто не могъ разлучить съ ихъ произведеніями.

Но главное, что его мучило и что выходило за предѣлы разума и логики, это упрямо сверлившее въ его мозгу сознаніе, что онъ продалъ что-то живое, не картину, а одухотворенное существо, имъ же призванное къ жизни, зависимое отъ него и безпредѣльно довѣряющее ему.

Онъ прекрасно сознавалъ всю нелѣпость этихъ мыслей и справедливо приписывалъ ихъ нервному разстройству, вызванному долгой напряженной работой и физическимъ истощеніемъ, но порою ему казалось, что во всей этой бессмыслицѣ есть что-то реальное. Такъ, часъ тому назадъ, сидя въ кафе на собраніи Варвича, онъ нѣсколько разъ вздрагивалъ отъ яснаго ощущенія «ея» присутствія.

Теперь, успокоившись и придя въ болѣе нормальное состояніе, онъ приписывалъ эту галлюцинацію дѣйствию рома.

Заскрипѣли желѣзные жалюзи. Хозяинъ, въ сопровожденіи лакея, вошелъ въ залу и принялся устраивать пирамиду изъ стульевъ. Влюбленная пара вернулась къ дѣйствительной жизни и торопливо допивала свое пиво. Оршинъ взглянулъ на часы; былъ второй часъ ночи. Чувствуя страшную усталость, онъ съ трудомъ поднялся съ дивана, расплатился и вышелъ на улицу.

Странная картина представилась его глазамъ: мостовая, крыши домовъ и деревья были покрыты снѣгомъ. Онъ падалъ крупными хлопьями, искрясь въ лучахъ электрическаго свѣта и мягко ложился на камни, покрывая дѣвственно бѣлымъ брачнымъ нарядомъ старое тѣло Парижа.

Это былъ первый и, можетъ быть, послѣдній снѣгъ въ эту холодную и дождливую зиму.

Прислонившись къ мокрому стволу дерева, Оршинъ долго стоялъ неподвижно, засыпаемый снѣгомъ, прислушиваясь къ доносившимся до него неяснымъ заглушеннымъ звукамъ, въ которыхъ ему чудились то скрипъ саней по замерзшей дорогѣ, то зимній шорохъ лѣса, то колотушка ночного сторожа у воротъ занесеннаго снѣгомъ сада...

Доѣхавъ до дому, онъ быстро раздѣлся и, какъ человѣкъ, оправившійся отъ долгой и тяжелой болѣзни, уснулъ крѣпкимъ, здоровымъ и спокойнымъ сномъ.

IV.

Константинъ Ивановичъ Бушевъ, или просто Костя Бушевъ, какъ всѣ его называли, вставалъ рано и, отъ глубокаго сна съ храпомъ и свистомъ, сразу переходилъ къ состоянію полной бодрости. Этимъ онъ былъ обя-

занъ желѣзной конструкціи своего семипудоваго, мускулистаго тѣла, не поддающагося ни болѣзнямъ, ни разрушающему дѣйствію времени. Главной чертой характера, отличавшей его отъ другихъ людей, была постоянная, ничѣмъ не возмутимая ясность духа; ко всему, что онъ видѣлъ или встрѣчалъ, онъ относился съ одобреніемъ и всѣхъ окружающихъ считалъ людьми «славными», вслѣдствіе чего среди всякаго рода людей, независимо отъ ихъ образа мыслей, профессіи и національности, онъ чувствовалъ себя превосходно.

Въ связи съ веселостію и здоровьемъ онъ пользовался исключительнымъ аппетитомъ. Въ области гастрономіи ему не было равнаго; онъ не только зналъ всѣ русскія и европейскія блюда, но и каждое изъ нихъ умѣлъ приготовить.

Кромѣ общаго легкомыслія характера и чревоугодія, у него не было пороковъ, если не считать совершенно безсознательнаго отношенія къ деньгамъ; онъ такъ же легко занималъ безъ отдачи, какъ и раздавалъ свои собственныя деньги, въ тѣхъ рѣдкихъ, правда, случаяхъ, когда онѣ у него бывали. Зарабатывать деньги онъ не умѣлъ вовсе, будучи рѣшительно неспособенъ къ какому-либо регулярному труду; въ то же время, онъ съ готовностію и полнымъ безкорыстіемъ исполнялъ самыя разнородныя порученія и хлопоталъ иногда по цѣлымъ днямъ.

Въ молодости Бушевъ служилъ въ гвардейской кавалеріи и былъ извѣстенъ всему Петербургу какъ неутомимый кутіла и одинъ изъ лучшихъ дирижеровъ танцевъ. Безъ него не обходился ни одинъ большой балъ и ни одинъ крупный кутежъ. Свое маленькое состояніе онъ проѣлъ и пропілъ чуть не въ первый годъ службы и жилъ долгами. Онъ былъ настолько необхо-

димъ и товарищамъ по полку, и тому обществу, въ которомъ онъ вращался, и тѣмъ содержателямъ ресторановъ, въ которыхъ онъ обѣдалъ, привлекая за собой толпу богатыхъ кутилъ, что могъ бы продолжать свою беззаботную жизнь до безконечности, но случился грѣхъ: командированный за ремонтомъ въ одну изъ южныхъ губерній, онъ прокутилъ часть ввѣренныхъ ему казенныхъ суммъ и, не успѣвъ во время покрыть долга, долженъ былъ выйти изъ полка. Карьера его была кончена, связь съ обществомъ и товарищами порвана. Послѣдующая служба на далекой окраинѣ въ пограничной стражѣ, а потомъ въ полиціи въ Москвѣ, настолько не соответствовали его привычкамъ и характеру, что онъ не удержался нигдѣ и вышелъ въ отставку. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій и жилъ, какъ птица небесная; всегда находился кто-нибудь, кто его поддерживалъ, перевозилъ изъ одной страны въ другую, изъ города въ городъ, кормилъ и таскалъ за собою по ресторанамъ и кафе. Послѣдніе два года такимъ человѣкомъ былъ Оршинъ.

Сбросивъ съ себя одѣяло, Бушевъ спустилъ ноги съ кровати и, несмотря на то, что въ его маленькомъ неотапливаемомъ номерѣ было не теплѣе, чѣмъ на улицѣ, принялся, не торопясь, набивать свою коротенькую обкуренную трубку. Покуривъ, онъ съ удовлетвореніемъ оглядѣлъ свою комнату, за которую вчера было заплачено изъ денегъ, полученныхъ отъ Оршина, и принялся быстро одѣваться. Чисто выбрившись, продѣлавъ, съ необыкновенной для его вѣса легкостью, нѣсколько приемовъ шведской гимнастики и перекрестившись на маленькій черный образокъ, висѣвшій у изголовья постели, Бушевъ одѣлъ родъ непромокаемаго плаща и, весело помахивая тросточкой, вышелъ на улицу.

Выпавшій за ночь снѣгъ не таялъ и городъ былъ въ волненіи; спеціально наряженные автобусы волокли по мостовой гигантскія вращающіяся щетки; консьержки, въ сабо и въ подоткнутыхъ юбкахъ, чистили тротуары ковравыми метелками и пуховками, переговариваясь черезъ улицу о размѣрахъ бѣдствія; усиленные патрули городскихъ сзабоченно объѣзжали на велосипедахъ свои участки.

Попыхивая трубкой и бодро шагая по обледенѣвшему тротуару, Бушевъ соображалъ, какія дѣла предстояли ему на сегодняшній день. Варвичъ возложилъ на него обязанности экзекутора при редакціи и надлежащее оборудованіе послѣдней являлось для него вопросомъ самолюбія. Нужно было перебивать во многихъ мѣстахъ, заѣхать въ Auteuil къ Оршину и къ семи часамъ вечера быть у Бундырева для представленія ему отчета о произведенныхъ расходахъ. Было у него еще одно дѣло, наиболѣе сложное: на отпущенныя Оршинымъ деньги надо было прилично одѣться, а купить готовое платье на его широкую фигуру было невозможно.

Провозившись со всѣми этими дѣлами до шести часовъ вечера и наскоро пообѣдавъ, онъ отправился въ Auteuil.

Оршинъ занималъ второй этажъ стараго особняка, распложеннаго въ глубинѣ пустыря на одной изъ тихихъ улицъ квартала. Пустырь подлежалъ продажѣ, а особнякъ разрушенію, о чемъ свидѣтельствовала большая бѣлая вывѣска съ надписью «Terrain à vendre». Нѣсколько старыхъ деревьевъ еще недавно принадлежавшихъ къ обширному, нынѣ вырубленному и застроенному новыми домами, саду, окружали особнякъ, придавая ему видъ заброшенной усадьбы. Приблизитель-

но въ этихъ мѣстахъ, по описанію Александра Дюма, жилъ нѣкогда графъ Калиостро, что дало поводъ Бушеву окрестить Оршина этимъ именемъ. Домъ не ремонтировался уже много лѣтъ и пришелъ въ полную ветхость; кое-гдѣ обваливался потолокъ, кое-гдѣ не хватало одной половинки двери, въкоторыя окна были забиты досками. Верхній этажъ былъ въ лучшемъ состояніи; онъ вмѣщалъ двѣ большія комнаты, кухню и закрытое нежилое помѣщеніе. Широкая лѣстница, ведущая въ нижній этажъ, занятый семействомъ сторожа, была заколочена наглухо и подниматься наверхъ приходилось по узкой винтовой лѣстницѣ, ведущей со двора въ кухню.

Оршинъ приобрѣлъ эту квартиру, вмѣстѣ съ обстановкой, у одного художника - француза, уѣхавшаго въ колоніи. Главную часть обстановки составляли старые ковры и куски всевозможныхъ тканей, которыми и были задрапированы обѣ комнаты, напоминавшія жилище перса. Кромѣ традиціонной оттоманки, перенесенной Оршинымъ въ спальню и служившей ему постелью, имѣлось нѣсколько удобныхъ креселъ, рабочий столъ, разноцвѣтный китайскій фонарь и большой открытый шкафъ съ полками. Все это дополнялось обычными принадлежностями художественнаго ремесла — мольбертами, подрамниками и всякаго рода декоративными украшеніями, отъ гипсовыхъ бюстовъ до стараго оружія и средневѣковой посуды включительно. Была даже недурная гитара, на которой иногда по вечерамъ наигрывалъ Бушевъ. Сломанный мраморный каминъ дополнялся переносной желѣзной печкой съ трубой, проведенной въ кухню.

— Графъ Калиостро дома? — прокричалъ своимъ хриплымъ теноркомъ Бушевъ, осторожно поднимаясь по скрипѣвшей подъ нимъ лѣстницѣ.

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ прошелъ черезъ кухню и открылъ дверь въ мастерскую.

Первое, что ему бросилось въ глаза, былъ необычайный порядокъ, царившій въ квартирѣ Оршина; въ комнатѣ было какъ-то особенно тепло и пахло дорогими духами.

Изъ-за портьеры, замѣнявшей дверь въ спальню, показался Оршинъ въ своей старой бархатной пижамѣ, и въ туфляхъ, но гладко выбритый и съ какимъ-то отпечаткомъ свѣжести на всемъ своемъ обликѣ.

— Послушай... — испуганно проговорилъ Бушевъ, застегивая нижнюю пуговицу своего плаща, — ты, можешь быть, не одинъ?

Оршинъ засмѣялся и, пожавъ ему руку, расположился въ креслѣ.

— Раздѣвайся, доставай изъ шкафа вино и садись. Я цѣлый день занимался хозяйствомъ, убиралъ квартиру, топилъ печку и приводилъ себя въ порядокъ. Я рѣшилъ не переѣзжать. Здѣсь не такъ плохо. Я нашелъ *ferme de menage*, которая будетъ приходить по утрамъ, убирать комнаты и варить мнѣ кофе.... Очень милая старушка, которую я непременно зарисую. Былъ Кацбаумъ и рылся въ моихъ эскизахъ; говоритъ, что теперь каждый изъ нихъ пойдетъ «на вѣсъ золота». Чуть не заплакалъ, увидя, что я растапливаю печку старыми карандашными набросками... Ну, какъ ты поживаешь? А пальто, а костюмъ?...

Видя своего пріятеля въ прежнемъ спокойномъ и шутливомъ настроеніи, Бушевъ просіялъ.

— Вотъ видишь, Митя, я тебѣ говорилъ, что жизнь прекрасна и нѣтъ причины ее осложнять разной философіей, — говорилъ онъ, съ удовольствіемъ пробуя взятое изъ шкафа вино. — Твой портвейнъ великолѣпенъ!..

Прибавь къ этому славу, деньги и молодость... Сегодня тебѣ на видѣ не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Съ новосельемъ! хотя ты никуда и не переѣхалъ... Вообще, все превосходно!

Черезъ часъ, выпивъ съ Бушевымъ бутылку портвейна и чашку своего любимого кофе съ ромомъ, приготовленнаго по рецепту Бушева на желѣзной печкѣ, Оршинъ вытащилъ изъ-за шкафа цѣлую гору своихъ эскизовъ и принялся отбирать тѣ изъ нихъ, которые можно было выставить въ галлерей, изъ которой была продана его картина. Бушевъ, расположившись въ креслѣ, съ блаженнымъ видомъ потягивалъ свою трубку.

Отобравъ съ десятокъ эскизовъ и разставивъ ихъ вокругъ мольберта, Оршинъ усѣлся на низкомъ табуретѣ и сталъ ихъ разглядывать по-очереди.

— Смѣшно, а мнѣ жалко разставаться съ этимъ старымъ хламомъ.... Нужно вставить ихъ въ рамы и каждому придумать названіе. Ты мнѣ поможешь. Начнемъ съ этого, я тебѣ поясню сюжетъ... Весенній солнечный день, шумная улица Парижа, нарядная толпа, иностранцы-туристы. Двѣ старушки — англичанки; онѣ идутъ подъ руку, заботливо оберегая другъ друга среди толпы. Прохожіе оглядываются на нихъ съ безучастнымъ любопытствомъ; онѣ странны, онѣ немного смѣшны, онѣ совсѣмъ не похожи на другихъ, никому не интересны и никому не нужны... Ихъ соотечественники, всѣ эти веселые Вилли и Бсби, прошли мимо нихъ, не обративъ вниманія на то, что онѣ имъ нѣкогда предлагали; а предлагали они себя, свою молодость и чистоту, свою готовность родить и вырастить такихъ же сильныхъ и добрыхъ Вилли и Боби, предлагали все то, къ чему онѣ готовились съ дѣтства, наряжая куколъ, стряпая дѣтскія блюда, заучивая наизусть стихи, молясь по маленькимъ

бархатнымъ книжкамъ на старой скамейкѣ своей приходской церкви... Онѣ добросовѣстно подготовлялись къ высшей тайнѣ и къ высшему счастью ихъ будущаго — стать матерями и женами. Ихъ предложеніе осталось безъ спроса; имъ не удалось продать своего товара на этомъ шумномъ и пестромъ базарѣ жизни. Вилли и Боби прошли, беззаботно болтая, мимо ихъ скромной витрины... Можетъ быть, онѣ не умѣли показать свой товаръ лицомъ, не зазывали покупателей вульгарно-крикливыми голосами?.. Онѣ остались однѣ, завяли и высохли, онѣ въ этой жизни нужны только другъ другу... Забавныя старушки.....

Бушевъ, вынувъ изъ рта трубку, внимательно слушалъ Оршина. Тотъ сидѣлъ, облокотившись на свои худыя, длинныя ноги, въ своей красной пижамѣ похожій на дьявола, созерцающаго міръ, шумящій у его ногъ; лицо его застыло въ иронической усмѣшкѣ, съ которой онъ смотрѣлъ на своихъ старушекъ.

— Забавныя-то забавныя, — пробормоталъ Бушевъ, — а дѣйствительно имъ не повезло, такъ сказать...

— Назовемъ эту картину «Сестры», не правда-ли? Все равно она никому ничего не скажетъ, — сказалъ Оршинъ, поворачиваясь къ другому эскизу, стоявшему на мольбертѣ.

— Здѣсь изображено обычное уличное происшествіе. Шумный перекрестокъ, толпа, нѣсколько автомобилей; два городскихъ составляютъ протоколъ; пьяный ломовой извозчикъ, съ бичемъ въ рукѣ, спорить съ толстымъ, бритымъ господиномъ въ гетрахъ, требуя возмѣщенія убытковъ; въ сторонѣ, у тротуара доверху нагруженная подвода со сломанными оглоблями; въ нее впряженъ старый бѣлый конь. Онъ стоитъ, понуривъ

голову, неуклюже отставивъ ногу и какъ бы дремлетъ; отъ него валить паръ, подъ нимъ густая лужа крови.... Эту картину мы назовемъ:

«Celui, qui ne sera pas dédommagé.

— Прохвосты! — замѣтилъ Бушевъ, — несутся ни на что не глядя. А эта каналья съ бичемъ — пьянъ, небось, съ самого утра....

— Дальше, — прервалъ его Оршинъ, переходя къ слѣдующему эскизу. — У входа въ музей, около подѣхавшаго автомобиля, стоитъ опрятно одѣтый человѣкъ въ застегнутой наглухо черной тужуркѣ. Склонивъ свою сѣдую красивую голову и держа на отлетѣ фуражку, онъ, въ полной достоинства позѣ, ожидаетъ подачки. Его фигура полна благородства; онъ похожъ на посла, вручающаго свои вѣрительныя грамоты, или на юбиляра, выслушивающаго привѣтственную рѣчь отъ благодарнаго населенія. Нельзя не позавидовать высокому душевному равновѣсію этого человѣка, твердо вѣрующаго въ правду и красоту своего скромнаго и полезнаго служенія. Видя его передъ собой, хочется такъ же приподнять свою шляпу и сердечно пожать его протянутую руку... Все-таки лучше положить въ нее пятьдесятъ сантимовъ.

— Ну, не скажи, — замѣтилъ Бушевъ, — французъ любить уваженіе.

— Назовемъ это просто: «Номо». А вотъ этотъ эскизъ, — продолжалъ Оршинъ, — онъ уже названъ словами евангельской притчи: «Будьте, какъ дѣти». Мальчикъ и дѣвочка переводятъ другъ друга черезъ улицу. Стоя на краю тротуара, они крѣпко, изо всѣхъ силъ, держатъ другъ друга за руку и съ напряженными лицами ждутъ, когда пронесется волна автомобилей и можно будетъ, зажмуривъ глаза, броситься на другую сто-

рону. Сестра удерживаетъ брата; она моложе его, но считаетъ себя за него отвѣтственной, какъ маленькая мать... Черезъ пятнадцать лѣтъ они будутъ браниться изъ-за какой-нибудь рухляди, оставшейся въ наслѣдство послѣ старой тетки. Они станутъ чужими другъ другу, ихъ руки никогда не будутъ сжимать одна другую такъ крѣпко.... А это «Продавецъ каштановъ». Холодный зимній день. Обмотанный шарфомъ, онъ стоитъ надъ своей жаровней и, приподнявъ крышку чана, неторопливо перебираетъ горячіе каштаны, спускательно поглядывая на двухъ озябшихъ подростковъ, протягивающихъ ему монеты. Этотъ человѣкъ знаетъ, что ѣсть жареные каштаны умѣетъ всякій, а приготовить ихъ какъ слѣдуетъ, такъ чтобъ не подгорѣли, умѣетъ онъ одинъ, и что для умѣнья пужно знаніе, а для знанія голова... Да. Ну это вздоръ... Здѣсь Версальскіе пейзажи.... Эта длинная полоса изображаетъ гуляющихъ по *avenue du Bois*; процессія дамъ съ собачками разныхъ породъ; каждая собачка похожа на свою хозяйку. Все это зарисовывалъ въ разное время для журналовъ и иллюстрацій... Тутъ серія каррикатуръ... Кто-то идетъ, — прислушиваясь сказалъ Оршинъ.

Взглянувъ на часы, Бушевъ торопливо одѣлся и сталъ прощаться.

—Опоздалъ къ Бундыреву. Прощай, бѣгу! — И, выпивъ залпомъ свой кофе, онъ исчезъ за дверью.

V.

Возвращаясь изъ Праги съ большими перспективами и съ деньгами, Варвичъ меньше всего думалъ объ Оршинѣ, съ которымъ, до своего отъѣзда изъ Парижа, былъ почти неразлученъ. Если онъ и вспоминалъ о немъ, то не иначе, какъ съ чувствомъ превосходства и даже нѣкотораго пренебреженія, какъ о человѣкѣ

праздномъ и лишенномъ той творческой энергіи, которой самъ онъ былъ преисполненъ. Онъ настолько живо усвоилъ нѣкоторыя политическія идеи и взгляды Оршина, что искренно считалъ ихъ своими собственными и недоумѣвалъ, — что побуждало его раньше безпрекословно подчиняться его авторитету. Онъ рѣшилъ, немедленно по пріѣздѣ въ Парижъ, вернуть ему свой долгъ, возросшій до нѣсколькихъ тысячъ франковъ, даже ссудить его деньгами, если бы тотъ оказался въ матеріальномъ затрудненіи, и сразу же круто измѣнить прежній характеръ ихъ отношеній. Къ журналу онъ рѣшилъ не подпускать его вовсе, особенно въ первое время, когда ему, какъ редактору, было особенно важно соотвѣтствующимъ образомъ поставить себя въ глазахъ сотрудниковъ.

Однако, по пріѣздѣ въ Парижъ, при первыхъ же редакторскихъ затрудненіяхъ, Варвичъ почувствовалъ, что Оршинъ ему необходимъ и поспѣшилъ къ нему. На прежней квартирѣ его не оказалось, новое мѣсто-пробываніе его никому не было извѣстно. Въ тотъ же день, изъ газетъ и отъ общихъ знакомыхъ, Варвичъ узналъ о его неожиданномъ успѣхѣ и о продажѣ его картины за большую сумму. Только благодаря случайной встрѣчѣ съ Бушевымъ, онъ разыскалъ Оршина въ *Auteuil*, но заставъ его въ обществѣ Кацбаума и какихъ-то иностранцевъ, успѣлъ только въ двухъ словахъ сообщить ему о результатѣ своей поѣздки и пригласить его на первое собраніе сотрудниковъ.

Если Варвичъ, всецѣло занятый собой и своимъ дѣломъ, не замѣтилъ никакой перемѣны въ своемъ другѣ, то и Оршинъ, въ свою очередь, не замѣтилъ ни важной осанки, ни сдержаннаго тона Варвича, и искренно поздравилъ его съ успѣхомъ и возвращеніемъ.

Обстоятельства спутали всѣ намѣренія Варвича. Видя, что Оршинъ отъ него ускользаетъ, онъ почувствовалъ двойную потребность въ его близости. Сегодня онъ рѣшилъ такъ или иначе снова овладѣть его расположеніемъ, хотя бы для этого пришлось пожертвовать вечеромъ, который онъ хотѣлъ посвятить Ксеніи.

— Наконецъ-то я тебя вижу одного и мы можемъ поговорить спокойно, — началъ онъ, входя въ мастерскую Оршина и крѣпко пожимая ему руку. — Ты свободенъ сегодня?

— Совершенно.

— Поѣдемъ вмѣстѣ обѣдать.

— Съ удовольствіемъ, если ты мнѣ дашь время переодѣться.

Пока Оршинъ переодѣвался, Варвичъ прохаживался по мастерской и рассказывалъ ему о своемъ путешествіи и своихъ планахъ.

— Что ты на все это скажешь? — закончилъ онъ свое повѣствованіе.

— Я скажу, — отвѣчалъ Оршинъ изъ спальни, — что ты понабиралъ много лишняго народа.

— Какъ лишняго? Ты посмотри на имена: Прутиковъ, Златоградскій, Сѣвцовъ, Асѣвъ....

— Все это мертвыя души для всякаго новаго начинанія. Ихъ имена для твоего журнала не нужны вовсе. Это не газета. Бери Ивановыхъ и Петровыхъ, о которыхъ никто до сихъ поръ не слышалъ. Бери молодыхъ, способныхъ увлечься идеей, а не старыхъ словоблудовъ, воспитанныхъ на, такъ называемой, полемикѣ. Они только поссорятъ тебя со всѣми, а потомъ и сами перессорятся. Что имъ до славянства и что они славянамъ?

— Гдѣ же они, эти никому неизвѣстные Ивановы и Петровы?

— Они есть, но ихъ нужно искать. Они сидятъ по фабрикамъ и заводамъ, работаютъ и молчатъ. Съ твоими Прутиковыми ты никуда не придешь, а съ этими можно завсевать весь міръ. Въдѣ рѣчь идетъ не о какой-нибудь «славянской солидарности», а о славянской политикѣ, то-есть не только о словахъ, но и о дѣйстви.

Варвичъ нахмурившись шагаль по мастерской.

— Почему же ты самъ не дѣйствуешь? — спросилъ онъ вдругъ, останавливаясь передъ портьерой, скрывавшей отъ него Оршина.

Тотъ отвѣтилъ не сразу.

— Потому что я не хочу начинать съ конца, не хочу строить домъ безъ фундамента. Потому что сегодня ч е л о в ѣ к ѣ, а не люди интересуютъ меня, — добавилъ онъ шутливо - докторальнымъ тономъ, выходя изъ спальни. — Вздоръ. Просто потому, что я лѣнивъ, потому, что я художникъ и т. д.

— Вотъ видишь, — засмѣялся Варвичъ, совершенно удовлетворенный послѣдней фразой Оршина и мысленно все болѣе примиряясь съ нимъ; — ты можетъ быть отчасти правъ, хотя бы потому, что тотъ, кто ничего не дѣлаетъ и не ошибается. И я вообще очень цѣню твои совѣты. Но я иду къ цѣли кратчайшимъ путемъ и не боюсь ошибокъ. Въ данномъ случаѣ, мнѣ важно, чтобы изданіе журнала стало фактомъ и чтобы журналъ былъ видный, т. е. съ видными представителями по всѣмъ отраслямъ. Короче — мнѣ нужно тѣло, а душой его буду я. Ну, куда же мы поѣдемъ?

— Къ Prunier, я думаю.

— Ну, ужъ и къ Prunier... — Варвичъ былъ расчетливъ; — поѣдемъ на бульваръ St.-Michel, тамъ я нашелъ одинъ рестораникъ...

Разговоръ о журналѣ продолжался и за обѣдомъ, причемъ Оршинъ слушалъ молча, а Варвичъ говорилъ со все возрастающимъ одушевленіемъ, развивая самые грандіозные планы на будущее.

— Въ тебѣ есть эта... какъ сказано въ катехизисѣ: «увѣренность въ несуществующемъ, яко въ существующемъ, въ желаемомъ и ожидаемомъ, яко въ настоящемъ», или что-то въ этомъ родѣ; а это, пожалуй, самое нужное для дѣла, — проговорилъ Оршинъ, закуривая трубку.

— А вотъ въ тебѣ нѣтъ этой увѣренности, и въ этомъ твой единственный недостатокъ, — улыбаясь отвѣтилъ Варвичъ.

— Далеко не единственный... Во всякомъ случаѣ, я желаю тебѣ успѣха.

Послѣ второй бутылки вина, нѣсколько охмѣлѣвшій и возбужденный разговоромъ, Варвичъ почувствовалъ потребность поговорить о Ксеніи. Онъ началъ издалека:

— Ну, расскажи о себѣ, о твоихъ личныхъ дѣлахъ, — сказалъ онъ, взглядывая на Оршина блестящими глазами.

Оршинъ вздохнулъ.

— Всѣ мои дѣла тебѣ уже извѣстны: нарисовалъ картину, выгодно ее продалъ, собираюсь съѣздить въ Италію...

— Ну, а какъ у тебя съ Frau Exner? Говорятъ, ты съ нее писалъ свою «женщину»?

Оршинъ пожалъ плечами.

— Я взялъ ея грудь, ноги, поставъ шею, вотъ и все.

— Я оставилъ тебя положительно въ нее влюбленнымъ. Признайся.

— Видишь-ли, — апатично отвѣчалъ Оршинъ, —

Frou Exner очень хороша, но она принадлежит къ числу женщинъ, влюбиться въ которыхъ такъ же трудно, какъ влюбиться въ чарджуйскую дыню, или въ дунайскую стерлядь, хотя никто бы не отказался полакомиться тѣмъ и другимъ...

— Ты неисправимый циникъ. Впрочемъ, ты правъ; дѣйствительно полюбить можно только русскую женщину.

— Я предпочитаю француженокъ. Съ ними вообще легче; не нужно писать писемъ...

— Тебѣ бы только поменьше беспокоиться, — разсмѣялся Варвичъ.

— Нѣтъ, серьезно. Наши въ этомъ отношеніи не-сносны, безъ драмы онѣ не могутъ. Тамъ гдѣ француженка скажетъ: я съ нимъ пріятно провела время, тамъ русская непременно скажетъ: я ему всѣмъ пожертвовала. И это скучно.

— Женщины должны тебя ненавидѣть.

— Напротивъ, онѣ должны меня любить, хотя бы потому, что я ихъ очень люблю. Замѣть: въ каждой женщинѣ какъ-бы совмѣщается блюдо и поваръ. Какъ поваръ любить того, кто умѣетъ оцѣнить его произведеніе со всѣми кулинарными тонкостями, кто замѣтитъ и трюфель подложенный въ соусъ и искусно разбросанный гарниръ, и т. д., такъ и женщина льнетъ къ тому, кто оцѣнитъ и нѣжность ея кожи, и влажность взгляда и очертаніе колѣна, и туалетъ... Она, какъ поваръ, жаждетъ поднести свое блюдо цѣнителю.

— Циникъ! Перестань!.. — отмахивался Варвичъ, который, будучи въ глубинѣ души большимъ любителемъ женщинъ, избѣгалъ ихъ, какъ вкусное, но слишкомъ дорогое и вредное для здоровья кушанье. — Я имѣю въ

виду тѣхъ женщинъ, которыхъ бы оскорбило такое отношеніе.

— Еще ни одна женщина въ мірѣ не оскорбилась за то, что на нее посмотрѣли какъ на женщину. Ты ихъ больше слушай.

— Неправда. Женщина требуетъ къ себѣ уваженія. Ты привыкъ къ опредѣленному типу женщинъ и даже не подозрѣваешь о существованіи другихъ, тѣхъ, любви которыхъ стоитъ добиваться и чья любовь даетъ дѣйствительное счастье. И я тебя искренно жалѣю.

— А я жалѣю тебя, — задумчиво сказать Оршинъ, — и боюсь что ты, съ твоимъ... уваженіемъ никогда не будешь любимъ. Въ тебѣ мало бульварнаго героя, а только такого русская женщина способна полюбить до самозабвенія. Клянусь тебѣ, что за всю мою жизнь ни одна изъ нихъ не отозвалась на то, что во мнѣ было хорошаго, но на дурное, пустое, тщеславное, порочное — клевали всѣ.

— Да! Женщины уже развращенныя. А я говорю о дѣвушкахъ чистыхъ!..

— Терпѣть не могу твоихъ «чистыхъ дѣвушекъ». Тѣ же женщины, только безъ опыта, жаждущія этого опыта до того, что готовы побѣжать за первымъ встрѣчнымъ, если при нихъ нѣтъ няньки, разумѣется. И какъ мы смѣшны, когда смотримъ на нихъ какъ на сахарныхъ, на этихъ галчатъ съ жадно раскрытыми ртами; что туда не брось, то и проглотятъ не разбирая. Есть что-то жалкое въ этомъ состояніи физическаго и духовнаго ожиданія, физическаго въ сущности...

— Въ этомъ-то и прелесть! Ты имѣешь дѣло съ воспріимчивой, гибкой натурой, изъ которой ты и лѣпишь

то, что тебѣ нужно... Въ этой области, Дмитрій Николаевичъ, ты профанъ, какъ, пожалуй, и въ общественной дѣятельности, — снисходительно закончилъ Варвичъ, съ одной стороны нисколько не сердясь на Оршина за его равнодушіе къ дѣвушкамъ, съ другой стороны не рискуя открыть ему свое чувство къ Ксеніи.

— Кстати, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія, — вчера я познакомилъ тебя съ Ксеніей Александровной Юрьевой, воспитанницей того чеха, Мрашека, о которомъ я тебѣ рассказывалъ... Она участвуетъ въ журналѣ въ качествѣ переводчицы и пріѣхала сюда вмѣстѣ со своей бабушкой, Софьей Васильевной, дамой очень почтенной. И у меня къ тебѣ просьба... Онѣ обѣ очень интересуются Парижемъ и завтра утромъ мы собираемся осматривать Лувръ. Я тамъ ни разу не былъ. Ты просиживаешь въ Луврѣ цѣлыми днями, наконецъ, ты художникъ... Можетъ быть ты возьмешь на себя роль гида, потомъ мы вмѣстѣ позавтракаемъ... Если ты свободенъ, разумѣется, и ничего не имѣешь противъ.

— Изволь. Мнѣ, конечно, ты поручаешь бабушку?

— Нѣтъ, почему же?.. — смущенно засмѣялся Варвичъ, наливая Оршину вина.

— И прекрасно. Къ старушкамъ я питаю особую слабость: будь у меня у самого какая-нибудь бабушка, я проводилъ бы съ ней цѣлые дни.

— Знаешь, Дмитрій Николаевичъ, — говорилъ Варвичъ, прощаясь съ Оршинымъ у выхода изъ ресторана, — я страшно радъ, что мы оиять вмѣстѣ. При всемъ несходствѣ въ нѣкоторыхъ взглядахъ, мы удивительно дополняемъ другъ друга...

И они, какъ въ прежнее время, разстались друзьями.

VI.

Оршинъ тоже былъ радъ возвращенію Варвича. Онъ любилъ его за цѣльность натуры и за отсутствіе въ немъ той разлагающей сложности, избытокъ которой онъ чувствовалъ въ себѣ самомъ. Въ этой сложности, какъ и во всякаго рода «настроеніяхъ», онъ видѣлъ нѣчто недостойное мужчины, нѣчто ненужное, доставшееся намъ въ наслѣдство отъ прошлаго вѣка, съ его изнѣженными, позирующими героями.

Въ жизни и среди людей онъ инстинктивно искалъ простоты и ясности и, въ этомъ смыслѣ, какъ Варвичъ, такъ и Бушевъ, два человѣка наиболѣе ему близкіе въ Парижѣ, были для него своего рода искомыми примитивами, хотя между ними обоими не было, казалось, ничего общаго.

Осуждая въ себѣ сложность, Оршинъ очень заботился о томъ, чтобы не обнаруживать эту слабость передъ окружающими и, въ этомъ отношеніи, вполне достигалъ цѣли: о немъ отзывались не иначе, какъ о фатѣ, сибаритѣ и циникѣ, нисколько, впрочемъ, не осуждая его за эти качества, и даже находя въ его манерѣ себя держать и говорить особый шармъ, заслуживающій подражанія. Повторяли его *mots*, пили кофе *à la Orchine*, перенимали его манеру курить трубку, носить шляпу и т. д. Большинство ему завидовало, многіе его рѣшительно не любили. Оршинъ былъ вполне доволенъ установившейся за нимъ репутаціей, отношеніемъ же къ нему пріятелей не интересовался вовсе. Вполнѣ натуральнымъ онъ былъ только съ Бушевымъ, предпочитая его обществу всякому другому. Быть съ Бушевымъ значило для него быть одному, не испытывая при этомъ тоски одиночества.

Придя домой, Оршинъ засталъ письмо изъ Россіи, съ которой онъ не имѣлъ связи уже болѣе пяти лѣтъ.

Съ удивленіемъ онъ разорвалъ конвертъ и прочелъ слѣдующее:

«Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ, родственница Ваша, Варвара Петровна Кочетова скончались на прошлой недѣлѣ отъ легкихъ, и братецъ Вашъ Павлуша остался на моемъ попеченіи. Но какъ я женщина больная и сама не надѣюсь прожить долго, то мы съ батюшкой, отцомъ Сергіемъ, порѣшили написать Вамъ, прсся Васъ — не возьмете-ли Вы братца къ себѣ за границу, чтобы онъ могъ какъ слѣдуетъ учиться и чтобы изъ него вышелъ человѣкъ. Сами знаете, что изъ него здѣсь выйдетъ. Ему пошелъ одиннадцатый годокъ, здоровье у него крѣпкое, но сложенъ онъ деликатнаго, ребенка добрый и послушный, а способностей прямо удивительныхъ. Варвара Петровна выучили его французскому языку и музыкѣ на рояли, а отецъ Сергій обучалъ его на дому наукамъ и Закону Божьему. Варвара Петровна давно хотѣли написать Вамъ, думая, что Вы поможете Имъ самимъ привезти къ Вамъ братца, но получили Вашъ адресъ незадолго передъ своею смертию, когда находились почти что безъ памяти. Въ апрѣлѣ бывшая помѣщица здѣшня, Анна Прохорова Плотинина, ѣдетъ на воды за границу, съ ней бы можно отправить и Павлушу; ему, какъ ребенку, выправлять особыхъ бумагъ не нужно, а метрическое, вмѣстѣ съ крестильнымъ крестикомъ, я бы зашила ему въ ладанку. О Павлушиной матери, послѣ того какъ она покинула папашу Вашего, вотъ уже одиннадцатый годъ какъ ничего не извѣстно и жива ли она, не знаемъ. Варвара Петровна воистину были Павлушѣ замѣсто матери. И я, и отецъ Сергій уповаемъ, что Вы пожалѣете братца

и не оставите его. Кромѣ Васъ у него на всемъ свѣтѣ никого не осталось. А Господь наградитъ Васъ, что пожалѣли ребенка. Денегъ на дорогу, говорятъ, нужно сто американскихъ долларовъ; выслать ихъ можно на имя отца Сергія Богоявленскаго по адресу: село Ветлуги Каширскаго уѣзда Тульской губерніи.

Бывшая безотлучно при Варварѣ Петровнѣ двадцать три года, остаюсь съ уваженіемъ къ Вамъ Ѳедосія Тихонова».

Оршинъ перечелъ письмо еще разъ. Онъ совершенно забылъ о существованіи брата, котораго, впрочемъ, никогда и не видѣлъ. Отецъ его, старый дипломатъ, жившій всегда за границей, вернулся въ Россію передъ самымъ началомъ войны и вскорѣ женился во второй разъ на молоденькой особѣ, которая, послѣ рожденія сына, бросила его и мужа, поступила въ сестры милосердія и уѣхала куда-то на Кавказъ. Отецъ вскорѣ умеръ отъ удара и ребенка взяла къ себѣ родственница его первой жены, Варвара Петровна Кочетова, жившая то въ Москвѣ, то въ своемъ имѣніи въ Тульской губерніи. Обо всемъ этомъ, какъ и о смерти отца, Оршинъ, будучи на фронтѣ, узналъ много позже. Гражданская война и эвакуація совершенно оторвали его отъ тѣхъ немногихъ родственниковъ, которые оставались въ живыхъ, и до сихъ поръ онъ ничего не зналъ о судьбѣ маленькаго брата.

— Какъ хорошо, что я имѣю возможность его написать. Завтра же пошлю деньги, — подумалъ Оршинъ. — Поѣздку въ Италію можно на время отложить.

Ему было странно и совершенно ново сознаніе, что есть кто-то, о комъ онъ долженъ заботиться.

— Но что я буду дѣлать съ малышомъ? — думалъ Оршинъ. — Какъ я буду его воспитывать?

Онъ вспомнилъ о знакомомъ французскомъ священникѣ, нѣкоемъ М. Роландо, во всѣхъ отношеніяхъ достойномъ человѣкѣ, недавно назначенномъ въ Blois ректоромъ одной французской школы, пользующейся хорошей репутаціей. Обдумавъ всѣ обстоятельства дѣла, Оршинъ рѣшилъ помѣстить брата именно въ эту школу и завтра же написать священнику.

VII.

На другой день, ровно въ десять часовъ утра, какъ было условлено наканунѣ, Оршинъ, ожидая Варвича съ его дамами, прохаживался подъ воротами Лувра. Они появились не съ той стороны, откуда онъ ихъ ждалъ и, принимая ихъ за группу незнакомыхъ иностранцевъ, онъ спокойно ихъ разглядывалъ. Вниманіе его сосредоточилось на Ксеніи.

— Хорошій поставъ головы и прекрасныя ноги, — думалъ онъ. — Низкій каблукъ — признакъ хорошаго тона; граціозная походка... Если у нея хорошіе зубы и свѣжій цвѣтъ лица, это уже очень много, а если при этомъ она хороша собой... У старушки, бѣгущей рядомъ, нелѣпый видъ, черныя боты... Неужели русскіе? А этотъ типъ, который жестикулируетъ... Ба!..

Узнавъ Варвича, дѣлавшаго ему знаки, Оршинъ пошелъ навстрѣчу.

Здороваясь съ Ксеніей, онъ успѣлъ внимательно разсмотрѣть ее лицо, уловить быстрый взглядъ ея полуопущенныхъ глазъ и замѣтить нѣжное очертаніе ея рта.

— Очень хороша, — подумалъ онъ и, по его крѣп-

кому рукопожатію и легкой улыбкѣ, Варвичъ понялъ, что вкусъ его былъ одобренъ.

Начали съ Египетскаго отдѣла. Оршинъ рѣшилъ добросовѣстно отнести къ своимъ обязанностямъ гда и, съ несвойственной ему серьезностью, повѣствовалъ о сфинксахъ и саркофагахъ, обращаясь то къ Ксеніи, то къ Софѣ Васильевнѣ, удѣляя каждой изъ нихъ равное количество вниманія. Варвичъ видимо скучалъ и, разсѣянно слушая Оршина, прохаживался между саркофагами съ видомъ покупателя, зашедшаго отъ нечего дѣлать въ мебельный магазинъ. Софья Васильевна слушала очень внимательно, громко вздыхая и время отъ времени прерывая Оршина дѣльными замѣчаніями о древности мумій, о непонятности іероглифовъ и т. д. Ксенія держала себя очень чинно и, когда Оршинъ начиналъ какое нибудь объясненіе, слушала его молча, ставъ прямо, сложивъ руки и опустивъ глаза. Въ этой ученической позѣ, которая къ ней очень шла, она казалась еще моложе своихъ девятнадцати лѣтъ. Ея свѣжесть особенно выдѣлялась среди окружавшихъ ее мрачныхъ обломковъ древности.

— Нельзя придумать лучшаго фона для ея портрета, — подумалъ Оршинъ; но эта же мысль пришла ему въ голову и въ отдѣлѣ классической древности, среди мраморныхъ вазъ и статуй и потомъ среди рыцарскихъ доспѣховъ средневѣковаго отдѣла.

Варвичъ нѣсколько разъ пытался овладѣть вниманіемъ Ксеніи, но безуспѣшно.

— Странная дѣвочка, — подумалъ Оршинъ; — вотъ уже около часу, какъ она внимательно слушаетъ и не произносить ни одного слова. Интересно, какой у нея голосъ?

— Чтобы составить себѣ ясное представленіе объ эпохѣ, — продолжалъ онъ, незамѣтно для себя все болѣе увлекаясь темой и обращаясь уже къ Варвичу, — необходимо сравнить ее съ нашей эпохой. Исторія Халдеи, Ассиріи, Персіи и Египта есть исторія царей и фараоновъ, то-есть исторія отдѣльныхъ личностей и ихъ творчества. Исторія Греціи и Рима, когда, не смотря на зарожденіе и періодическое развитіе республиканскихъ формъ, люди раздѣлялись на свободныхъ и рабовъ, есть исторія «избранныхъ» и ихъ творчества. Наше время является матеріаломъ для исторіи демоса, или массъ и только, ибо массы лишены творческаго начала, имъ свойственно только начало разрушенія. Чѣмъ абсолютнѣе власть личности въ ту или иную эпоху, тѣмъ грандіознѣе и долговѣчнѣе оставляемые ею слѣды. Мы читаемъ надписи на пирамидахъ и саркофагахъ, учимся зодчеству и скульптурѣ по греческимъ образцамъ... Врядъ-ли послѣдующіе вѣка увидятъ какіе-либо остатки отъ нашей эпохи. Всякое творчество является продуктомъ вдохновенія; тогда люди вдохновлялись вѣчнымъ, теперь — повседневнымъ. Я не вхожу въ разсмотрѣніе того, на чьей сторонѣ истина — закончилъ онъ, улыбаясь Варвичу, который, считая себя демократомъ, приготовился протестовать.

Только къ полудню успѣли закончить осмотръ древнихъ украшеній и греческой керамики.

Варвичъ откровенно зѣвалъ, Софья Васильевна замѣтно утомилась и Оршинъ предложилъ отдохнуть.

— Вы, вѣроятно, тоже устали? — обратился онъ къ Ксеніи.

— Нѣтъ, нисколько, — отвѣтила она. — Мы слишкомъ спѣшимъ. Я еще приду сюда одна, чтобы осмотрѣть все хорошенько.

Сказавъ это, она смутилась и принялась разсматривать какую-то статуэтку.

— Удивительный голосъ, — подумаль Оршинъ. — И какъ она мило говорить.

Варвичъ подошелъ къ Ксеніи, Оршинъ усьлся на скамью около Софьи Васильевны и сталъ спрашивать ее о Прагѣ. Слушая словоохотливую старушку, онъ слѣдилъ глазами за Ксеніей и Варвичемъ.

— Красивая пара, — думаль онъ, — и я очень радъ за него. Очень, очень радъ...

— Мы жили совсѣмъ замкнуто, — продолжала Софья Васильевна свое повѣствованіе. — По утрамъ Ксюша ходила въ университетъ, потомъ на службу, а вечера, если не было какихъ-нибудь лекцій, мы проводили дома, я за вязаньемъ, Ксюша за книгой; вслухъ мнѣ читала, самой мнѣ глаза не позволяютъ. Перечитали всѣхъ классиковъ, Пушкина всего прочли...

Оршинъ испытываль не то грусть, не то усталость. Предстояль самый интереснѣйшій — картинный отдѣлъ, къ тому же наиболѣе ему знакомый, а онъ чувствовалъ, что выдохся для роли гида. И въ то же время онъ считаль себя не вправѣ скомкать объясненія, имѣя передъ собой такую внимательную слушательницу, какъ Ксенія. На его счастье, Варвичъ, у котораго было много дѣла, предложилъ ограничиться на сегодня средневѣковымъ отдѣломъ, а все остальное отложить до слѣдующаго раза.

— Средніе вѣка — говорилъ Оршинъ, — характеризуются присутствіемъ Бога, какъ наше время характеризуется его отсутствіемъ. Все, что ни совершалось людьми въ эти суровые вѣка, все совершалось ими во имя Божіе. Самый безразсудный и, въ то же время, самый яркій и красивый эпизодъ исторіи — крестовые по-

ходы — результатъ экзальтированной мысли о Богѣ. И кто знаетъ, можетъ быть, рѣчь Петра Пустынника на Клермонскомъ соборѣ имѣла большее значеніе въ исторіи человѣческаго духа, чѣмъ рѣчи всѣхъ ораторовъ и проповѣдниковъ послѣдующихъ вѣковъ... Рыцарскій романтизмъ рожденъ религіей; «дама сердца» немыслима безъ Мадонны, вѣрность немыслима безъ вѣры... Изобразительное искусство въ упадкѣ, ибо глаза людей больше обращены къ небу, чѣмъ на окружающіе предметы. Торжество духа надъ матеріей, души надъ тѣломъ... Доказательствомъ могутъ служить хотя бы эти женскіе наряды, тяжелые и закрытые. А это рыцарскіе амулеты. Въ этомъ вѣроятно лежала прядь женскихъ волосъ; можетъ быть его нашли гдѣ нибудь въ пескахъ Палестины, на мѣстѣ битвы... Рыцари дрались храбро... Да и стоило ли цѣпляться за жизнь, когда можно было умереть съ такимъ амулетомъ на груди?.. — задумчиво усмѣхаясь проговорилъ Оршинъ, не замѣчая, что Ксенія уже нѣсколько минутъ не отрываетъ отъ него глазъ.

— Оршинъ, ты ли это? Тебя ли я слышу? — разсмѣялся Варвичъ.

— Во-первыхъ, я не Оршинъ, а гидъ и не могу говорить иначе, — отвѣтилъ Оршинъ, стараясь замаскировать свое смущеніе, вызванное не столько словами Варвича, сколько выраженіемъ лица Ксеніи, смотрѣвшей ему прямо въ глаза лучистымъ и довѣрчивымъ взглядомъ.

Дальнѣйшія объясненія не клеились и сегодняшній осмотръ Лувра былъ законченъ.

До завтрака предстояло заѣхать за Левкоевой, подругой Ксеніи, остановившейся въ одномъ съ ней отелѣ и за нѣкимъ Хрюминымъ, ихъ общимъ пражскимъ знакомымъ, пріѣхавшимъ въ Парижъ одновременно съ ними и тамъ же остановившимся. Хрюминъ, бывший Кур-

скій помѣщикъ и земскій дѣятель, въ эмиграціи служилъ по разнымъ издательствамъ и былъ приглашенъ Варвичемъ на должность завѣдывающаго конторой журнала.

Въ такси, сидя противъ Ксеніи, Оршинъ рѣшительно не зналъ, куда дѣвать свои длинныя ноги, чтобы какъ нибудь ее не толкнуть и не стѣснить. Вообще, онъ нѣсколько неловко чувствовалъ себя въ обществѣ Ксеніи и Варвича, которому, не далѣе какъ вчера, наговорилъ всякой всячины о русскихъ женщинахъ и дѣвушкахъ.

— На его мѣстѣ, я не познакомилъ бы меня съ дѣвушкой, которую я люблю, — подумалъ онъ.

Принимая участіе въ общемъ разговорѣ, онъ искоса поглядывалъ на Ксенію и каждый разъ обнаруживалъ въ ея лицѣ какую нибудь особенность.

— Если ея черты созданы Богомъ, — думалъ онъ, еще не вполне отрѣшившись отъ средневѣковаго направленія мыслей, — то этотъ пушокъ, оттягивающій верхнюю губу и эта родинка на лѣвой щекѣ несомнѣнно добавлены діаволомъ.

Завтракали въ томъ же ресторанѣ, гдѣ вчера Оршинъ обѣдалъ съ Варвичемъ. Оршинъ сидѣлъ между Софьей Васильевной и Левкоевой; Ксенія съ Варвичемъ и Хрюминъ сидѣли по другую сторону стола.

Левкоева, бывшая подругой Ксеніи по пражскому университету, была приглашена Варвичемъ въ Парижъ по просьбѣ одного вліятельнаго чешскаго политическаго дѣятеля. Проживъ по нѣсколько лѣтъ въ Сербіи и въ Болгаріи, она отлично знала славянскіе языки, вклю-

чая и польскій, ибо сама она была уроженкой Вильно. Она была лѣтъ на десять старше Ксеніи. Высокая свѣтлая шатенка, съ роскошными формами, прекраснымъ цвѣтомъ лица и большими блестящими сѣрыми глазами, она была очень хороша собой и казалась бы еще интереснѣе, если бы не причесывалась по мужски, не красила ногтей въ ярко-розовый цвѣтъ и не носила слишкомъ кричащихъ туалетовъ. Держала она себя очень спокойно и очень увѣренно, производя впечатлѣніе особы разумной, практичной и знающей себѣ цѣну. Какъ бы не довольствуясь тѣмъ законченнымъ обликомъ, который дала ей природа, она старалась придать себѣ видъ женщины, живущей высшей духовной жизнью. Къ Оршину она отнеслась такъ, какъ, по ея мнѣнію, должна была отнестись къ художнику, человѣку искусства, чуткая и одухотворенная женская натура. «Вдохновеніе», «настроеніе», «выявленіе», «творческій порывъ»... всѣ эти термины какъ градъ посыпались на Оршина, картины котораго она, кстати, не видѣла.

— Ну, скажите, — говорила она, — чѣмъ долженъ обладать художникъ, чтобы выявить свое «я»?

— Кистями, красками, палитрой, кускомъ полотна, и умѣньемъ всѣмъ этимъ пользоваться, — отвѣчалъ Оршинъ, сердито поглядывая на Варвича, невозмутимо ѣвшаго свой омлетъ.

— Нѣтъ, серьезно, скажите, въ чемъ заключается вдохновеніе? Что это за состояніе души?

— Не могу вамъ объяснить, потому что никогда его не испытывалъ.

— Я вамъ не вѣрю. Вы такъ говорите изъ скромности.

По смѣющемуся взгляду Ксеніи, Оршинъ понялъ, что она входитъ въ его положеніе.

— Вы не ошиблись, именно изъ скромности... — сознался онъ. — Вдохновеніе это родъ экстаза. Вы сидите спокойно въ креслѣ, читаете газету, или чистите ногти и вдругъ по вашимъ жиламъ пробѣгаетъ нѣчто вродѣ судороги. Вы вскакиваете, протягиваете руки, ощупью находите кисть, палитру, какъ во снѣ подходите къ мольберту и безсознательно создаете тотъ прекрасный образъ, который возникъ въ вашемъ воображеніи. Потомъ, обезсиленная, вы падаете въ кресло. Придя въ себя, вы смотрите на мольбертъ и не вѣрите своимъ глазамъ: на чистомъ полотнѣ появилась лошадь, или пейзажъ, или женскій портретъ...

Всѣ слушали Оршина съ недовѣрчивымъ вниманіемъ; одна Ксенія кусала себѣ губы и, когда онъ кончилъ, не могла удержаться отъ смѣха. Вслѣдъ за ней разсмѣялась и Левкоева.

— Съ вами нельзя говорить серьезно, — съ шутивымъ упрекомъ сказала она Оршину и разговоръ перешелъ на воспоминанія о Чехиі.

Варвичъ, считавшій себя, подобно Левкоевой, носителемъ высшей духовной культуры, проводилъ параллель между чехами и сербами.

— По психологіи, чехи купцы, сербы воины. У сербовъ вообще горячѣе кровь, они на все живѣе реагируютъ. Напримѣръ, наша литература гораздо понятнѣе сербамъ, нежели чехамъ. Эти слишкомъ *terre-à-terre*. Все, что понимается подъ «*ame slave*» къ чехамъ непримѣнимо вовсе, при всемъ ихъ славянскомъ самосознаніи...

— И слава Богу, — унылымъ тономъ замѣтилъ Хрюминъ. — Потому и живутъ какъ люди. Я бы сказалъ, что изъ всѣхъ вашихъ славянъ только у чеховъ голова на мѣстѣ.

— Смотря съ какой точки зрѣнія.

— Да съ какой хотите. Народъ культурный, живутъ спокойно и знаютъ чего хотятъ, а это главное. И будущее имъ не страшно. А сербы, — за одинъ день нельзя поручиться; того и гляди, сцѣплятъ съ сосѣдями, или начнутъ другъ дружку рѣзать. То же и болгары... Польша? Эта, какъ говорится, сама себѣ врагъ. Тутъ все непрочно, не серьезно и непредусмотрительно. И въ нее никто не вѣритъ, и сама въ себя она не вѣритъ. И ее не урезонишь, тутъ уже «ame slave». Ну, а про насъ и говорить скучно.

— Подождите, — загадочно проговорилъ Зарвичъ.

— Жду. Который годъ жду. Въ вашу слаянскую затѣю, какъ я вамъ докладывалъ еще въ Прагѣ, я плохо вѣрю...

— Во что жъ вы вѣрите? — спросилъ Варичъ.

— Говоря по совѣсти, ни во что. Надо смстрѣть правдѣ въ глаза и признаться честно, что историческая игра нами проиграна. Обанкротились. Государство — тотъ же торговый домъ; иной работаетъ себѣ помаленьку, по одежкѣ протягиваетъ ножки и крѣпнеть да крѣпнеть. А иной зарвется съ первыхъ шаговъ: понастроить шестиэтажныхъ домовъ, понавываетъ акцій, а при первой же биржевой встряскѣ летитъ вверхъ тормашками. Такова была Россія, таковой была и есть Польша. А все потому, что нѣтъ сознанія реальности, нѣтъ расчета, нѣтъ выдержки. «Аme slave». Вотъ, вы говорите, что чехи не понимаютъ нашей литературы? И тѣмъ лучше для нихъ. Я бы, на мѣстѣ ихняго прavitельства, прямо конфисковалъ бы всѣ русскія книжки, да и того... и вмѣстѣ съ писателями, чтобъ не туманили здоровые мозги. Какъ то недавно попался мнѣ одинъ русскій романъ, изъ новыхъ; переводятъ на чеш-

скій языкъ, въ культурныхъ, такъ сказать, цѣляхъ. Прочелъ. И чего тамъ только нѣтъ: и о Богѣ, и о загробной жизни, и о назначеніи человѣка, да все это перепутано съ любовью, и любовь-то какая-то особенная; про героя и говорить нечего — все не по немъ, на все смотреть не то свысока, не то сбоку, и самъ не знаетъ чего хочетъ. — Зачѣмъ вы, говорю, это переводите? Чеху это все неинтересно. Прочтеть и плюнетъ. У нихъ просто: любишь — женись, не любишь — уходи; любовь — одно, а загробная жизнь — другое; сердцемъ люби, головой думай, руками работай. А тутъ все наоборотъ. Какая имъ польза отъ такой книги?

— Вы сами, Иванъ Тимофеевичъ, вродѣ чеха, — запротестовала Левкоева. — Если все такъ просто, зачѣмъ же тогда и романы писать?

— Романъ роману рознь.

— Вотъ, вы бы написали романъ, я навѣрно бы уснула на первой страницѣ. Вы какъ смотрите? — обратилась она къ Оршину.

— Я согласенъ съ мнѣніемъ господина...

— Какой же вы послѣ этого художникъ?

— Художникъ художнику рознь, — улыбнулся Оршинъ.

— А вы, простите за любопытство, — обратился къ нему Хрюминъ, — пейзажистъ? Или по какой, такъ сказать, части?

— Я по части пие — небрежно отвѣтилъ Оршинъ, закуривая трубку.

— Это лучше, — усмѣхнулся Хрюминъ. — Тутъ, по крайней мѣрѣ, все на чистоту, натура.

Левкоева бросила на Оршина томно-лукавый взглядъ и поправила кружево на большомъ вырѣзѣ своего платья. Ксенія, весело и внимательно слушавшая

разговоръ, чуть-чуть нахмурила брови и задумалась, что не ускользнуло отъ Оршина.

— *Nous sommes prude*, — подумалъ онъ, — впрочемъ, это къ ней идетъ.

Хрюминъ продолжалъ спорить съ Варвичемъ по поводу славянства, доказывая, что съ нѣмцами у насъ больше общаго, чѣмъ съ любымъ изъ славянскихъ народовъ.

— Берите исторію за послѣднее столѣтіе, — говорилъ онъ; — мало-ли что было въ седьмомъ или восьмомъ вѣкахъ!..

Оршинъ не принималъ участія въ спорѣ; дѣлая видъ, что слушаетъ, онъ наблюдалъ за Ксеніей, разговаривавшей съ Левкоевой и Софьей Васильевной о какихъ-то пустякахъ.

Когда, по настоянію послѣдней, она сняла шляпу, закрывавшую верхнюю часть ея лица и почему то бросила быстрый взглядъ на Оршина, онъ поразился необычайнымъ сходствомъ между нею и кѣмъ-то ему близко знакомымъ, но впечатлѣніе это такъ же быстро разсѣялось, какъ возникло. Очевидно, длинные волосы, которые она носила и которые дѣлали ее непохожей на всѣхъ окружающихъ женщинъ, вызвали въ его воображеніи какой-то давно забытый образъ, тѣмъ болѣе, что въ ея лицѣ было что-то абсолютно русское.

— Въ чемъ вообще заключается своеобразная прелесть русской красоты? — размышлялъ, поглядывая на нее, Оршинъ; — красоты, независящей ни отъ правильности чертъ, ни отъ цвѣта лица или волосъ? Что объединяетъ всѣ эти разныя, совершенно не похожія другъ на друга, русскія женскія лица? Почему онѣ бросаются въ глаза и на улицѣ, и на портретахъ въ картинныхъ галлерейхъ, и въ витринахъ фотографовъ? Станные существа. Та-

же загадка заключается и въ ихъ голосѣ, который заставляетъ оборачиваться въ толпѣ даже иностранцевъ... Русская красота, всѣми признанная и никѣмъ не опредѣленная, волнующая и радующая, и наводящая какую-то грусть о чемъ-то, чему тоже нѣтъ ни опредѣленія, ни названія... Тоже что-то нереальное, путающее всѣ расчеты, постоянно угрожающее крахомъ и банкротствомъ... Что-то неподдающееся обладанію есть въ этой красотѣ, даже при обладаніи тѣломъ. Не потому-ли такъ сложенъ русскій романъ и такъ непослѣдовательны русскіе герои романовъ?

Оршинъ вспомнилъ свой разговоръ съ однимъ англичаниномъ, жившимъ въ Россіи.

— Никто не скажетъ, — говорилъ онъ, — «я люблю французенку», а скажетъ: «я люблю французенокъ», но зато каждый скажетъ: «я люблю, чортъ меня побере, русскую».

Послѣ завтрака Оршинъ простился съ обществомъ, условившись встрѣтиться черезъ нѣсколько дней для продолженія осмотра Лувра.

VIII.

За исключеніемъ небольшихъ, чисто техническихъ треній, предпріятіе Варвича шло успѣшно. Сама славянская идея не встрѣчала ничего кромѣ сочувствія; люди, о привлеченіи которыхъ Варвичъ могъ только мечтать, сами предлагали ему свои услуги, говоря, что считаютъ своимъ долгомъ внести посильную лепту въ столь полезное начинаніе. Авторитетъ Варвича признавался ими всѣми безпрекословно, даже тѣми изъ нихъ, кото-

рые имѣли репутацію людей заносчивыхъ и нетерпимыхъ.

Никогда еще Варвичъ не чувствовалъ такой вѣры въ себя и такого прилива энергіи; онъ положительно переживалъ героическую эпоху своей жизни. Точность, ясность мысли, способность одновременно давать исчерпывающія указанія по ряду разнородныхъ вопросовъ, входитъ во всѣ мелочи, не упуская изъ вида цѣлаго, давали ему поводъ сравнивать себя не только съ Муссолини, но порою и съ Наполеономъ.

Расчетливый въ личной жизни, онъ не стѣснялся въ расходахъ на нужды своего журнала, перефразируя слова великаго императора: для борьбы нужны деньги, деньги и деньги, не подозревая, что тѣми же словами воодушевлялись и его сотрудники, имѣвшие въ виду борьбу за свое собственное существованіе.

Изъ всѣхъ лицъ, имѣвшихъ общеніе съ Варвичемъ, одинъ Оршинъ не только не подчинялся его вліянію, но и подвергалъ его дѣйствія критикѣ; но зато Оршинъ питалъ къ нему личную привязанность и былъ на положеніи друга. Будучи художникомъ и вообще оригиналомъ, Оршинъ никакъ не могъ уронить его престижъ въ глазахъ окружающихъ; даже больше, Варвичъ инстинктивно сознавалъ, что дружба съ Оршинымъ даже способствовала поднятію этого престижа.

Что касается Ксеніи, то и съ этой стороны ничто не смущало Варвича; онъ занималъ въ ея глазахъ слишкомъ выигрышную позицію, чтобы у него былъ поводъ сомнѣваться въ ея чувствахъ. И здѣсь онъ не торопился, какъ человѣкъ нашедшій то, чего искалъ, но знающій и себѣ цѣну. Будучи сербомъ по происхожденію и по складу ума, Варвичъ не склоненъ былъ вносить въ житейскій вопросъ любви и женитьбы излишней сложно-

сти; онъ не мечталъ о какомъ-то неземномъ счастьи и думалъ о любимомъ существѣ не какъ объ ангелѣ, имѣвшемъ неосторожность спуститься на землю, а какъ о доброй и красивой дѣвушкѣ, изъ которой выйдетъ прекрасная жена.

Сегодняшнее утро было очень удачно для Варвича; онъ получилъ сердечное письмо отъ одного вліятельнаго серба для помѣщенія его въ первомъ номерѣ журнала и цѣлую гору литературнаго матеріала изъ Праги. Статьями парижскихъ сотрудниковъ онъ тоже остался доволенъ, какъ и иллюстраціями художниковъ. Помѣщеніе редакціи не оставляло желать лучшаго; телефоны, освѣщеніе, звонки, все дѣйствовало исправно, пишущія машинки стояли на мѣстахъ, на его письменномъ столѣ было разложено все необходимое. Даже кухня сіяла чистотой и была снабжена всѣмъ нужнымъ для чая и завтрака, включая толстую *M-me Noël*, перетиравшую стаканы.

По окончаніи осмотра помѣщенія, довольный Варвичъ удостоилъ сопровождавшаго его какъ на смотре Бушева крѣпкимъ рукопожатіемъ и изъясненіемъ благодарности за хлопоты и распорядительность.

Вечеромъ предстояло общее собраніе сотрудниковъ въ помѣщеніи редакціи, а черезъ день-два вся машина должна была быть пущена въ ходъ.

Предвидя массу дѣлъ, Варвичъ отказался отъ предполагаемаго на завтра осмотра Лувра, рѣшивъ оставить своихъ дамъ на попеченіе Хрюмина и Оршина.

Безукоризненное поведеніе послѣдняго при исполненіи имъ обязанностей гида и почтительное отношеніе его къ Ксеніи и Софѣ Васильевнѣ совершенно успокоили Варвича, который, съ одной стороны, никакъ не могъ избѣжать знакомства Оршина съ Ксеніей, съ дру-

гой стороны, боялся, чтобъ его легкомысленный пріятель не принялъ бы по отношенію къ ней неумѣстнаго тона. При этомъ Варвичу льстило, что Оршинъ явно оцѣнилъ его выборъ. Въ его глазахъ Оршинъ и Ксенія были настолько антиподами, настолько существами изъ разныхъ міровъ, что о возможности возникновенія между ними взаимной симпатіи онъ не думалъ вовсе; да и вообще, будучи и моложе и красивѣе Оршина, онъ не считалъ его своимъ соперникомъ.

Какъ-то на дняхъ, въ театрѣ, во время антракта, Варвичъ имѣлъ случай дать Ксеніи понять, что его чувство къ ней растетъ съ каждымъ днемъ и тѣмъ, какъ она приняла его слова, онъ остался доволенъ.

— Прекрасная дѣвушка, но еще очень скромная и застѣнчивая, — мечтательно думалъ Варвичъ, сидя въ своемъ удобномъ редакторскомъ креслѣ. — Мнѣ она подходитъ, я сдѣлаю изъ нея то, что мнѣ нужно и буду съ ней счастливъ.

И будущее представлялось ему законной наградой за все его прошлое.

Отецъ Варвича былъ сербъ, служившій на русской военной службѣ сначала въ Крыму, потомъ на Кавказѣ; мать его была русская. Варвичу было тринадцать лѣтъ, когда его привезли въ Петербургъ и отдали въ училище Правовѣденія. Находясь подъ покровительствомъ одного высокопоставленнаго лица, Варвичъ скоро сталъ на рельсы: вошелъ въ общество, приобрѣлъ связи и, къ выходу изъ училища, оказался вполне подготовленнымъ къ той легкой и быстрой карьерѣ, которая предстояла большинству его товарищей. Единственнымъ камнемъ преткновенія на его пути былъ недостатокъ средствъ, особенно обострившійся со смертью отца и съ переез-

домъ въ Петербургъ больной матери. Служба въ Сенатѣ, являвшаяся для сверстниковъ Варвича мѣстомъ, гдѣ они скорѣе числились чѣмъ служили, стала для него единственнымъ путемъ къ независимому положенію въ будущемъ и онъ принялся за нее со всѣмъ усердіемъ и упорствомъ честолюбца. Война, въ которой онъ не принялъ участія, только способствовала его продвиженію по службѣ и революція застала его уже на довольно отвѣтственной должности. Не связанный съ павшей монархіей никакими кровными узами, Варвичъ сразу же примкнулъ къ демократическимъ теченіямъ и уклонялся все болѣе влѣво, пока не подошелъ къ тому рубежу, за которымъ оканчивалась всякая возможность карьеры для человѣка съ его прошлымъ и воспитаніемъ. Попробовавъ свои силы на Украинѣ при Гетманѣ и въ Крыму при бѣломъ командованіи, и похоронивъ мать, Варвичъ эвакуировался въ Константинополь и далѣе во Францію. Во всѣхъ случаяхъ жизни его спасала врожденная способность находить себѣ покровителей и становиться имъ необходимымъ. Съ его знаніемъ языковъ и работоспособностью, онъ дѣйствительно оказывался полезнымъ во всякомъ дѣлѣ и всегда такъ или иначе былъ пристроенъ. Съ Оршинымъ онъ встрѣтился уже въ Парижѣ въ редакціи одной газеты, въ которую Варвичъ прѣбывалъ помѣстить свои статьи, а Оршинъ свои рисунки. Они стали часто встрѣчаться, философствуя и обсуждая статьи Варвича на тему объ устройствѣ будущей «славянской республики», и даже поселились бы вмѣстѣ, если бы не отъѣздъ Варвича въ славянскія страны .

— Много было напрасныхъ усилій и неосуществившихся плановъ, — думалъ Варвичъ. — Вѣчно я былъ чѣмъ-нибудь совѣтникомъ и свидѣтелемъ того, какъ

люди не умѣли пользоваться данной имъ властью тамъ, гдѣ я на ихъ мѣстѣ перевернулъ бы горы. Кажется пришло и мое время...

И сладко потянувшись, онъ придвинулъ къ себѣ блокнотъ и принялся набрасывать вступительную передовую статью.

IX.

День, когда Оршинъ завтракалъ съ Варвичемъ и его дамами, прошелъ для него незамѣтно; онъ отправлялъ въ Россію деньги, писалъ въ Blois и дѣлалъ кой-какія покупки.

На другой день онъ проснулся въ особенно бодромъ настроеніи. Выйдя въ мастерскую, чисто прибранную его новой *femme de menage* и залитую солнечнымъ свѣтомъ, онъ съ наслажденіемъ усѣлся за утренній кофе.

Онъ чувствовалъ себя хорошо отъ сознанія, что въ его жизни произошло какое-то пріятное измѣненіе. Это не былъ его успѣхъ какъ художника, и не деньги, дававшія ему извѣстное спокойствіе; это было возникновеніе около него новаго дѣятельнаго мірка, въ которомъ и онъ занималъ какое-то мѣсто. Этимъ міркомъ былъ Варвичъ и то, что его окружало, отъ славянскаго журнала до Ксеніи и ея бабушки включительно. Съ одной стороны, Оршину пріятно было сознавать, что для него окончился періодъ одиночества, съ другой стороны, соприкосновеніе съ этимъ живущимъ полной жизнью міркомъ побуждало его самого къ дѣятельности.

— Надо приступать къ слѣдующей картинѣ, — ду-

маль онъ, глядя на свисающія съ крыши и тающія на солнцѣ ледяныя сосульки, и испытывая ту легкую нервную взвинченность, при которой особенно хорошо работается. — Но какой сюжетъ?..

Онъ долго сидѣлъ съ закрытыми глазами, мысленно слѣдя за вереницей образовъ и картинъ, медленно проплывавшей въ его воображеніи.

Разныя страны, эпохи, историческіе эпизоды, сцены любви, лица, море, скалы, деревья покрытыя снѣгомъ, солнечный свѣтъ... одинъ яркій лучъ свѣта, сугробы... опять лучъ сквозь замерзшія стекла... И мелодія, что-то изъ Моцарта... Усадьба, зимнее утро, бѣлая зала... Лучъ падаетъ на женскую фигуру за клавирами... Голова обращена къ окну, руки остались на клавирахъ...

— Я еще не вижу ея лица... Почти вижу, знаю какимъ оно должно быть для этого утренняго луча и этой мелодіи, — думалъ Оршинъ.

Вереница образовъ исчезла, осталась картина, то заволакиваемая туманомъ, то озаряемая скользящимъ лучемъ свѣта.

— Я, кажется, нашелъ сюжетъ, — сказалъ Оршинъ, вставая и, поставивъ на мольбертъ новый подрамникъ, принялся набрасывать итальянскимъ карандашомъ эскизъ новой картины.

Онъ работалъ спокойно, не торопясь, совѣмъ не такъ, какъ надъ прежней картиной. Въ его новомъ сюжетѣ было какое-то утвержденіе жизни, а тамъ былъ бунтъ противъ жизни. То какъ бы таяло въ этомъ радостномъ утреннемъ лучѣ, изъ котораго рождалось новое.

Х

Повинуясь какому-то невыясненному закону, всѣ русскіе, прїѣзжающіе въ Парижъ, поселяются въ юго-западной его части — въ Passy и въ Auteuil. Это явленіе не можетъ быть отнесено къ исторической миссіи великороссовъ — заселять незанятые пространства, потому что эти участки города давно уже плотно заселены представителями другихъ націй; не можетъ оно быть объяснено и экономическими условіями, въ виду крайней дороговизны жизни въ этихъ участкахъ; ни, наконецъ, побужденіями объединительнаго характера, такъ какъ всѣ учрежденія, рестораны и магазины, обслуживающіе русскую колонію Парижа, расположены далеко отъ этихъ мѣстъ. Это явленіе стихійное. Подчиняясь ему, Ксенія и Софья Васильевна, посвятивъ нѣсколько дней на поиски квартиры, поселились въ маленькой квартиркѣ въ Auteuil.

Ксенія любила и умѣла устраиваться, умудряясь придавать любому жилищу домовитый и уютный характеръ; этому способствовала и Софья Васильевна, имѣвшая непобѣдимую слабость ко всякаго рода салфеточкамъ, покрываламъ, коробочкамъ, мѣшечкамъ и лоскуткамъ, которые сопровождали ее во всѣхъ переездахъ и которые Ксенія называла бабушкинымъ «шептаниемъ», вѣроятно, потому, что, разбираясь во всѣхъ этихъ предметахъ, Софья Васильевна всегда что-то про себя нашептывала.

Въ поискахъ квартиры и въ устройствѣ ея имъ помогаль Бушевъ, специально прикомандированный къ нимъ Варвичемъ для этой цѣли. Ксенія почувствовала

къ Бушеву родъ симпатіи еще при первомъ знакомствѣ и мысленно не одобряла Варвича за его небрежно-начальническое къ нему отношеніе. Наоборотъ, дружеское расположеніе къ нему Оршина, о которомъ Бушевъ отзывался не иначе, какъ съ необычайной сердечностью и даже умиленіемъ, она находила вполне естественнымъ.

О чемъ бы Бушевъ не принимался рассказывать, онъ всегда сходилъ на Оршина, что не только не надоѣдало Ксеніи, но прямо отвѣчало ея женскому любопытству.

Отъ перваго знакомства съ Оршинымъ, у нея осталось какое-то неясное впечатлѣніе: не то онъ ей очень понравился, не то онъ былъ ей непріятенъ. Было для нея что-то притягательное въ его внѣшности и что-то чуждое ей, и даже враждебное, въ немъ самомъ. При встрѣчѣ съ Оршинымъ въ Луврѣ, она была удивлена переменой, происшедшей какъ въ его наружности, такъ и въ его манерѣ себя держать: онъ показался ей моложе и интереснѣе, а главное — лучше, привлекательнѣе, чѣмъ при первомъ знакомствѣ. Любопытство ея удвоилось; слушая его объясненія, она старалась не проронить ни одного слова, внимательно слѣдя за интонаціей его голоса и за каждымъ его движеніемъ. Отъ нея не ускользнули ни преувеличенная серьезность, съ которой онъ обращался къ ней и къ Софьѣ Васильевнѣ, ни его невольное увлеченіе темой, ни едва замѣтная усмѣшка, съ которой онъ, время отъ времени, оглядывалъ своихъ слушателей, какъ бы сознавая, что все, о чемъ онъ говорилъ, не могло быть имъ ни интереснымъ, ни даже понятнымъ. Последнее обстоятельство не замедлило задѣть Ксенію и заставило ее принять тотъ чинный видъ, на который обратилъ вниманіе Ор-

шинъ. Но все таки, онъ ей нравился все больше и больше и, чтобы сознаться въ этомъ, ей доставало чего-то главнаго и скрытаго, что она въ немъ предчувствовала. Она удвоила вниманіе, когда онъ пустился въ разсужденія о рыцарскомъ романтизмѣ и о крестовыхъ походахъ, а когда онъ закончилъ свою рѣчь юношески-наивнымъ замѣчаніемъ объ амулетахъ, она вдругъ поняла его всего. Страхъ и отчужденность, которые онъ въ ней возбуждалъ, исчезли; онъ сталъ ей равнымъ и близкимъ, и она не могла скрыть охватившихъ ее радости и нѣжности къ этому странному и доброму человѣку, какимъ онъ вдругъ ей представился.

Радостное настроеніе не покидало ее и по пути изъ Лувра, и за завтракомъ въ ресторанѣ, и во всѣ послѣдующіе дни. И не потому, чтобы она думала объ Оршинѣ, а просто безъ всякой причины. Ей сталъ нравиться и Парижъ, и его уличная жизнь, и погода, и новые люди, съ которыми ей приходилось знакомиться, и все что ее окружало; къ этому состоянію присоединялось новое для нея чувство увѣренности въ себѣ, въ правильности своихъ взглядовъ, словъ и поступковъ. Левкоева, не видѣвшая Ксенію нѣсколько дней, нашла ее необыкновенно похорошѣвшей и ожившей, что она приписала вліянію Парижа. Софья Васильевна, съ которой Ксенія стала нѣжна до ребячества, кротко покачивала головой и заводила разговоры о Варвичѣ, отъ которыхъ Ксенія явно уклонялась и этимъ даже нѣсколько обижала старушку.

Сама того не сознавая, Ксенія избѣгала Варвича, который, кстати, и самъ былъ занятъ по цѣлымъ днямъ. Когда онъ звалъ ее въ театръ, или на прогулку, она непремѣнно тащила за собой Софью Васильевну или Левкоеву, или просто ссылалась на какія нибудь неотлож-

ныя дѣла, относящіяся къ устройству квартиры или къ заботамъ о туалетѣ. Она постольку «любила» Варвича, поскольку онъ сдерживался въ проявленіи своихъ чувствъ; но стоило ему начать смотрѣть на нее загорѣвшимся взглядомъ, или заговаривать съ ней дрожащимъ отъ нѣжности голосомъ, она замыкалась въ себѣ и становилась сдержана и молчалива, что онъ относилъ къ ея скромности.

Когда въ театрѣ, гуляя съ ней по фойе, онъ болѣе опредѣленно заговорилъ о своей любви, она совершенно смѣшалась и не нашлась что ему отвѣтить. У нея не было основанія сказать себѣ, что она не любитъ Варвича, хотя бы потому, что она ничего не могла противопоставить тому чувству, которое она къ нему испытывала; вѣроятно она его любила, но иначе чѣмъ онъ ее, и, прежде всего, безъ желанія той физической близости, о которой она имѣла не вполне ясное теоретическое представленіе. Чувствуя себя неспособной во всемъ этомъ разобраться, она жила не думая, отдаваясь тому безпричинно радостному состоянію, которое продолжало владѣть ею, независимо отъ направленія ея мыслей.

Все, что она узнавала отъ Бушева о жизни Оршина и его прошломъ, не смотря на видимыя противорѣчія, отвѣчало ея новому представленію о немъ и не казалось ей страннымъ.

— У Мити золотое сердце, — говорилъ Бушевъ съ умиленіемъ, — только ни другіе этого не понимаютъ, ни самъ онъ себя не знаетъ.

— Онъ долженъ пользоваться большимъ успѣхомъ у женщинъ, — замѣтила Левкоева, присутствовавшая при этомъ разговорѣ.

Бушевъ расправилъ усы и плутовато улыбнулся.

— Не могу вамъ доложить. На этотъ счетъ Оршинъ — могила... А полагаю. Да, полагаю.

Ксенія, слушавшая Бушева, впервые замѣтила, что у него некрасивые усы и слишкомъ маленькіе глазки.

XI

Русскіе критики были отчасти правы, отказывая Оршину въ званіи подлиннаго художника. Онъ не былъ таковымъ ни по призванію, ни по подготовкѣ. Живопись была для него лишь однимъ изъ способовъ выраженія той внутренней тревоги, которая преслѣдовала его съ дѣтства, и которая ранѣе находила выходъ въ музыкѣ и въ литературѣ, въ равной степени ему доступныхъ. Онъ началъ съ поэзіи, бросилъ ее для музыки и кончилъ живописью, не достигнувъ ничего серьезнаго ни въ одной области. Можетъ быть, причина этого лежала въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ выросъ: Руководить его воспитаніемъ было некому, такъ какъ мать его умерла вскорѣ послѣ его рожденія, отецъ жилъ за границей, а бездѣтная тетка, на попеченіи которой онъ остался, умѣла только обожать его и выполнять малѣйшія его прихоти. Обладая большими способностями, онъ легко усвоилъ все то, что ему могли дать домашніе учителя и то привилегированное заведеніе, въ которомъ онъ воспитывался, но ничѣмъ изъ воспринятаго не воспользовался и, сразу же по окончаніи курса, поступилъ въ академію художествъ. Пробывъ тамъ два года и начавъ «подавать серьезныя надежды», онъ въ одинъ прекрасный день бросилъ академію и поступилъ на военную службу.

Послѣдняя была для него хороша уже тѣмъ, что,

не навязывая ему никакой специализации, оставляла полный просторъ его врожденному диллетантизму. Она отвѣчала и другому его стремленію: занимая въ жизни какое-то легальное положеніе, оставаться внѣ жизни и какъ бы надъ нею, чему способствовало и его независимое матеріальное положеніе.

Служа въ полку, Оршинъ чувствовалъ, что находился тамъ, гдѣ ему надлежало быть и гдѣ ему хорошо, во всякомъ случаѣ лучше и спокойнѣе, чѣмъ гдѣ либо, ибо съ вышеупомянутой внутренней тревогой онъ все равно не могъ справиться. Вѣроятно, она имѣла чисто атавистическое происхожденіе; онъ родился отъ двухъ яркихъ, но совершенно противоположныхъ натуръ: отецъ его былъ человѣкомъ большого и скептическаго ума, мать — необыкновенно талантливой и эксцентричной женщиной. Оршинъ воспринялъ многое какъ отъ отца, такъ и отъ матери: онъ мыслилъ какъ отецъ и чувствовалъ какъ мать; онъ скептически подсмѣивался надъ тѣмъ, что любилъ и безсознательно тосковалъ о томъ, что самъ же считалъ несерьезнымъ и ненужнымъ.

Условія воспитанія отразились и на отношеніи Оршина къ женщинамъ: никогда не видя въ женщинѣ матери, или сестры, онъ узналъ ее только, какъ любовницу и не научился уважать ее. — Мы не хотимъ понять, что женщины совсѣмъ другія существа, вовсе на насъ непохожія, — говорилъ онъ, — и мы предъявляемъ имъ требованія, которыя для нихъ невыполнимы. Понявъ это, мы перестаемъ и осуждать ихъ такъ строго.

Пользуясь успѣхомъ у женщинъ, онъ никогда не относился серьезно ни къ ихъ чувству, ни къ нимъ самимъ; будучи увѣренъ, что нравиться имъ можно только физически, онъ не считалъ нужнымъ обнаруживать передъ

ними своего внутренняго содержанія и рѣшительно скучалъ съ ними внѣ интимной обстановки.

— «Женщинамъ нужно платить», «женщина — лучший наркотикъ». — Къ этимъ двумъ несложнымъ афоризмамъ сводилось все его отношеніе къ женщинамъ. Такъ онъ, по крайней мѣрѣ, думалъ, но, наряду съ этимъ, зачитывался русскими и иностранными поэтами, не могъ спокойно слушать Вагнера и написалъ картину «Женщина и доллары».

Художникомъ по профессіи Оршинъ сталъ уже по прїѣздѣ въ Парижъ и только потому, что у него не было другихъ знаній, которыя онъ могъ бы примѣнить въ новыхъ условіяхъ. И онъ принялся за живопись во всѣхъ ея видахъ, рисуя что угодно и по чему угодно, отъ журнальных иллюстрацій и каррикатуръ, до декорацій и саженныхъ рекламъ включительно.

Успѣхъ его первой картины, съ одной стороны, далъ ему смѣлость для дальнѣйшей работы, съ другой стороны, открылъ ему новую карьеру художника-портретиста. За короткое время онъ получилъ нѣсколько очень выгодныхъ заказовъ и его «après-midi» было разобрано по часамъ. Его импрессарио Кацбаумъ, гордый тѣмъ, что именно онъ открылъ и лансировалъ Оршина, посѣщалъ его каждый день.

— Дѣло не въ портретахъ, а въ томъ, что черезъ нихъ ты можешь завязать хорошія связи, — говорилъ онъ, — а связи это все.

Но Оршинъ меньше всего заботился о связяхъ. Со своими свѣтскими заказчицами онъ держалъ себя совершенно официально, уклоняясь отъ разговоровъ о всемъ, что не имѣло отношенія къ портрету, и вскорѣ приобрѣлъ репутацію «нелюбезнаго», т. е. самую невы-

годную репутацію въ глазахъ каждаго француза или француженки.

Выйдя самъ изъ того общества, гдѣ художники, артисты и даже писатели разсматривались, какъ люди призванные обслуживать это общество, давая пищу его лѣнивому воображенію и поставляя матерьялъ для его салонной *causerie*, онъ не могъ быть польщеннымъ тѣмъ вниманіемъ, которое ему оказывали его кліентки. Онъ зналъ, что въ глазахъ этого общества, человѣкъ что либо производящій, будь онъ хоть геніемъ, всегда стоялъ ниже потребителя, хотя бы круглаго идіота.

— «Ну, скажите намъ что нибудь», или: — «Ну, что вы намъ подарите въ этомъ сезонѣ?» — говорили обыкновенно люди его общества, снисходительно обращаясь къ радостно взволнованному артисту, художнику или писателю, и послѣдній старался не за страхъ, а за совѣсть. Оршину не хотѣлось стараться и своимъ портретамъ онъ удѣлялъ меньше вниманія, чѣмъ новой картинѣ, которая быстро подвигалась впередъ.

Въ одинъ изъ наиболѣе удачныхъ для работы дней, уже въ сумеркахъ, въ его мастерскую влетѣла его старая знакомая *Frou Frou*. Осыпавъ его упреками за то, что онъ забылъ о ея существованіи, не смотря на то, что она была больна гриппомъ, и что «ея» картина, для которой она ему позировала, имѣла такой успѣхъ, она тутъ-же сообщила радостную вѣсть о своемъ примиреніи съ мужемъ и о завтрашнемъ отъѣздѣ къ нему въ Стокгольмъ.

Frou Frou была самой красивой и самой сумасбродной изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ когда либо встрѣчалъ Оршинъ. Богатая и самостоятельная, она разъѣзжала по всей Европѣ, нигдѣ не оставаясь подолгу и

вѣчно ссорясь со своимъ мужемъ, молодымъ флегматичнымъ англичаниномъ, очень ее любившимъ, но совершенно неспособнымъ поспѣвать за ея экспромптами. Послѣ каждой ссоры, Frou Exner уѣзжала изъ Швеции и принималась за какое нибудь искусство; то она брала уроки пѣнія, то училась игрѣ на арфѣ, то поступала на театральные курсы; послѣднее время она занималась живописью.

Несмотря на свою эксцентричность, она вела себя безупречно и нигдѣ не появлялась иначе, какъ въ обществѣ многочисленныхъ подругъ, большею частью американокъ.

Эта оригинальная рыжая женщина, съ прелестнымъ ртомъ и изумительнымъ тѣломъ шведки, сразу заинтересовала Оршина и онъ нашелъ случай съ ней познакомиться. Побѣда надъ ней послѣдовала тогда, когда онъ уже готовъ былъ сложить оружіе. Въ своемъ паденіи Frou Exner категорически обвиняла дьявола, снимая всякую отвѣтственность не только съ себя, но и съ Оршина. Ему оставалось принять эту формулу оправданія и широко воспользоваться кознями злого духа.

Вѣроятно разгадавъ непостоянный характеръ своего друга, Frou Exner избѣгала говорить о чувствахъ, не писала писемъ и не надѣдала ему частыми посѣщеніями.

На этотъ разъ она пріѣхала на одну минуту, только для того, чтобы проститься и сказать, что отнынѣ все бывшее между ними должно быть разъ на всегда забыто.

Уговоръ былъ заключенъ безъ преній, но прощаніе незамѣтно затянулось до слѣдующаго утра.

Проводивъ **Frou Exner**, Оршинъ засталъ у себя письмо Варвича, поручавшаго ему своихъ дамъ для продолженія осмотра Лувра. Отказываться было поздно и онъ нехотя поѣхалъ въ Лувръ.

Опоздавъ на пять минутъ, онъ засталъ у входа Ксенію, Левкоеву и Хрюмина; Софья Васильевна на этотъ разъ оставалась дома.

Еще не вполне отрѣшившись отъ впечатлѣній ночи, Оршинъ подходилъ къ Ксеніи не безъ замѣшательства. Ему казалось, что эта ночь оставила на немъ слишкомъ замѣтный отпечатокъ и что онъ несетъ съ собой тонкій и одуряющій запахъ духовъ и волосъ **Frou Exner**.

— До чего она похорошѣла, — подумалъ онъ, встрѣчая сіяющій взглядъ Ксеніи, въ которомъ онъ не могъ не прочесть радостнаго смущенія. Нервы его, взвинченные недавнимъ возбужденіемъ, вздрогнули и онъ вдругъ ощутилъ въ Ксеніи женщину, не похожую на ту, подъ впечатлѣніемъ которой онъ оставался, но, можетъ быть, еще болѣе соблазнительную, полную еще неизвѣданной имъ, дразнящей тайны. И съ этой минуты онъ уже не могъ смотрѣть на нее иначе. Идя за ней по нижней галлерей Лувра, онъ невольно слѣдилъ за ея движеніями, съ опытностью художника угадывая красоту линій ея тѣла подъ складками одежды.

На этотъ разъ осмотръ музея начался съ отдѣла греческой и римской скульптуры.

Оршинъ подвелъ своихъ спутниковъ къ своей любимой статуѣ «Діаны охотницы», названной «*Chasse-ressse aux belles jambes*». Когда Ксенія, съ большимъ вниманіемъ слушавшая его объясненія, провела рукой вдоль ноги статуи, онъ сказалъ ей дѣловымъ тономъ художника:

— Вамъ незачѣмъ такъ присматриваться къ Діанѣ, чтобы судить о красивомъ строеніи ногъ; для этого вамъ достаточно зеркала.

Онъ не ожидалъ, что его замѣчаніе до такой степени смутитъ Ксенію.

Ей показалось, что съ этими словами и со взглядомъ, который онъ на нее бросилъ, въ ихъ отношенія вошло то, чего не должно было быть, что-то сближавшее ихъ, страшное и желаемое, отъ чего ей слѣдовало немедленно уйти, но куда уйти она не знала.

— Нечего смущаться, Ксеничка, — сказала Левкоева, засмѣявшись дѣланнымъ смѣхомъ, — вѣдь вы знаете, что у васъ стройныя ножки.

Бросивъ на Левковсу почти умоляющій взглядъ, Ксенія взяла ее подъ руку.

Оршинъ понялъ, что выходка его была неумѣстна, но неумѣстна вообще, а не по отношенію къ Ксеніи, смущеніе которой тронуло его не больше, чѣмъ тронуло бы фавна смущеніе пойманной имъ нимфы.

Послѣ осмотра нѣсколькихъ статуй, Хрюминъ потянулъ Оршина за рукавъ и сказалъ ему на ухо:

— Уйдемте-ка, батенька, подальше отъ Парнаса. Богини еще куда ни шло, а боги, знаете-ли... того.

Дѣйствительно, Левкоева демонстративно увлекала Ксенію дальше и что-то говорила ей, щуря глаза и потряхивая головой.

— Портить дѣвочку, — подумалъ Оршинъ. — А можетъ быть не приходится и портить...

Найдя, что осмотръ музея принимаетъ нежелательный характеръ, Оршинъ рѣшилъ измѣнить маршрутъ и повелъ своихъ спутниковъ наверхъ, въ залу флорентійской живописи XV вѣка.

Переходя отъ одного отдѣла къ другому, онъ подробно останавливался на своихъ любимыхъ картинахъ, указывая на постепенное проникновеніе жизнерадостнаго классицизма въ мертвые, аскетическіе образы среднихъ вѣковъ, на торжество гармоніи между земнымъ и небеснымъ въ лицѣ Рафаэля, на вторженіе въ эту гармонію фламандской школы и, наконецъ, на все возраставшее торжество чисто земного реализма, отъ Рубенса до конца прошлаго столѣтія.

Стараясь подавить въ себѣ тѣ ощущенія, которыя въ немъ вызвала Ксенія, Оршинъ избѣгалъ на нее смотрѣть и обращался преимущественно къ Хрюмину, который, въ концѣ концовъ, заинтересовался чуждой ему живописью и временами даже вступалъ въ споръ.

— Хоть убейте, не вижу я ничего особеннаго въ вашемъ Рафаэлѣ, — мрачно сознался онъ.

— Рафаэль никѣмъ не превзойденъ, — возразилъ Оршинъ. — Только въ немъ полностью слились два начала, два главныхъ человѣческихъ культа: культъ Бога добра и культъ бога красоты. Онъ одинъ достигъ вершины этой гармоніи; онъ постолько великъ въ нашихъ глазахъ, поскольку мы сами ее ищемъ и въ ней нуждаемся. Въ ея Рафаэль непонятенъ и ненуженъ. Я склоненъ думать, что въ исканія добра и красоты вообще нѣтъ искусства.

Джіоконда ненадолго задержала вниманіе общества.

— Ничего, — пробормоталъ Хрюминъ, собирая въ кулакъ бороду.

— Ничего особеннаго, — добавила Левкоева, шурясь на Джіоконду, съ такимъ видомъ, съ какимъ кра-

сивая женщина смотритъ на другую красивую женщину, вызывающую восхищеніе окружающихъ мужчинъ.

Рубенсъ вызвалъ полное одобреніе Хрюмина, но Левкоевой рѣшительно не понравился.

— Гдѣ онъ нашелъ такихъ женщинъ? — запротестовала она. — Какіе-то куски мяса!

— Я бы этого не сказалъ... — промышаль Хрюминъ, вооружаясь пенснэ, къ которому онъ прибѣгалъ только въ исключительныхъ случаяхъ.

Осмотрѣвъ болѣе поверхностно отдѣлы новой живописи, прежнимъ путемъ направились къ выходу.

— Голландская школа заглохла въ концѣ XVII-го вѣка, порвавъ съ церковью и съ короной, т. е. съ традиціей, — говорилъ Оршинъ Хрюмину. — Въ Англіи до XVIII вѣка живопись почти отсутствовала, вѣроятно благодаря пуританизму; итальянская живопись достигла апогея въ эпоху наибольшаго расцвѣта папской власти; во Франціи она была насаждена послѣдними Valois и поднялась на максимальную высоту при послѣднихъ Людовикахъ. Во всѣхъ странахъ паденіе монархической власти и отходъ отъ церкви влекли за собой упадокъ живописи, да и всѣхъ видовъ искусства.

— Оно и понятно, потому что короли да папы прикармливали художниковъ, — замѣтилъ Хрюминъ.

— Совершенно вѣрно; искусство не можетъ существовать безъ меценатовъ, а демократіи оно попросту не нужно, ибо она его не понимаетъ; съ нея довольно дешевыхъ олеографій, бульварныхъ романовъ, джаза и гармоник. Въ наше время Рафаэль жилъ бы впроголодь и занимался бы увеличеніемъ портретовъ, Леонардо да Винчи проводилъ бы новую линію метро; величайшіе мастера искусства были бы теперь на роляхъ

ремесленниковъ. Но есть и другая причина: искусство не можетъ вдохновляться одними буднями, ему нужно отражать что-то возвышающееся надъ жизнью и освѣщенное традиціей. Зайдите на выставку въ *Grand Palais* и посмотрите на современную живопись; она поражаетъ безсюжетностью и отсутствіемъ того, что заставляетъ задуматься надъ картиной, отсутствіемъ чего-то находящагося за нею. Впрочемъ, въ послѣдніе годы было еще хуже. Повидимому, въ человѣческой психологіи совершается какая-то перемѣна и мы присутствуемъ при ея зачатіи.

— Думаете, опять вернемся къ королямъ и папамъ?

— Не знаю, но несомнѣнно куда-то уйдемъ отъ нынѣшнихъ будней.

Левкоевой, видимо, надоѣли серьезные разговоры и она старалась растормошить Ксенію, которая шла молча.

Ксенія слишкомъ мало видѣла вообще и обладала слишкомъ воспріимчивой натурой, чтобы оставаться спокойной и безучастной среди этого собранія лучшихъ произведеній искусства. Каждая картина ей что нибудь говорила; она чувствовала себя и утомленной, и взволнованной среди этой толпы образовъ, рожденныхъ любовью и красотой во всѣхъ ихъ формахъ и отраженіяхъ. Прислушиваясь къ голосу Оршина, она едва улавливала смыслъ его рѣчи, сознавая лишь то, что онъ ввелъ ее въ этотъ прекрасный міръ обнаженія тайны и онъ руководилъ ею. Она уже не упрекала его въ душѣ за сказанныя имъ слова, она не испытывала больше ни стыда, ни страха; если бы онъ подошелъ къ ней и взялъ ее на руки, она обвила бы руками его шею; она не могла бы ничего запретить ему...

Дойдя до послѣдней залы, остановились противъ знаменитаго «источника» Jngre'a . Обнаженная дѣвушка стояла въ нишѣ водопада, держа на плечѣ кувшинъ, изъ котораго струилась вода. Смотрѣли молча, залюбовавшись красотой этого живого юнаго тѣла.

Ксенія чувствовала за собой Оршина и знала, что онъ смотритъ на нее, а не на картину. Ей казалось, что она сама стоитъ передъ нимъ обнаженная, что онъ любитъся ею и что у нея не хватаетъ ни силы, ни воли уйти отъ него.

И когда, какъ бы повинуюсь его взгляду, она повернула къ нему лицо, онъ прочелъ въ ея глазахъ все, что она и не могла, и не хотѣла отъ него скрыть и въ чемъ она сама себѣ не отдавала отчета.

У выхода изъ Лувра, Оршинъ, сославшись на предстоящій сеансъ, простился со своими спутниками и уѣхалъ домой.

Онъ чувствовалъ себя усталымъ, въ головѣ его стоялъ туманъ. Приѣхавъ домой, онъ, не раздѣваясь, легъ на постель, но не могъ уснуть, всталъ и принялся ходить по мастерской.

— Такая же, какъ всѣ, — вдругъ ясно формулировалась мысль, вертѣвшаяся въ его мозгу. — А развѣ я ждалъ отъ нея чего-нибудь другого?..

Онъ не отвѣтилъ себѣ на этотъ вопросъ и, пожавъ плечами, взялъ палитру и подошелъ къ начатой картинѣ. Она ему больше ничего не говорила. Не свѣтилъ солнечный лучъ, не звучала мелодія Моцарта, бѣлая зала казалась пустой, ея обстановка банальной...

Взявъ ножъ, онъ началъ соскабливать еще свѣжія краски, но, потерявъ терпѣніе, снялъ полотно съ мольберта и бросилъ его за шкафъ.

Часть вторая

I.

Сидя въ мастерской Оршина, на своемъ обычномъ мѣстѣ, между большимъ столомъ и окошкомъ, Бушевъ допивалъ шестую бутылку пива.

Нельзя было сказать, что пиво являлось для него любимымъ напиткомъ; оно было его стихіей. Его организмъ нуждался въ постоянномъ прохожденіи черезъ него пивныхъ потоковъ и только при этомъ условіи могъ нормально функционировать. Бушевъ не былъ равнодушенъ и къ другимъ напиткамъ, но всѣ они оказывали то или иное вліяніе на его настроеніе и образъ мыслей, вполнѣ же самимъ собой онъ былъ только за стаканомъ пива.

Оршинъ лежалъ въ креслѣ, вытянувъ ноги къ печкѣ и, куря трубку, разсѣянно слушалъ подвыпившаго Бушева.

— А утромъ, бывало, на маневрахъ, — вспоминалъ тотъ съ мечтательнымъ видомъ, — стягиваются эскадроны и выстраиваются въ полѣ подъ лѣсомъ. Стали, подравнялись. Красота!.. Изъ деревни на рысяхъ выѣзжаетъ штандартный взводъ. Вотъ скрылся за косогоромъ, только слышенъ стукъ копытъ по мосту, да фырканье лошадей... Вотъ показался снова, штандартъ впереди. Командующій полкомъ вынимаетъ шашку. —

«Подъ штандарты! Пики въ руку, шашки вонь! Слушай!.. Господа офицеры!»... Трубаچی взмахиваютъ трубами и начинаютъ: Тра-та-та-та-... та...

Бушевъ выпрямился на стулѣ и, вытянувъ руку съ трубкой, строго и вдохновенно смотрѣлъ передъ собой.

— Нѣтъ, Митя, — вздохнулъ онъ, умиленно моргая глазами и наливая себѣ пива, — есть во всемъ этомъ что-то такое... Чортъ его знаетъ, что оно...

Онъ махнулъ рукой и задумался, глядя въ полъ блестящими глазами.

— А то, бывало, подъ Краснымъ, на дивизионномъ ученіи; разведутъ полки, спѣшутъ. Сейчасъ водочка, закуска, потомъ, конечно, вино... И, помню, придумали забаву: выйдетъ кто-нибудь, у кого голосъ погромче; и крикнетъ черезъ все поле: — «Здоровье уланскаго полка, ура!...» — И трубаچی жарятъ уланскій маршъ. Слышишь, оттудова кричатъ: — «Здоровье конно-гренадеръ! или, тамъ, гусаръ, ура!» — И ихъ трубаچی играютъ гусарскій или конно-гренадерскій маршъ. И такъ всѣ четыре полка перекликаются покуда не выпьютъ все вино. Бывало Бруня, Бруманъ — ты помнишь, — или Димецъ... Нѣтъ, при тебѣ они всѣ были уже генералами. Или Шуша Друбниковъ, покойникъ, Царство ему Небесное.... Да и Бруня, и Вася Димецъ, и Чевскій Анатолій... Господи, да неужели никого изъ нихъ не осталось? Кажись, давно-ли...

Бушевъ поникъ головой и вдругъ сморщился и горько заплакалъ.

Оршинъ всталъ, сѣлъ около него на столъ и молча положилъ ему руку на плечо.

— Ты меня извини, Митя, — проговорилъ Бушевъ, всхлипывая и утирая ладонью слезы; — старъ стано-

влюсь и слабъ... И потомъ, знаешь, много было въ жизни хорошаго, и люди были хорошіе. Возьми ты, напри-мѣръ... Ну, да что ужъ тутъ!... У меня теперь, говоря по совѣсти, ты одинъ, который понимаешь... А ты все можешь понять, Митя, за это я тебя и люблю. Знаешь, — добавилъ онъ, — я такъ полагаю, что у каждаго чело-вѣка долженъ быть кто-нибудь, кому онъ можетъ раз-сказать о себѣ.

— Да, это правда, — задумчиво проговорилъ Оршинъ, принимаясь ходить по комнатѣ.

— Встѣ, Ксенія Александровна и Софья Васильев-на, онъ меня принимаютъ какъ родного, да вѣдь имъ всего этого не расскажешь.... Правда, Ксенія Александровна, она вродѣ тебя, она тоже все можетъ понять. — Онъ задумался. — Да, прекрасная дѣвушка, дай ей Богъ всякаго счастья съ Варвичемъ. Хорошая будетъ жена, настоящая.

Оршинъ едва замѣтно усмѣхнулся и отодвинуть мольбертъ, который загораживалъ ему дорогу.

— Ксенія Александровна все о тебѣ спрашиваетъ — что ты дѣлаешь, да какъ ты жилъ раньше. На иной вопросъ, какъ ты понимаешь, отвѣтить бываетъ трудно.

— Не вздумай меня расхваливать. Скажи просто, что я горькій пьяница и развратникъ.

— Ну, зачѣмъ же....

— Она и про Варвича спрашиваетъ?

— Варвича она и такъ каждый день видитъ въ редакціи. Отчего бы тебѣ къ нимъ не зайти. Вѣдь онъ живутъ тутъ же, въ Auteuil, въ двухъ шагахъ отъ тебя.

Оршинъ пожалъ плечами.

— Право. Очень были бы рады. По вечерамъ онѣ однѣ; Левкоева, Ольга Семеновна, заѣзжаетъ рѣдко....

— А Варвичъ?

— А Петръ Степановичъ по вечерамъ большею частью въ редакціи. У насъ порядокъ такой: занятія до шести часовъ, а къ девяти часамъ опять собираются, кто хочетъ, въ кабинетѣ редактора; обсуждаютъ разные, такъ сказать, вопросы, спорять... Иной разъ до двухъ часовъ ночи. Петръ Степановичъ уходитъ позже всѣхъ; рѣдко, когда по вечерамъ его не бываетъ. Къ тебѣ идутъ, — сказалъ онъ, прислушиваясь. — Не онъ ли?... Онъ и есть. Легки на поминѣ, Петръ Степановичъ! — сказалъ онъ входившему Варвичу.

— Куда ты исчезъ, Дмитрій Николаевичъ? — началъ Варвичъ, здороваясь съ Оршинымъ. — Я ужъ думалъ, что ты куда-нибудь уѣхалъ. Почему ты не заходишь въ редакцію?

— Ты знаешь мою антипатію ко всѣмъ учрежденіямъ, гдѣ звонятъ по телефону и щелкаютъ на машинахъ. И потомъ портреты....

— По вечерамъ никто ни на чемъ не щелкаетъ и не звонитъ, а портреты ты пишешь днемъ. Заходи, у меня очень интересно; собираются, пьютъ чай...

— Я не пью чаю....

— Тебѣ будутъ готовить кофе. Константинъ Ивановичъ!

— Господи! — воскликнулъ Бушевъ, — да я тебѣ сочиню такой кофе, какого тебѣ нигдѣ не подадутъ!

— Но вѣдь я, собственно, не имѣю къ журналу никакого отношенія.

— Это ничего не значитъ. Ты будешь присутствовать въ качествѣ «наблюдателя». Если хочешь, я прикажу поставить тебѣ столъ.

— Я предпочитаю кресло.

— Будетъ поставлено кресло. Константинъ Ивановичъ!

— Слушаю.

Оршинъ обѣщалъ заходить въ редакцію по вечерамъ и, когда Варвичъ съ Бушевымъ ушли, одѣлъ пальто и пѣшкомъ отправился въ Ротонду.

Для него опять настали скучные дни; портреты его не увлекали, для новой картины не находилось сюжета, да и вообще не было желанія снова приниматься за работу; Бушевъ, всегда занятый въ редакціи, или сидѣвшій у Ксеніи, забѣгалъ къ нему изрѣдка и не надолго, Варвича ему вовсе не хотѣлось видѣть.

Окружающая жизнь приняла для Оршина прежній сѣрый и однообразный колоритъ. Но прежде его поглощала работа, оставлявшая ему мало времени для праздныхъ размышлений, теперь онъ былъ занятъ только послѣ завтрака. Прежде онъ философствовалъ съ Варвичемъ, много пилъ и развлекался женщинами; теперь философствовать было не съ кѣмъ, вино ему было противно, на женщинъ онъ не смотрѣлъ вовсе.

О Ксеніи онъ избѣгалъ думать.

— Да, очень хорошенькая особа, — говорилъ онъ себѣ, — на которой Варвичъ долженъ жениться какъ можно скорѣе, если онъ хочетъ непременно сдѣлать эту глупость. Иначе ею воспользуется первый искатель приключеній. Хорошо, что у него вся редакція наполнена стариками. А мнѣ просто слѣдуетъ держаться подалѣе. Женщины мнѣ часто говорили, что я дѣйствую на нихъ разлагающе, даже при самыхъ мирныхъ намѣреніяхъ. Надо начать какую-нибудь картину, — заключалъ онъ обыкновенно и попрежнему ничего не дѣлалъ.

Въ редакцію «Славянской культуры» Оршинъ попалъ черезъ день послѣ посѣщенія Варвича и не вечеромъ, а утромъ. Произошло это какъ-то случайно. Всю ночь дулъ порывистый теплый вѣтеръ, стукъ ставни въ мастерской мѣшалъ ему спать, а когда онъ проснулся и открылъ окно, на него пахнуло тепломъ и неуловимымъ ароматомъ ранней весны. На деревѣ, росшемъ противъ окна, еще не было почекъ, но концы голыхъ вѣтокъ разбухли и покрылись глянцемъ; подъ крышей возились и щебетали воробы; откуда-то издалека, пронзая городской шумъ, доносились свистки паровоза.

Быстро одѣвшись и наскоро выпивъ кофе, Оршинъ отправился въ редакцію.

Уже по дорогѣ онъ сообразилъ, что ему необходимо повидать Бушева, хотя онъ и не помнилъ зачѣмъ именно. Къ тому же, надо было узнать, не вышелъ ли первый номеръ журнала, а если нѣтъ, то когда, въ концѣ концовъ, онъ выйдетъ.

— И чего онъ съ нимъ такъ копается? — думалъ Оршинъ, идя по набережной Сены и глядя на колеблющіяся отраженія облаковъ въ быстро бѣгущей рѣкѣ. — Жизнь коротка, ничего не нужно откладывать; даже посѣщеніе редакціи, куда я могъ бы пойти и вечеромъ.

Не было еще десяти часовъ, когда онъ поднялся во второй этажъ большого дома, на одной изъ улицъ, примыкавшихъ къ Елисейскимъ Полямъ.

— Съ какихъ поръ у меня одышка? — подумалъ онъ, переводя дыханіе и нажимая кнопку звонка.

Ему отворилъ дверь прилизанный подростокъ съ заячьимъ лицомъ, въ фуфайкѣ и въ широкихъ штанахъ.

— Могу я видѣть господина Варвича? — спросилъ Оршинъ, забывъ, что хотѣлъ видѣть не его, а Бушева.

— Петръ Степановичъ приходятъ къ одиннадцати часамъ, а пока ихъ замѣняетъ господинъ Бундыревъ.

— Доложите Бундыреву. — И Оршинъ подалъ свою визитную карточку.

— Просить въ кабинетъ, — слышался черезъ минуту хриплый басъ Бундырева и подростокъ провелъ Оршина черезъ пріемную, гдѣ уже кто-то дожидался, въ кабинетъ редактора.

Большая комната, очевидно передѣланная изъ столовой, была обставлена обѣденными стульями и столами, заваленными книгами и бумагами. Около камина стояло большое мягкое кресло; противъ полуприкрытой двери, ведущей въ прочія комнаты редакціи, возвышался массивный письменный столъ, за которымъ, въ облакѣ табачнаго дыма, возсѣдалъ Бундыревъ.

— Милости просимъ, — поднялся онъ навстрѣчу Оршину, — Вотъ ваше кресло, вы у себя дома. Петра Степановича, въ его отсутствіе, замѣняю я, но врядъ-ли вы по дѣлу?

— Я зашелъ справиться о выходѣ перваго номера и взглянуть какъ вы устроились.

— Первый номеръ выйдетъ въ концѣ недѣли, а устроились мы, какъ видите, *en grand*.

Бундыревъ, видимо, находился въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ вообще симпатизировалъ Оршину.

— Значитъ, дѣло идетъ? — спросилъ Оршинъ, усаживаясь въ кресло и поглядывая въ полурастворенную дверь.

— Съ подписчиками плохо, а отъ сотрудниковъ

отбоя нѣтъ. Вотъ и сейчасъ одинъ дожидается, должно быть изъ новыхъ.

— Я не хочу вамъ мѣшать и пройду въ слѣдующую комнату...

— Никакой помѣхи нѣтъ, могу принять и при васъ. Вотъ, не угодно-ли, сегодняшнія газеты. Проси, — сказалъ онъ пришедшему на звонокъ подростку.

Оршинъ принялся за газеты, но заинтересовался вошедшимъ. Это былъ молодой человѣкъ, почти юноша, съ благообразнымъ лицомъ, въ пальто съ короткими рукавами и въ обтрепанныхъ гетрахъ. Онъ нерѣшительно дошелъ до середины комнаты, поклонился и принялся теребить свою шляпу.

Бундыревъ молча смотрѣлъ на него поверхъ пенсне, медленно выпуская клубъ дыма.

— Чѣмъ торгуете? — обратился онъ къ юношѣ.

— Я.. ничѣмъ не торгую, — въ недоумѣніи проговорилъ тотъ.

— Каждый человѣкъ чѣмъ - нибудь торгуетъ, — проворчалъ Бундыревъ. — Ваша профессія?

— Я... поэтъ.

— Хмъ. Производите никому не нужный товаръ... — Онъ помолчалъ. — Стихи пишете?

— Да, то-есть... — законфузился юноша.

— Про что стихи?

— Про... разное.

— Про любовь, небось, хэ?

Юноша окончательно смутился. Входя въ его положеніе, Оршинъ хотѣлъ было вмѣшаться въ разговоръ.

— Ваша фамилія? — спросилъ Бундыревъ.

Тотъ пробормоталъ свою фамилію.

— Знаю, просматривалъ. Прошу садиться.

Юноша присѣлъ на край стула около письменнаго стола.

— И... какъ вы нашли? — робко спросилъ онъ.

— Плохо. — Бундыревъ помолчалъ. — Понятно пишете.

— Какъ то-есть?...

— Да такъ. Писать нужно непонятно. Ваши стихи прочтутъ и скажутъ: — Хорошо, а у Пушкина лучше; а у Лермонтова лучше. А какъ нельзя ничего понять, такъ не съ кѣмъ и сравнивать. Скажутъ: — самородокъ; ищеть, скажутъ. — Бундыревъ бросилъ веселый взглядъ на Оршина. — Попробуйте. Накрутите чего-нибудь эдакого о граняхъ, о хрустальныхъ нитяхъ... Или въ народномъ духѣ, тамъ что-нибудь о медвяной яри... Мало-ли какихъ словъ можно понаписать. Вы — непонятные стихи, а критикъ на нихъ еще болѣе непонятную статью: — «Этого», напишетъ, «понять нельзя», — заговорилъ Бундыревъ фальцетомъ, — «Это можно лишь всосать вибрирующими порами подсознательнаго я»... Читатель прочтетъ статью, прочтетъ стихи, — Да, скажетъ, оно того... замѣчательно, скажетъ. И всѣмъ хорошо: вамъ — лавры, критику — гонораръ, читателю — удовольствіе.

Юноша въ недоумѣніи поглядывалъ на Оршина, не зная принимать-ли всерьезъ слова замѣстителя редактора.

— А вообще, — продолжалъ Бундыревъ, — не то важно, что вы напишите, а что о васъ напишутъ. И главное, молодой человѣкъ, поменьше скромности. Вотъ вы, небось, говорите: я написалъ, я попытался выразить... Такъ нельзя. — Я создалъ! Я родилъ!.. Старайтесь говорить въ носъ, смотрите надменно. Надо знать публику. Наконецъ, важно умѣть эксплуатировать свой

трудъ. Надо какъ дѣлать? Тиснули въ газетку небольшіе стишки, потомъ прочтите объ нихъ лекцію; потомъ еще лекцію, гдѣ-нибудь на югѣ; потомъ отпечатайте ихъ въ отдѣльной книжкѣ, а потомъ — въ свою пользу вечеръ, да ихъ же и прочитайте. Смотришь, и того... А вы принесли намъ цѣлую поэму. Небось, мѣсяца два надъ ней просидѣли, а то и три? А что пользы? Печатать ее надо въ три, въ четыре приѣма, матерьялу у насъ и безъ нея много...

— Она какъ разъ подходитъ по характеру; она написана на основаніи карпатскихъ легендъ...

— Знаю, ничего не говорю. Поэтому ее и приняли.

— Приняли?... — радостно подскочилъ на стулѣ юноша.

— Дѣло не мое. Я бы вообще стиховъ не печаталъ. Мое дѣло выдача гонорара. А дадутъ вамъ за нее пустяки.

— Только бы напечатали!

— Ну вотъ оно и видно, что поэтъ! — повернулся Бундыревъ къ Оршину. — Тутъ-то и надо торговаться! Вамъ двадцать копѣекъ за строчку, требуйте пятьдесятъ. Накинутъ гривенникъ, стойте на сорока пяти. А вы: только бы напечатали!..

Вошелъ Бушевъ и увлекъ Оршина за собой показывать помѣщеніе редакціи.

Большая, смежная съ кабинетомъ комната, служившая мѣстомъ сбора и занятій для сотрудниковъ, представляла собой родъ гостинной, украшенной коврами и картинами и заставленной письменными столами. По числу лицъ, сновавшихъ по комнатѣ, по количеству разложенной по столамъ и столикамъ бумаги и по неумолкаемому стуку пишущихъ машинокъ, доносившемуся

изъ сосѣдней комнаты, можно было заключить, что работа журнала шла полнымъ ходомъ.

Отвѣчая на привѣтствія и вопросы кой-кого изъ знакомыхъ, Оршинъ разсѣянно оглядывался вокругъ. Художникъ Журавлевъ, подведя его къ окну, показывалъ ему скомпанованную имъ обложку журнала.

Вдругъ Оршину показалось, что въ залитой свѣтомъ комнатѣ стало еще свѣтлѣе и что она наполнилась какимъ-то мелодичнымъ шелестомъ. Оглянувшись, онъ увидѣлъ Ксенію, которая выходила изъ сосѣдней комнаты, перелистывая пачку исписанныхъ листовъ и направляясь къ своему столу.

Она уже сѣла и придвинула къ себѣ какую-то книгу, чтобы приняться за работу, какъ встрѣтилась глазами съ Оршинымъ. Онъ даже не поклонился ей, продолжая стоять съ обложкой въ рукахъ и не отрывая отъ нея глазъ. Она опять была не такой, какою онъ ее видѣлъ въ первые два раза и еще больше ему кого-то напоминала. Она казалась старше и производила впечатлѣніе высокой, похудѣвшей и блѣдной; глаза ея стали больше и глубже, губы краснѣе, пушокъ на верхней губѣ обозначался рѣзче. Изъ молоденькой дѣвушки она превратилась въ женщину.

Увидя Оршина, она только сильнѣе поблѣднѣла и въ лицѣ ея что-то дрогнуло. Медленно отведя глаза, она низко опустила голову надъ столомъ и принялась за работу.

Оршинъ зналъ, что онъ долженъ былъ подойти къ ней, поздороваться и проговорить нѣсколько ничего не значущихъ фразъ, но онъ чувствовалъ, что не можетъ этого сдѣлать. Чтобы вывести себя изъ неловкаго положенія, онъ снова повернулся къ окну и принялся раз-

сматривать обложку, удивляя автора бессмысленными замѣчаніями.

Ожидавшій его Бушевъ подошелъ, взявъ его подъ руку и повелъ осматривать слѣдующія комнаты.

— А вотъ и Ксенія Александровна, и Ольга Семеновна, — задержался онъ, проходя позади Ксеніи и сидѣвшей неподалеку отъ нея Левкоевой.

Оршинъ надавилъ локтемъ его руку и, не останавливаясь, поклонился Левкоевой издали. Ксенія не отрывалась отъ работы.

Прошли небольшую узкую комнату съ тремя барышнями, щелкавшими на пишущихъ машинкахъ; всѣ три были необычайно свѣтлыми блондинками и, при переводѣ строчекъ, одинаково закидывали голову и встряхивали волосами.

Далѣе шло помѣщеніе конторы журнала, менѣе комфортабельное, но такъ же кипѣвшее работой. Это было царство Хрюмина, сидѣвшаго около столика съ машинкой и что-то диктовавшаго полной розовой особѣ, смѣшливо поведившей плечами и высоко вскидывавшей кистями рукъ, какъ если бы она брала первые уроки на фортепьяно.

Увидя Оршина, Хрюминъ почему-то смутился и, отведя его подальше отъ столика, принялся жаловаться на перегруженность работою и на неаккуратность типографіи.

— Теперь я тебѣ покажу самое главное, — сказалъ Бушевъ, проводя Оршина черезъ корридоръ въ большую, сіяющую чистотой кухню.

Представивъ его *M-me Noël*, онъ озабоченно наклонился надъ стоявшей на плитѣ кастрюлей и, приподнявъ крышку, повѣялъ надъ ней ладонью, привлекая къ своему носу ароматъ содержимаго. Потомъ онъ ос-

мотрѣлъ разложенное на столѣ мясо и, слегка засучивъ рукавъ, сталъ объяснять *M-me Noë* какъ его нужно на-рѣзать, какъ положить на сковороду, какъ и чѣмъ по-сыпать, да какъ перевернуть, закончивъ поясненіе воз-душнымъ поцѣлуемъ по адресу результата, который изъ всего этого получится. *M-me Noë*, сложивъ руки на жи-вотѣ, серьезно кивала головой; Оршинъ внимательно слѣдилъ за этой сценой, чтобы занести ее потомъ въ свой альбомъ.

Бушевъ занималъ комнату при помѣщеніи редакціи, такую маленькую, что въ ней едва помѣщались кро-вать съ ночнымъ столикомъ, умывальникъ и вѣшалка; на этой послѣдней и въ ночномъ столикѣ помѣщался весь его гардеробъ, нынѣ значительно освѣженный. За-нявъ официальное, какъ онъ говорилъ, положеніе, Бу-шевъ сталъ одѣваться не только прилично, но и съ от-тѣнкомъ шегольства.

— Гдѣ я только не бываю? А по мнѣ судятъ о жур-налѣ, — говорилъ онъ.

Посидѣвъ у Бушева, Оршинъ черезъ корридоръ и пріемную возвратился въ кабинетъ Варвича, который только что пріѣхалъ и разбиралъ почту.

Онъ встрѣтилъ Оршина чрезвычайно радостно, уса-дилъ въ кресло и завалилъ его всевозможными рукопи-сями, требуя его мнѣнія по поводу каждой статьи и за-мѣтки.

— А вотъ это моя вступительная статья, которая уже набрана. Прочти внимательно, а я пока займусь поч-той... Не могу принять, мнѣ некогда! — крикнулъ онъ на докладъ о посѣтителѣ. — Раньше, — обратился онъ къ Оршину, — я принималъ всѣхъ и былъ занятъ съ ут-ра до вечера, теперь я почти всѣхъ направляю къ Ива-ну Ильичу. Онъ на роли Цербера при редакціи... Къ то-

му же онъ вѣдаетъ гонораромъ и всѣ передъ нимъ ходятъ на заднихъ лапкахъ. Между прочимъ, рѣдко образованный и начитанный человѣкъ, ты не суди по облику. Но оригиналъ. Поставилъ было мнѣ условіемъ, чтобы въ редакціи не было ни одной, какъ онъ выражается, юбки; или онъ, или дактило. Насилу успокоился.

Оршинъ не могъ сосредоточиться на статьѣ Варвича. Дверь въ комнату сотрудниковъ была открыта и онъ сидѣлъ такъ, что могъ видѣть Ксенію. Не могла и она не знать, что онъ находится въ кабинетѣ, но ни разу не оглянулась и работала не измѣняя позы.

— Я и не хочу, чтобъ она на меня смотрѣла, — думалъ Оршинъ. — Мнѣ просто хорошо и спокойно сидѣть въ этомъ креслѣ и наблюдать за тѣмъ, что у нихъ тутъ дѣлается... Варвичъ рѣшительно не умѣетъ писать просто; говоритъ какъ человѣкъ, а возьметъ въ руки перо... Какъ можно заставлять ее такъ усердно работать? На его мѣстѣ я бы... О чемъ онъ тутъ еще пишетъ? Какіе все это пустяки, по сравненію... И что нужно этой гримасницѣ Левкоевой?

Левкоева встала со своего мѣста, подошла къ Ксеніи и, обнявъ ее одной рукой, стала ей что-то говорить, очевидно, про Оршина. Лицо Ксеніи оставалось попрежнему склоненнымъ надъ столомъ, но по нервному движенію ея руки, державшей карандашъ, и по едва уловимому движенію плечъ, Оршинъ видѣлъ, что слова Левкоевой не то волнуютъ ее, не то смущаютъ. Когда та оставила ее и, бросивъ лукавый взглядъ на Оршина, вышла изъ комнаты, она подперла лобъ рукой и стала теревить корешокъ лежавшей передъ ней книги.

Разобравъ корреспонденцію, Варвичъ съ довольнымъ видомъ потеръ руки и позвонилъ.

— Это господину Златоградскому, а это въ конто-

ру, — сказалъ онъ подростку. — Попросите госпожу Юрьеву.

— Нахаль, — подумалъ Оршинъ, — не можетъ подойти къ ней самъ.

На докладъ подростка, Ксенія вздрогнула и, послѣ нескотраго колебанія, рѣшительно встала и направилась въ кабинетъ. У Оршина застучало сердце. Варвичъ всталъ навстрѣчу Ксеніи и, здороваясь съ ней, протянулъ ей обѣ руки.

— Вы уже видѣлись, конечно? — спросилъ онъ, поворачиваясь къ Оршину и продолжая удерживать ея руку.

Оршинъ, при входѣ Ксеніи, быстро поднялся съ кресла и почтительно ей поклонился.

— Я еще не имѣлъ удовольствія... — пробормоталъ онъ на вопросъ Варвича.

Ксенія высвободила свою руку и, не поднимая глазъ, протянула ее Оршину.

— Однако, она съ нимъ не очень то любезна, — подумалъ Варвичъ. — Такъ ему и надо, впрочемъ.

Затѣмъ онъ взялъ Ксенію подъ локоть и, подведя ее къ столику, стоявшему у окна, принялся объяснять ей какую то бумагу.

Оршинъ, прислонившись къ камину, продолжалъ чтеніе статьи. Сердце его не переставало стучать, хотя онъ и чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ.

Покончивъ съ бумагой, Варвичъ заговорилъ съ Ксеніей въ полголоса. Взглянувъ на нихъ украдкой, Оршинъ замѣтилъ, что Варвичъ съ улыбкой заглядывалъ ей въ глаза и что она слушала его опустивъ голову и, какъ ему показалось, съ удовольствіемъ.

— Зачѣмъ я сюда пришелъ? — съ раздраженіемъ подумалъ онъ, снова усаживаясь въ кресло и заставляя

себя сосредоточиться на чтеніи. Онъ даже не взглянулъ на Ксенію, когда она выходила изъ кабинета и молча протянулъ Варвичу его статью.

Тотъ стоялъ у письменнаго стола въ мечтательной позѣ и, принимая статью, бросилъ на Оршина пылливо-торжествующій взглядъ.

— Ну, что ты скажешь? — спросилъ онъ, какъ бы давая Оршину понять, что онъ имѣлъ въ виду не только статью.

— Написана хорошо, — вяло отвѣчалъ Оршинъ, — но, на твоёмъ мѣстѣ, я избѣгалъ бы выраженій «жертвенность» и «дѣйственность», безъ которыхъ нынче невозможна ни одна передовая статья. Впрочемъ, въ этомъ есть нѣчто зарубежное... Ну, прощай, мнѣ пора.

— Куда же ты?... — всполошился Варвичъ, — у меня къ тебѣ миллионъ вопросовъ! Посиди, оставайся завтракать...

— Не могу, у меня сеансъ до завтрака.

И, несмотря на уговоры Варвича и огорченіе Бушева, Оршинъ попрощался и, обѣщавъ заѣхать какъ нибудь на весь вечеръ, вернулся домой.

Выходя изъ кабинета Варвича, Ксенія напрягала всѣ усилія, чтобы не обнаружить своего волненія передъ окружающими, особенно передъ Левкоевой. Дойдя до своего мѣста, она сѣла и, дѣлая видъ, что разбираетъ принесенную ею бумагу, сжала виски руками и закрыла глаза.

Она впервые ощутила всю фальшь и запутанность своего положенія. Послѣ недавней встрѣчи съ Орши-

нымъ, она сознавала, что любить его и что ей не удалось скрыть отъ него своего чувства. Что онъ думаетъ о ней? Любить ли онъ ее? Или она ему только нравится, какъ она нравилась многимъ?..

Она знала также, что женой Варвича она никогда не будетъ. Но онъ и не дѣлалъ ей предложенія; объ ея отношеніи къ нему онъ тоже никогда ее не спрашивалъ. Можетъ быть и ему она только нравится. Вотъ и сейчасъ онъ говорилъ что-то запутанное о своихъ снахъ и о томъ, что на дняхъ онъ долженъ переговорить съ нею серьезно. Но онъ ужъ нѣсколько разъ говорилъ нѣчто подобное.

Вообще, Варвичъ ее менѣе беспокоилъ и о немъ она почти не думала. Все сводилось для нея къ разрѣшенію одного вопроса: любить ли ее Оршинъ. Какъ понять его сегодняшнее поведеніе? Почему онъ не подошелъ къ ней, даже не поклонился? И почему онъ смотрѣлъ на нее такъ странно? Можетъ быть, онъ осуждаетъ ее за то, что произошло въ Луврѣ? Онъ не могъ не прочесть тогда ея мыслей, ужасныхъ, стыдныхъ мыслей, какъ ей теперь казалось. Она ихъ прощала себѣ при условіи, что онъ ее любитъ и презирала себя за нихъ до страданія, когда думала, что онъ къ ней равнодушенъ.

III

Часовъ около трехъ дня Оршинъ вышелъ изъ галлерей, гдѣ были выставлены его эскизы, и направился къ центру. Было душно и пасмурно; все предвѣщало теплый весенній дождь, послѣ котораго должны были сразу зазеленѣть деревья и долженъ былъ начаться весенній парижскій сезонъ, съ его толкотней на бульварахъ,

англійскимъ говоромъ, лѣтними дансингами, многолюдными скачками и катаньемъ въ Булонскомъ лѣсу. Уже чувствовалось наступленіе этого сезона: на швейцарахъ около гостинницъ и большихъ магазиновъ появились бѣлыя перчатки; стулья и столики около безчисленныхъ кафе и быстро пачкались свѣжей зеленой краской; на тротуарахъ наиболѣе людныхъ улицъ показались пестрые колеблющіеся плакаты, несомые уныло бредущими алкоголиками въ убогихъ цвѣтныхъ ливреяхъ; на шумныхъ перекресткахъ и около памятниковъ появились прилично одѣтые субъекты съ помятыми лицами, зорко высматривающіе пріѣзжихъ иностранцевъ для предложенія имъ всякаго рода услугъ по познанію Парижа; по городу засновали, разжирѣвшіе за зиму, всякаго рода дѣльцы.

Оршинъ не любилъ правобережнаго «буржуазнаго» Парижа съ его Елисейскими полями, бульварами и Монмартромъ. Его привлекали берега Сены, артистическій Монпарнасъ и старыя кривыя улицы Латинскаго квартала.

— Парижъ Людовиковъ я предпочитаю Парижу Ситроеновъ, — говорилъ онъ.

Въ нелюбимыхъ имъ кварталахъ онъ чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ, смотрящимъ иными глазами на жизнь, на окружающихъ и на самого себя.

На этотъ разъ онъ долженъ былъ зайти въ одинъ изъ центральныхъ банковъ, черезъ который онъ послалъ деньги въ Россію, чтобы справиться, доставлены ли онѣ по назначенію, и былъ не въ духѣ.

— Въ Парижѣ надоѣли ноги, — мысленно ворчалъ онъ, — пора имъ начать показывать что нибудь другое... Чѣмъ, въ концѣ концовъ, торгуетъ этотъ городъ? — думалъ онъ, глядя въ витрины магазиновъ, — женскимъ

тѣломъ и его аксессуарамъ: тряпками, духами, мыломъ... и виномъ, конечно. Нелѣпая привычка съ утра до вечера полоскать желудокъ слабыми винами, да еще разбавленными целѣбною водою; изъ за этихъ бочекъ и бутылокъ, таскаемыхъ по всему городу, нельзя перейти черезъ улицу. Пили бы ромъ или коньякъ... Впрочемъ, легкія вина дѣйствуютъ благотворно на ихъ характеръ, не даромъ они пользуются славой наиболѣе любезной націи... Француженка родится съ пріятной улыбкой, первый крикъ француза — комплиментъ, обращенный къ *sage-femme* ... Бундыревъ говоритъ, что французъ любезенъ только съ тѣмъ, въ комъ онъ нуждается, или кого боится. Это неправда... Я бы сказалъ, что любезность замѣняетъ имъ любовь къ ближнему, и можетъ быть въ этомъ естественная эволюція морали, вытекающей изъ бытовыхъ условій?.. Зачѣмъ имъ отдавать ближнему рубашку, когда существуетъ цѣлая система кредитныхъ, страховыхъ и благотворительныхъ учреждений? Зачѣмъ имъ оказывать ближнему гостепріимство, когда онъ на каждомъ шагѣ можетъ найѣти дешевое бистро и гостиницу для пріѣзжающихъ? Съ французскаго ближняго вполне достаточно французской любезности. Нельзя предъявлять однѣ и тѣ же требованія къ степному помѣщику и къ жителю Парижа... Въ концѣ концовъ, французы хорошій народъ, которому недостаетъ хорошаго монарха. Хотя, съ ихъ преклоненіемъ передъ внѣшностью и передъ всѣмъ внѣшнимъ, они боготворили бы и ничтожнаго... Люди вообще счастливѣе при монархахъ, — есть что-то надъ ними, а имъ это необходимо... Вздоръ, что люди ищутъ свободы. Сильные ищутъ власти, слабые — подчиненія; первые кричать о свободѣ, чтобы добиться власти... Наконецъ, лучше управляться королями, чѣмъ трестами. Во Франціи

вслѣдъ за королями ушла традиція, за традиціей поэзія, за поэзіей музыка и пѣніе. Остались открытыя ноги... Французы веселы, но далеко не счастливы; это видно и по ихъ лицамъ, и по ихъ развлечениямъ, и по ихъ празднествамъ... Они словно исчерпали себя и не знаютъ, что дѣлать дальше. Недаромъ какому-то англичанину Парижъ показался самымъ скучнымъ городомъ въ мірѣ.

По мѣрѣ приближенія къ бульварамъ, настроеніе Оршина портилось.

— Во Франціи главное занятіе бѣдняковъ заключается въ производствѣ предметовъ роскоши, — размышлялъ онъ. — Это должно углублять въ нихъ сознаніе неравенства... Впрочемъ, имъ остается утѣшеніе, что неравенство лежитъ въ основѣ мірозданія и служитъ главнымъ двигателемъ прогресса; человекъ проявляетъ *maximum* творческихъ усилій, чтобы завоевать себѣ лучшее мѣсто среди себѣ подобныхъ... Но раньше, когда эти мѣста занимались ноблями, люди, въ процессѣ достиженія, стремились къ аристократизму, культивируя въ себѣ высокія личныя качества; теперь, когда эти мѣста завоевываются деньгами, люди стремятся только къ богатству, для достиженія котораго высокія личныя качества не только не нужны, но даже вредны. Напрасно паденіе морали приписываютъ ужасамъ войны. Эти ужасы только поднимаютъ мораль. Зло войны въ томъ, что она уничтожаетъ лучшихъ и обогащаетъ худшихъ; гибнутъ бойцы, торжествуютъ хищники и спекулянты. И послѣ войны наступаетъ ихъ царство; они даютъ тонъ жизни. Надъ духомъ торжествуетъ матерія, животныя инстинкты надъ этикой... Люди утрачиваютъ сознаніе всего, что находится внѣ матеріальнаго міра, въ нихъ атрофируются всѣ нематеріальныя стремленія и они

не понимаютъ, даже презираютъ тѣхъ, въ комъ онѣ еще живутъ...

Въ глазахъ Оршина, Парижъ былъ главнымъ храмомъ, воздвигнутымъ для поклоненія чуждому ему богу матерьялизма, храмомъ мамоны. Если бы ему довелось вступить въ Парижъ въ качествѣ завоевателя, онъ, можетъ быть, сжегъ бы его и сравнялъ съ землей.

— Что руководило вандалами, разрушившими императорскій Римъ? — думалъ онъ, — бессмысленная жажда разрушенія? «вандализмъ»? Или ненависть къ тому укладу жизни, который они считали неправдой? Къ тѣмъ богамъ, которыхъ они презирали? Дѣйствительно ли экономическія причины порождаютъ войны? Не для торжества ли своихъ боговъ, своей правды, воюютъ націи и расы? И нѣтъ ли надъ всѣмъ этимъ руководящей десницы Единаго Истиннаго Бога, разрушающаго руками новыхъ народовъ старыя, выродившіяся націи? Не пришелъ ли чередъ и Европы?..

Сегодня Оршинъ съ особымъ раздраженіемъ смотрѣлъ на бѣгущую мимо него, вѣчно спѣшащую толпу. — «Купилъ - продалъ, купилъ - продалъ», — звучало, какъ стукъ кастаньетъ, въ его мозгу.

— Вѣдь въ этомъ весь нашъ споръ, нашей славянской расы съ латинской и прочими. Есть что нибудь за этимъ «купилъ-продалъ», или ничего нѣтъ? Если нѣтъ, то они правы, а мы идиоты, непригодные для жизни; тогда грошъ цѣна намъ и всему, чѣмъ мы живемъ. Если есть... Тогда погодите! Тогда будущее за нами.

Временами Оршина охватывалъ страхъ матерьяльной жизни; онъ чувствовалъ себя какъ узникъ, заключенный въ комнату съ мягкими стѣнами, поглощавшими не только внѣшніе звуки, но и звукъ его собственнаго голоса. И онъ искалъ въ окружающей жизни пробле-

сковъ того, что разгоняло этотъ страхъ; иногда это былъ смѣхъ ребенка, иногда пѣсня итальянца - нищаго, окруженнаго жадно слушающей толпой, иногда фигура священника, весело бѣгущаго съ подоткнутой сутаной за играющими подъ его наблюденіемъ дѣтьми, иногда испуганно - наивные глаза лошади, прижатой къ тротуару хрипящимъ автобусомъ. Онъ безсознательно раздѣлялъ все, что было въ кругѣ его зрѣнія на «то» и «не то»; почти все было «не то», отъ чего онъ равнодушно, какъ ему казалось, отворачивался; «то» едва вспыхивало то здѣсь, то тамъ на однообразно-пестромъ фонѣ жизни и быстро исчезало.

— Можетъ быть я страдаю духовной слѣпотой и не умѣю различать его? — думалъ Оршинъ. — Сейчасъ, напримѣръ, что передъ моими глазами — «то»?.. Можетъ быть, эта сухенькая, некрасивая француженка съ маленькимъ букетомъ цвѣтовъ, старательно обернутымъ восковой бумагой?.. Куда она спѣшитъ съ такимъ озабоченнымъ и добрымъ лицомъ? Въ госпиталь къ больной подругѣ, чтобы поздравить ее съ днемъ рожденія? Или къ какойнибудь сварливой *Madame Martin*, переѣхавшей за старостью и одиночествомъ въ *maison de retraite*?.. Да, это «то», это совсѣмъ «то». А этотъ рослый, красивый солдатъ, усадившій въ автобусъ старушку въ нормандскомъ чепчикѣ и машущій ей рукой? И это «то»... На свѣтѣ его много, чортъ возьми! Я только не умѣю смотрѣть и все это такъ далеко отъ меня...

— А Ксенія? — вдругъ блеснуло въ его мозгу. По внезапно охватившей его радости и по теплomu дыханію вѣтра, которое онъ вдругъ почувствовалъ на своемъ лицѣ среди этого шума и этой толпы, онъ могъ бы заключить, что именно она была для него «то», но его вообра-

женію тотчасъ же представилась ея фигура рядомъ со склонившимся надъ ней Варвичемъ, ея взглядъ, обращенный на него самого у «Источника» въ Лувръ и бѣлыя вздрагивающія плечи Frou Exner, И опять передъ нимъ запестрѣлъ надоѣвшими красками однообразный фонъ жизни, и опять онъ пересталъ видѣть то, безъ чего скучаль.

Идя изъ банка, Оршинъ наткнулся на одно изъ самыхъ типичныхъ, по его мнѣнію, учрежденій правобережнаго Парижа — Hôtel de vente. Его вниманіе особенно приковывалъ къ себѣ главный входъ этого учрежденія; онъ даже зарисовалъ бы его, если бы можно было передать рисункомъ его специфическій характеръ, лежащій внѣ контура и красокъ. Оршину казалось, что черезъ его непрерывно раскрывавшуюся большую двустворчатую дверь съ захватанными стеклами, вмѣстѣ съ запахомъ человѣческихъ испареній, струились сѣрые флюиды человѣческой алчности. Онъ какъ бы видѣлъ и чувствовалъ, за стѣнами этого зданія, волосатые потные руки, жадно оцупывающія дѣдовскія кресла, скользящія по блѣдному фарфору старыхъ сувенировъ, по овалу нѣжныхъ полувывѣтшихъ миниатюръ; онъ слышалъ глухіе удары молотковъ и хриплые голоса, назначавшіе рыночную цѣну всѣмъ этимъ вещамъ и вещичкамъ, имѣвшимъ несоцѣнимую цѣнность для тѣхъ, съ кѣмъ было связано ихъ прошлое. Ему казалось, что тѣни ихъ бывшихъ владѣльцевъ, робко притаившись подъ сводомъ залы, съ грустной тревогой слѣдятъ за ихъ участью и слѣдуютъ за ними въ пыльные лавки антикваровъ, въ ювелирныя мастерскія и въ безвкусныя гостинныя банкировъ... Онъ не нравилъ это учрежденіе больше чѣмъ биржу, гдѣ человѣческая алчность не таилась, а смѣло и нагло кричала о своей власти надъ

міромъ. Тамъ царствовалъ дьяволъ, здѣсь копошились черти со стриженными когтями и облѣзлыми хвостиками.

Оршина потянуло на Сену и, вновь пересѣкши бульвары, онъ сталъ спускаться къ Лувру.

Выйдя на набережную, онъ пошелъ вдоль лавокъ съ выставленными сѣменами, удочками, птицами, рыбами и растеніями; здѣсь всегда толпился народъ; вдоль тротуара тѣснились пріѣхавшіе изъ пригородовъ телѣжки и старые автомобили; это былъ какъ бы кусокъ деревни, пріютившійся у самага центра Парижа.

Около одной изъ лавокъ Оршинъ остановился. Изъ неуклюжихъ деревянныхъ клѣтокъ выглядывали породистые пѣтухи, куры и кролики; выше были нагромождены маленькія клѣтки съ канарейками, голубями, дроздами и разными пѣвчими птицами; на самомъ верху стояла большая клѣтка, наполненная какими-то маленькими сѣрыми птичками съ красными шейками; онѣ сидѣли на тонкихъ жердочкахъ, разбившись на пары, нахохлившись и крѣпко прижавшись другъ къ другу боками.

— Пожалуй, въ этой жизни все дѣло въ томъ, чтобы найти кого-то, къ кому можно прижаться бокомъ... — подумалъ Оршинъ и, усмѣхнувшись этой сентиментальной мысли, пошелъ дальше.

IV

Когда черезъ день вечеромъ Оршинъ пріѣхалъ въ редакцію, то едва могъ найти мѣсто для своего пальто. Изъ кабинета доносился гулъ спорящихъ голосовъ, табачный дымъ стоялъ даже въ передней.

Войдя въ кабинетъ, Оршинъ хотѣлъ было занять

стулъ около двери, но Варвичъ, не переставая съ кѣмъ то спорить, усадилъ его въ стоявшее возлѣ камина кресло, видимо нарочно для него оставленное, и сунулъ ему, только что вышедшій изъ печати, первый номеръ журнала.

Въ кабинетѣ, освѣщенномъ большой электрической люстрой, находились, кромѣ Варвича, Хрюминъ, Златоградскій, Асѣвъ, Бундыревъ, Бушевъ и еще чело-вѣкъ пять незнакомыхъ Оршину. На большомъ столѣ, очищенномъ отъ бумагъ, былъ сервированъ чай, но за этимъ столомъ сидѣли только Хрюминъ и Асѣвъ; остальные размѣщались по всей комнатѣ, или переходили съ мѣста на мѣсто со стаканами въ рукахъ. Изъ сосѣдней комнаты тоже слышались голоса. Бушевъ сидѣлъ за маленькимъ столикомъ передъ бутылкой пива и съ наслажденіемъ прислушивался къ разговорамъ; въ углу, забаррикадированный стульями и застланный дымомъ, сидѣлъ Бундыревъ.

— Если я не вѣрю въ Россію, то я вѣрю въ Славію. — говорилъ Варвичъ благообразному пожилому господину, сидѣвшему возлѣ письменнаго стола. — Вы говорите, что образованія славянской федераціи не допустить европейскія державы, а я на это скажу, что сейчасъ въ политикѣ нѣтъ ничего невозможнаго! Всѣ правительства настолько связаны по рукамъ и по ногамъ своими лѣвыми партіями, что могутъ только говорить и писать, но сдѣлать ничего не могутъ.

— Вы забываете о Лигѣ Націй, — замѣтилъ бритый господинъ, наружностью похожій на адвоката.

— Лига Націй само краснорѣчивое подтвержденіе моихъ словъ, — возразилъ Варвичъ. — Она нужна именно тѣмъ правительствамъ, у которыхъ дома не-

благополучно. Америкѣ она не нужна, Италіи тоже, Японіи тоже...

— Лига Націй, — возразилъ бритый господинъ, — одно изъ главныхъ завоеваній демократіи; она создала международную трибуну! Это зародышъ международного парламента!...

— Которому суждено погибнуть во чревѣ матери-демократіи! — вмѣшался въ разговоръ Златоградскій. — Парламенты — учрежденіе отжившее.

— Я полагаю, — замѣтилъ Хрюминъ, допивая свой стаканъ чаю, — что отжили не парламенты, а система парламентскихъ выборовъ. Выбираютъ всѣ, а выбирать должны лучшіе.

— То-есть какъ это лучшіе? А остальные? А большинство?... — усмѣхнулся господинъ, похожій на адвоката.

— Въ большинствѣ-то и зло, потому что большинство людей, сказать попросту... дрянь. Государство и не должно попадать въ руки большинства.

Споръ разгорѣлся. Оршинъ молча просматривалъ журналъ и пилъ кофе, принесенный ему Бушевымъ

— Наконецъ, депутаты должны представлять мѣстные интересы, а не партійные, — доказывалъ Хрюминъ. — Пусть каждая деревня выберетъ по Ивану, Иваны пусть выберутъ Петра отъ волости, Петры — Семена отъ уѣзда и такъ далѣе. А не то что: собрались мужики съ бабами въ деревнѣ Завирухи, да и выбрали Плевако!..

— Все, князь, зависитъ отъ того освѣщенія, которое вы придаете вопросу въ вашей статьѣ, — говорилъ Варвичъ красивому пожилому господину.

— Я привожу данныя въ доказательство не только

желательности, но и неизбежности въ Россіи крупнаго землевладѣнія. Самый климатъ исключаетъ возможность вести интенсивное хозяйство на малыхъ участкахъ. Крестьянскіе надѣлы привели къ общинѣ, упраздненію псмѣщиковъ — къ кулакамъ. Изъ формулы «хозяинъ и работникъ» Россіи не выйти; кой-гдѣ хуторянинъ, кой-гдѣ мелкій арендаторъ. Безъ возвращенія къ крупному землевладѣнію Россія обратится въ нищую страну. Остается выборъ между старыми законными владѣльцами и новыми незаконными — кулаками, или иностранными концессионерами. Первые выгоды и для народа и для государства...

— Видите ли, — перебилъ Варвичъ, — я готовъ согласиться съ вами по существу вопроса, но имѣется сторона тактическая. Не всегда можно бѣлое называть бѣлымъ и черное чернымъ... въ журналѣ особенно.

Князь пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Иногда, я думаю, можно, хотя бы и изъ оригинальности.

Хрюминъ доказывалъ бритому господину, что бѣлое движеніе вовсе не являлось борьбой за капиталъ противъ трудящихся, а борьбой за государство.

— Допустимъ, но народъ оно не захватило. Да и чѣмъ вы замѣните столь заманчивый для народа лозунгъ «Диктатура пролетаріата»?

— Да хотя бы лозунгомъ «Отсутствіе пролетаріата».

— Игра словъ, ибо первое предусматриваетъ второе.

— Ничего не предусматриваетъ; воюя съ капиталомъ, коммунизмъ только перемѣщаетъ его изъ однихъ рукъ въ другія, болѣе грязныя.

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, Варвичу удалось втянуть въ разговоръ и Оршина.

— Почему же ты отказываешься отъ борьбы за свои взгляды? — приставалъ онъ къ нему.

— Потому что въ политическихъ вопросахъ я руководствуюсь больше вкусами, чѣмъ убѣжденіями, а за вкусы не боряся.

— Я не совсѣмъ понимаю, — улыбаясь, замѣтилъ князь, — какъ можно руководствоваться вкусами въ дѣлѣ... хотя бы, государственнаго устройства?

— Мнѣ кажется, князь, — какъ бы нехотя отвѣчалъ Оршинъ, — что государство вообще надо строить отъ человѣка. Не установивъ — какъ долженъ жить человѣкъ, нельзя говорить о томъ какъ должно быть устроено государство... Если бы человѣкъ зналъ, для чего онъ живетъ, онъ зналъ бы и какъ онъ долженъ жить. Изъ разныхъ гипотезъ о назначеніи человѣка вытекаютъ и разныя ученія о томъ, какъ онъ долженъ жить, а, слѣдовательно, и о томъ, какъ должно быть устроено государство. Современная государственная жизнь подобна нелѣпой постройкѣ, воздвигаемой многими архитекторами, имѣющими разные планы и заданія. Болѣзнь нашего вѣка — въ утратѣ общаго всѣмъ плана жизни... Спасеніе, палліативъ, если хотите, въ единомъ архитекторѣ — монархѣ, диктаторѣ, — когда зданіе строится, можетъ быть и неважно, но хоть по одному плану...

— Но фашизмъ, напримѣръ, идетъ какъ разъ обратнымъ путемъ, — возразилъ Варвичъ. — Онъ исходитъ изъ государства и подъ него строить человѣка.

— Въ этомъ его слабое мѣсто, какъ и социализма и коммунизма, и вообще всѣхъ государственныхъ теорій.. Поэтому фашизмъ и нуждается въ Церкви.

Становилось все болѣе шумно. Бундыревъ изъ своего угла поддразнивалъ Асѣва, отстаивавшаго дости-

женія женщины въ области литературы и даже публицистики.

— Ничего самостоятельнаго, — говорилъ Бундыревъ. — Одна подражаетъ брюнету Иванъ Ивановичу, другая блондину Петру Петровичу.

— А Тиціанова? — горячился Асфевъ. — Читали вы ея статью во вчерашней газетѣ?

— Ну и что жъ? Помахала баба юбкой...

— Извините, она прямо указываетъ....

— Ничего она не указываетъ и сама не знаетъ чего хочетъ. Такъ бы ей и спѣлъ: «Барыня, барыня, чего жъ тебѣ надобно? Горошку моченаго, сѣмячку толченаго?...»

— Революція дѣло не народа, а интеллигенціи, отъ народа оторванной, — говорилъ Хрюминъ. — Русскому народу были нужны и царь и Богъ, а интеллигенціи не нужны. Отсюда вся бѣда: безъ царя и безъ Бога не могло быть въ странѣ порядка, при царѣ и при Богѣ не могло не быть революціи.

— Изволили сказать двѣ истины, — провозгласилъ Златоградскій; — первую о Богѣ, вторую объ интеллигенціи. Вы знакомы съ ученіемъ евразійцевъ?

Новая тема привлекла всѣхъ. Самъ Златоградскій расходился съ евразійцами въ какихъ-то деталяхъ, но въ общемъ былъ сторонникомъ ихъ ученія.

Въ серединѣ спора Оршинъ поинтересовался:

— На кого, собственно, вы рекомендуете глядѣть, «обратившись лицомъ къ востоку»? На татаръ, киргизовъ, бурятъ, или на китайцевъ?

— На степной, на кочевой востокъ въ его цѣломъ! — строго отозвался Златоградскій.. — Отъ чужой, наносной культуры мы должны обратиться къ собственной культурѣ — евразійской!

Поднялся споръ о томъ, существуютъ ли на свѣтѣ разныя національныя культуры, или только одна, распространяющаяся на всѣ націи.

— Я думаю, — сказалъ Оршинъ, — что какъ для разныхъ драгоценныхъ камней служить одна гранильная машина, такъ и для разныхъ націй — одна культура. Каждый изъ камней навсегда сохраняетъ свой природный оттѣнокъ, но безъ гранильной машины онъ никогда не дастъ полного блеска.

— Вы, стало быть, отрицаете самостоятельную московскую культуру? — обратился къ нему Златоградскій.

— Конечно.

— Коньки да пѣтушки, — вставилъ Бундыревъ.

— Нѣтъ, не пѣтушки! — вскинулся Златоградскій. — Возьмите хотя бы московскую литературу!... Почитайте протопопа Аввакума! — обратился онъ опять къ Оршину.

— Мерси, я предпочитаю Шекспира.

— Аа! Вотъ, вотъ!.. Потому что вы интеллигентъ! А мужикъ, русскій мужикъ, предпочтетъ Аввакума!

— А его лошадь — сѣна, — опять вставилъ Бундыревъ.

Златоградскій разгорячился, и споръ готовъ былъ перейти въ ссору.

— Вы не читали евразійскихъ авторовъ! — кричалъ онъ. — Познакомьтесь хотя бы съ Козлофдовымъ! Прочтите его теософскіе выводы!

— Читалъ, — отвѣчалъ Бундыревъ.

— Ну и что же?..

— Словоблудіе. Ведеть рѣчь объ ученіи Христа, а пишетъ объ ипостаси.

— Вотъ вы, — вмѣшался въ разговоръ Хрюминъ, — во всемъ вините Западъ. И сгниль-то онъ, и утратилъ

высокіе идеалы. Однако, со своими скромными идеалами, европейцы живутъ какъ люди, а мы, со своими высокими идеалами, какъ свиньи; «Западный социализмъ» не доканалъ запада, а насъ, правовѣрныхъ, довелъ до полного разложенія. И выходитъ, что съ больной головы да на здоровую. А по-моему, никакіе мы не евразійцы, и только тѣмъ и отличаемся отъ европейцевъ, что они уже европейцы, а мы еще будемъ европейцами.

— Погодите, мы еще покажемъ Западу!

— Небось, шапками закидаемъ?... Есть слабость у русскаго человѣка: стоитъ ему стать на какой-нибудь мыслишкѣ, иной разъ и не новой, чтобы начать улюлюкать на всякаго: «— Бей его, подлеца! Глуши его, анафему!» Такъ и ваши евразійцы съ западомъ. Да такъ и всѣ наши политическія партіи, организациі и газеты. Ругатели мы.

— «И онъ желѣзною рукою Россію вздернулъ на дыбы!» — декламировалъ Варвичъ въ другомъ углу кабинета. — И конь не могъ остаться на дыбахъ. Вотъ мы и видимъ, что во всѣхъ странахъ было стремленіе отъ низовъ кверху культуры, а въ Россіи съ шестидесятихъ годовъ стремленіе обратное. Отсюда Толстой, отсюда народники....

Асѣевъ ввязался въ споръ Златоградскаго съ Хрюминымъ, указывая послѣднему на великія самобытныя черты русскаго народа, на его поэзію, былины и на русскіе народные типы въ нашей литературѣ.

— Вся эта поэзія и всѣ эти прекрасные народные типы, — возражалъ Хрюминъ, — были до тѣхъ поръ, пока существовало крѣпостное право, пока народъ находился подъ вліяніемъ класса, приобщеннаго къ западной культурѣ. А какъ его оставили на поповъ да урядниковъ, ничего и не осталось, кромѣ частушекъ, да раз-

врата, да пьянства. Безъ Пушкіна не было бы и Пушкинской няни.

— Трудно, знаете-ли, бываетъ въ двадцатомъ вѣкѣ, въ Парижѣ, встрѣтить крѣпостника, — съязвилъ Златоградскій, прислушиваясь къ разговору.

— Какъ и евразійца, — добавилъ Бундыревъ.

— Я не крѣпостникъ, — отвѣтилъ Хрюминъ, — ибо говорю не объ эксплуатаціи народа, а о вліяніи на него, и утверждаю, что стаду нуженъ пастырь. А мы кричимъ: «— Ахъ, нашъ мужикъ! Ахъ, народная мудрость!» Что за чепуха!.. Почему въ другихъ странахъ не кричатъ ничего подобнаго?... Недавно прочелъ въ газетѣ политическую статью, которая оканчивается восклицаніемъ: — «Русскій мужикъ, спаси насъ!» И кто же это пишетъ? Образованный человѣкъ и эмигрантъ. Стыдно стало.

У Оршина начала болѣть голова отъ шума и разноголосицы и онъ уже раза два поглядывалъ на часы.

— Стыдно, потому что вы отошли отъ мужика, по вашему собственному признанію. — сказалъ Златоградскій. — У васъ и у мужика разныя цѣнности! Вотъ, вы сказали: народу нуженъ Богъ. А вамъ Онъ не нуженъ, какъ, напримѣръ, и господину Оршину...

Златоградскаго всегда беспокоило присутствіе Оршина, особенно когда тотъ молчалъ.

— Почему вы такъ думаете? — отвѣтилъ Оршинъ тѣмъ вялымъ тономъ, который особенно раздражалъ Златоградскаго. — Если хотите, мнѣ, пожалуй, и не нужно Бога, но мнѣ нужно, чтобы Онъ былъ у окружающихъ.

— Вотъ какъ? — злорадно улыбнулся Златоградскій, — А почему, позвольте узнать?

— Хотя бы потому, что я люблю искусство, а внѣ Бога въ этой области не создано ничего цѣннаго.

— Такъ... — Златоградскій нервно поправилъ очки. — А про какого Бога изволите вы говорить?... чтобъ не вышло ошибки.

— Про христіанскаго, разумѣется. Про Бога добра и любви.

— Ага.. запомнилъ! Ибо прежде вы говорили иное. Оршинъ равнодушно пожалъ плечами.

— Вы какъ-то изволили доказывать, — началъ Златоградскій, торжественно поднимая палецъ, — что Богъ нуженъ только для поддержанія морали, которая, однако, вытекаетъ не изъ божественнаго ученія, а изъ житейской логики, то-есть изъ разума, и приводили въ примѣръ французовъ, которые великолѣпно обходятся безъ Бога и у которыхъ обученіе морали съ успѣхомъ замѣняетъ обученіе Закону Божьему... Вы утверждали, что и совѣсть есть не что иное, какъ привычка, выработанная разумомъ, да еще въ данныхъ мѣстныхъ условіяхъ. Религіямъ вы тоже приписывали мѣстное, чуть ли не климатическое, происхожденіе и доказывали, что у cadaго народа въ каждую эпоху было свое собственное христіанство, толкуемое тоже сообразно мѣстнымъ бытовымъ условіямъ; что и у насъ, русскихъ, всегда былъ свой собственный православный Богъ, благословляющій насъ «на побѣду и одолѣніе» другихъ христіанскихъ боговъ. Вы говорили, что вообще христіанское ученіе есть лишь наиболѣе поэтическій отрывокъ отъ моральнаго ученія разума, примѣненный къ еврейскому быту подъ римскимъ игомъ и потому непредусматривающій многоаго того, что намъ диктуется нашей совѣстью, какъ-то: понятій о чести, о мужествѣ, о гражданскомъ долгѣ и т. д. и изволили добавить, что, по точному смыслу христіанскаго ученія, лошади уготовано мѣсто въ раю, а извозчику въ пеклѣ... Далѣе: вы

утверждали, что церкви суть жизненные коррективы къ христіанской утопіи, коррективы несовершенные и потому являющіеся очагами лицемѣрія и всякаго рода компромиссовъ съ совѣстью. Изволили смѣяться и надъ нашей русской народной вѣрой, говоря, что у насъ можно отнять Христа, но не дай Богъ покуситься на Фрола и Лавра....

— Какъ вы все это запомнили?.. — пробормоталъ Оршинъ съ кислой улыбкой.

— Я запомнилъ и другое: вы, художникъ, человѣкъ искусства, нынѣ говорящій, что внѣ Бога не создано ничего цѣннаго, изволили утверждать, что назначеніе человѣчества сводится къ обработкѣ земной коры; что, въ силу этого, существуетъ лишь одинъ прогрессъ — матеріальный; что всѣ отвлеченныя понятія и стремленія человѣчества — вздоръ, нужный только для того, чтобы скрыть отъ него истину, и что вы художники, какъ и артисты, и пѣвцы, и писатели, со всѣмъ вашимъ искусствомъ, созданы только для того, чтобы скрашивать людямъ ихъ нелѣпый рабскій трудъ, отвлекая ихъ отъ сознанія своего ничтожества!...

Златоградскій говорилъ такъ громко и такъ торжественно, что всѣ его слушали. Бушевъ смотрѣлъ на Оршина съ тревогой и даже съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Оршинъ сидѣлъ молча, рассматривая свои ногти.

— Что вы на это скажете? — заключилъ Златоградскій, съ удовлетвореніемъ оглядывая присутствующихъ.

Оршинъ посмотрѣлъ на часы.

— Скажу, что больше двѣнадцати часовъ, и что пора спать; мнѣ, по крайней мѣрѣ. — И онъ сталъ прощаться.

Златоградскій разсмѣялся и принялся наливать себѣ чай. Оршину показалось, что всѣ чувствовали за него нѣкоторую неловкость и съ какой-то подчеркнутой готовностью пожимали ему руку. Самъ онъ не испытывалъ ничего, кромѣ усталости.

Ночь была ясная и теплая. Нѣкоторыя деревья уже покрылись молодыми листьями; на газонахъ, облитыхъ электрическимъ свѣтомъ, ярко зеленѣла трава. Автомобили, развозившіе публику изъ театровъ, быстро неслись по Елисейскимъ полямъ. Многіе шли пѣшкомъ и толпились у остановокъ автобусовъ и трамваевъ.

Оршинъ шелъ медленно, рассчитывая длинной прогулкой расположить себя ко сну. Онъ нисколько не сердился на Златоградскаго за его обвинительную рѣчь.

— Онъ такъ долго на меня бѣсился, что надо же ему было когда-нибудь высказаться, — думалъ Оршинъ. — Къ тому же онъ ничего не искажилъ и не прибавилъ. Все это я точно говорилъ и думалъ... и думаю, и буду думать, такъ же, какъ они объ ипостаси, о парламентахъ и о демократіи... Двѣ умныя вещи были сказаны съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ: «все суета» и «я знаю только то, что я ничего не знаю». Жаль, что на этомъ трудно успокоиться.

Придя домой, Оршинъ, не зажигая свѣчи, открылъ окно, раздвинулъ ставни и принялся смотрѣть на залитый луннымъ свѣтомъ дворъ. Въ его кварталѣ было уже тихо; казалось, Парижъ былъ далеко, за десятки верстъ. Изрѣдка тишина нарушалась шумомъ остановившагося неподалеку автомобиля и какими-то неясны-

ми звуками, похожими на дыханіе фабричной трубы или на подземный гулъ. Изъ подъ воротъ сосѣдняго дома доносился тихій, однообразный говоръ.

Оршинъ поднялъ голову. Дерево, росшее у окна, слабо трепетало молодыми весенними листьями. Казалось, эти чутко вздрагивавшіе листья о чемъ-то шептались съ небомъ. И то, о чемъ они шептались, было истинной, а то, о чемъ шумѣлъ въ отдаленіи городъ, о чемъ кричали и спорили люди, было ложью....

— Неужели я люблю ее? — неожиданно для себя подумалъ Оршинъ. И все, что было передъ его глазами — это старое дерево, темные контуры домовъ, все приняло новыя причудливыя очертанія, похожія на декорацію сказки. Что-то волшебное, знойное, ласкающее и неуловимое затрепетало въ воздухѣ, коснулось его волосъ, лица, губъ и притаилось гдѣ-то неподалеку, можетъ быть, подъ этими вздрагивающими листьями...

— Это навожденіе, — подумалъ Оршинъ, вставая и отходя отъ окна. — Я даже не думалъ о ней...

Онъ зажегъ лампу, досталъ изъ пальто номеръ журнала, данный ему Варвичемъ, и принялся за чтеніе.

V.

По случаю французскаго праздника, Варвичъ всталъ поздно. Заканчивая утренній туалетъ, онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по своему номеру и напѣвалъ единственный мотивъ, удержавшійся въ его музыкальной памяти, что-то вродѣ марша изъ «Пророка». Онъ обладалъ недурнымъ голосомъ, при полномъ отсутствіи слуха.

Къ обычной физической бодрости, которую Вар-

вичъ испытывалъ по утрамъ, сегодня примѣшивалось чувство полного удовлетворенія собой и дѣломъ рукъ своихъ — журналомъ; разосланный по редакціямъ всѣхъ большихъ парижскихъ газетъ, съ французскимъ текстомъ вступительной статьи, онъ стяжалъ рядъ благопріятныхъ отзывовъ и пожеланій. Русскія газеты отвѣсили къ журналу болѣе сдержанно; одна изъ нихъ указывала на то, что славянскія симпатіи давно уже нашли широкій пріютъ на ея собственныхъ столбцахъ и что поэтому не было острой необходимости въ основаніи новаго славянофильскаго органа; другая газета пыталась расшифровать — какая политическая авантюра скрывалась за славянскими мотивами новаго журнала и предостерегала своихъ читателей отъ грозящей имъ опасности незамѣтно быть втянутыми въ какую-нибудь политическую ересь; на всякій случай, дѣлались геопредѣленные намеки на источникъ денежныхъ средствъ для новаго изданія и на прикосновенность его редактора къ «Крымской эпопее».

Варвичъ ожидалъ худшаго и находилъ пріемъ, сдѣланный ему русской прессой, удовлетворительнымъ. Снъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отзывовъ чешскихъ, сербскихъ и болгарскихъ газетъ, которыя сегодня могли уже быть получены въ редакціи и за которыми обѣщаль съѣздить Хрюминъ, жившій съ Варвичемъ въ одной гостиницѣ.

— Такъ или иначе, дѣло поставлено на ноги, и теперь я вправѣ заняться своими личными дѣлами, — всего подумалъ Варвичъ, бросая на себя взглядъ въ зеркало.

За послѣднюю недѣлю онъ нѣсколько разъ имѣлъ случай замѣтить странное состояніе Ксеніи и приписывать его себѣ.

— До нѣкоторой степени, я держу ее въ неизвѣстности, — думалъ онъ. — Это имѣетъ и свою хорошую сторону.... для развитія чувства; наконецъ, за это время мы могли взаимно присмотрѣться и оцѣнить другъ друга. Она видитъ, что успѣхи не вскружили мнѣ голову и что я остался вѣренъ самому себѣ и ей. Она становится все болѣе застѣнчивой и, я бы сказалъ, сдержанной, но такъ и должна вести себя серьезная дѣвушка, пока ея положеніе не выяснено официально. Возможно, что моя выдержка ей кажется странной, что она ее нѣсколько волнуешь... Вполнѣ возможно. Я не допускаю, чтобы она могла придать ей какое-нибудь ложное толкованіе, — вдругъ подумалъ онъ; — можетъ быть, она приписываетъ мнѣ какія-нибудь двусмысленныя намѣренія?..

Онъ даже вспыхнулъ при этой мысли и сталъ ходить по комнатѣ, улыбаясь и покачивая головой.

— Нѣтъ, на это я неспособенъ; этого я никогда бы не сдѣлалъ. О, какъ мало она меня знаетъ!.. Я не какой-нибудь... Оршинъ, да и тотъ ,впрочемъ.... Необходимо все это теперь-же кончить и обставить официально. Мы часто забываемъ, какъ это важно для дѣвушки. И со свадьбой нечего медлить.

Онъ перемѣнилъ два галстука и остановился на третьемъ, болѣе свѣтломъ и соотвѣтствующемъ принятому имъ рѣшенію.

— Сегодня же отдамъ распоряженіе Бушеву о подысканіи квартиры. Ея квартирка въ Auteuil слишкомъ мала и удалена отъ центра, — думалъ Варвичъ, заканчивая чистку ногтей. — Интересно, что на счетъ всею этого думаетъ Оршинъ? Станный онъ сталъ какой-тс.. и безсодержательный. По-моему, это человѣкъ конча-

ный, который и самъ это сознаетъ. Они правы, считая его карьеру случайностью.

Варвичъ не пропустилъ въ первомъ номерѣ журнала двухъ статей Златоградскаго и Прутикова, посвященныхъ Оршину и весьма для него нелестныхъ. Этой дружеской услугѣ онъ придавалъ большое значеніе.

— Я ему когда-нибудь покажу эти статьи. Меня обвиняютъ въ пристрастіи....

Въ дверь постучали. Вошелъ Хрюминъ съ пачкой газетъ и писемъ, привезенныхъ изъ редакціи.

— Срочное письмо изъ Праги, — сказалъ онъ, подавая Варвичу большой сѣрый конвертъ.

— Написано по-чешски и на машинкѣ... бланкъ нотариуса, — сказалъ Варвичъ, распечатавъ письмо. — Ничего не понимаю. Помогите-ка мнѣ, Иванъ Тимофеевичъ.

Письмо оказалось отъ пражскаго нотариуса, извѣщавшаго Варвича о кончинѣ Мрашека и объ оставленіи послѣднимъ Варвичу, по духовному завѣщанію, весьма крупной суммы на изданіе журнала «Славянская культура». Въ письмѣ указывался порядокъ полученія ежегодныхъ ассигнованій и приводился текстъ условія, по которому Варвичъ пользовался правомъ наслѣдства лишь до тѣхъ поръ, пока онъ оставался редакторомъ названнаго журнала.

Извѣстіе это поразило Варвича какъ своей неожиданностью, такъ и значительностью оставленной ему суммы.

Стараясь не обнаружить передъ Хрюминымъ своего волненія, онъ сталъ распечатывать другіе пакеты и натолкнулся на другое письмо изъ Праги. Нѣкто Мюллеръ, его знакомый, человѣкъ пустой и не внушавшій довѣрія, которому онъ недавно отказался предоставить

мѣсто въ журналѣ, увѣдомлялъ его о томъ же, но съ весьма интереснымъ добавленіемъ, а именно, что всѣ драгоцѣнности, оставшіяся отъ покойной жены Мрашека и составлявшія, по слухамъ, цѣлое состояніе, имъ завѣщаны Ксеніи и что это обстоятельство вызываетъ разныя сплетни, которымъ онъ, Мюллеръ, конечно не придаетъ значенія.

— Какія сплетни?... Идіоты, — презрительно усмѣхнулся Варвичъ. — Но самый пунктъ завѣщанія очень интересенъ... очень, очень интересенъ, если, конечно, это подтвердится оффиціально. Не было ли письма на имя Ксеніи Александровны? — спросилъ онъ Хрюмина.

— Какъ же, — отвѣтилъ тотъ, — и тоже срочное. Вотъ, я нарочно захватилъ, чтобы завезти, или попросить васъ передать ей.

Онъ досталъ изъ бокового кармана пакетъ для Ксеніи, подобный тому, который былъ адресованъ Варвичу.

— Очень, очень интересно, — думалъ Варвичъ, все болѣе проникаясь сознаніемъ, что произошло событіе исключительно для него благоприятное.

— Полная обезпеченность и полная независимость! — мелькнуло въ его головѣ.

— Извѣстіе очень важное и очень печальное, — проговорилъ онъ вслухъ, придавая своему лицу строгое выраженіе. — Ъду сообщить обо всемъ Ксеніи Александровнѣ.

Варвичъ встрѣтилъ Ксенію около дома. Она возвращалась, повидимому съ базара, съ большимъ плетенымъ сакомъ, изъ котораго выглядывали хлѣбъ и

овоши. Варвичу показалось страннымъ, что она сама ходитъ за провизіей.

— Все это очень похвально, но не идетъ къ ея будущему положенію, — подумалъ онъ.

Выскочивъ изъ автомобиля, онъ быстрыми шагами пошелъ ей навстрѣчу, не умѣя, да и не стараясь скрыть своего радостнаго настроенія.

Ксенія увидѣла его издалека. Теперь, каждый разъ, когда она его встрѣчала, въ службы особенно, у нея являлось желаніе какъ можно скорѣе избѣжать пребыванія съ нимъ наединѣ. Она знала, что при первомъ объясненіи она должна будетъ сказать ему, что его не любить, что за этимъ послѣдуетъ разрывъ и уходъ ея изъ журнала. Что будетъ дальше, она себѣ ясно не представляла. Денегъ у нея было мало, не больше двухъ тысячъ франковъ; найти себѣ мѣсто въ Парижѣ, по словамъ Левкоевой, было трудно, вернуться въ Прагу — невозможно. За себя она не боялась, но ее тяготила мысль о Софѣ Васильевнѣ, которая уже свылась съ увѣренностью въ обеспеченномъ будущемъ. Нужно было выиграть время, чтобы все обдумать и приготовить. Но въ дѣйствительности, она жила въ состояніи какого-то безпредметнаго ожиданія, надѣясь, что все разрѣшится само собой, независимо отъ ея усилій.

— Чуть свѣтъ и я у вашихъ ногъ!... — продекламировалъ Варвичъ, подходя къ Ксеніи и приписывая ея замѣшательство неподготовленности къ его раннему визиту. — Чтобы сообщить вамъ грустное отчасти извѣстіе и, въ то же время.. Вотъ письмо изъ Праги, изъ котораго вы все узнаете.

Ксенія съ нѣкоторой тревогой взглянула на Варвича, на письмо, и, перекинувъ свой тяжелый сакъ черезъ руку, принялась съ трудомъ распечатывать пакетъ.

Варвичъ хотѣлъ было ей помочь, но ему живо представилась его элегантная фигура съ хлѣбомъ и морковью подъ мышкой, и онъ заколебался.

— Мы, можетъ быть, поднимемся?.. Тамъ удобнѣе, — сказалъ онъ.

Но Ксенія уже читала письмо. По мѣрѣ чтенія, лицо ея блѣднѣло и брови хмурились. Дочитавъ письмо до конца, она сунула его въ карманъ и сдѣлала нѣскольکو шаговъ по направленію къ дому, но вдругъ остановилась и, отвернувшись къ стѣнѣ, заплакала.

Варвичъ немного растерялся; онъ не ожидалъ, что извѣстіе о смерти Мрашека можетъ такъ на нее подѣйствовать.

— Ради Бога, успокойтесь, — говорилъ онъ, оглядываясь на прохожихъ. — Войдемте въ домъ.... Право, нѣтъ причины разстраиваться... Куда бы дѣтъ этотъ сакъ съ морковью? — думалъ онъ, поддерживая Ксенію за локоть.

Нѣсколько прохожихъ дѣйствительно остановилось, поглядывая сочувственно на Ксенію, и подозрительно на Варвича.

— Уйдемте, ради Бога, здѣсь неудобно... — шепталъ онъ ей.

Ксенія, какъ бы опомнившись, взглянула на Варвича, на остановившихся прохожихъ, взяла сакъ обѣими руками и пошла къ дому. Она молча передала письмо встрѣтившей ихъ Софѣ Васильевнѣ и ушла въ спальню.

Прочитавъ письмо и узнавъ отъ Варвича подробности, Софья Васильевна тоже немного всплакнула, но не отъ горя, а даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, какъ плачутъ пожилыя женщины въ тѣхъ случаяхъ, когда это приличествуетъ обстоятельствамъ; вытеревъ

слезы и повздыхавъ, она высказала соображеніе, что покойникъ поступилъ правильно и справедливо, позаботившись о Ксюшѣ, которая уважала его какъ отца.

Чтобы дать Ксеніи время успокоиться, Варвичъ рѣшилъ отложить объясненіе до слѣдующаго раза и уѣхалъ по своимъ дѣламъ, съ тѣмъ, чтобы заодно зайти къ Оршину.

Послѣ его ухода, Ксенія вышла изъ спальни и принялась за свое обычное занятіе въ тѣ дни, когда она не ходила на службу — стряпню и уборку комнатъ.

— Милая бабушка, — говорила она, — жалко бѣднаго Яна Конрадовича. Сколько онъ для насъ сдѣлалъ! А, главное, жалко за то, что онъ совсѣмъ о себѣ не думалъ. Вѣроятно, простудился, продолжалъ выходить изъ дому... Казиміровна за нимъ такъ плохо смотрѣла, сама старушка. Бѣдный Янъ Конрадовичъ....

— Тебѣ-то, Ксюша, какое завѣщаніе! Говорили, однихъ жемчуговъ....

— Ахъ, бабушка, — перебила ее Ксенія, — лучше бы онъ ихъ на что-нибудь пожертвовалъ. Какое я на нихъ имѣю право? Да и на что мнѣ?

— Господи, Ксюша, чудачка ты!... Ну, да ужъ Богъ съ тобой. — Софья Васильевна добродушно махнула рукой. — Обѣщалъ Константинъ Ивановичъ придти къ завтраку, паску дѣлать. Сегодня вѣдь у насъ Страстной Четвергъ, къ Двѣнадцати Евангеліямъ мы собирались...

Варвичъ засталъ Оршина еще въ халатѣ, за утреннимъ кофе. Онъ вошелъ къ нему, не снимая пальто и, расхаживая съ тросточкой по мастерской, принялся раз-

сказывать о полученномъ извѣстіи, какъ бы не придавая ему особеннаго значенія.

— Жалко старика, — говорилъ онъ. — Типичный былъ чехъ, со слабостями, конечно, но честняга и вообще добрѣйшій человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, онъ поступилъ благородно, оставивъ цѣлый капиталъ человѣку, который... на дѣло, которому онъ такъ сочувствовалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, что достанется по духовному завѣщанію Ксеніи, это составитъ хорошее состояніе, очень хорошее...

Оршинъ замѣтилъ, что Варвичъ впервые въ разговорѣ съ нимъ назвалъ Ксенію просто по-имени.

— Значить это дѣло уже окончательно рѣшенное? — спросилъ онъ его.

— Какое?

— Я говорю о твоей свадьбѣ.

— Оно было мною рѣшено еще въ Прагѣ, — отвѣтилъ Варвичъ, продолжая свою прогулку по комнатѣ.

— Когда же свадьба?

— Я думаю, сейчасъ же послѣ Пасхи, черезъ недѣлю, дней черезъ десять. Журналъ налаженъ, весна... Нѣтъ основанія откладывать. Нѣтъ ни-ка-ко-го основанія откладывать... — пропѣлъ онъ фальшиво, продолжая ходить и жонглировать тростью.

Оршинъ смотрѣлъ на него и въ первый разъ за ихъ долгое знакомство понялъ его вполне; вѣрнѣе, онъ впервые взглянулъ въ него совершенно близко.

— Я не зналъ, что онъ такой.... такой типичный *parvenu*, — подумалъ онъ. — И когда въ немъ произошла эта перемѣна? Неужели онъ всегда былъ такимъ? И почему я не замѣчалъ въ немъ этого раньше?

Варвичъ пробылъ у Оршина не болѣе десяти минутъ. Ему не сидѣлось на мѣстѣ; радостное настроеніе

его все возрастало и онъ испытывалъ потребность быть окруженнымъ людьми, чтобы полнѣе чувствовать свое благополучіе.

Уходя, онъ крикнулъ Оршину:

— Не забудь о розговѣннѣ въ редакціи! Встрѣча у церкви на rue **Daru!**

Оршинъ долго сидѣлъ въ креслѣ за остывшимъ кофе, медленно поглаживая кисть своего халата.

— Я все-таки куда-нибудь уѣду отъ этой мѣщанской свадьбы съ объединеніемъ капиталовъ, — думалъ онъ. — Навѣрно онъ отправился къ ней... Воображаю ихъ радостное воркованье. Бѣдняга Мрашекъ.... Непохоже на нее, впрочемъ.... Все равно, черезъ годъ станетъ точной копіей Варвича, еще его перещеголяетъ. У женщинъ это быстро. Есть вещи.... всѣ эти метаморфозы, которыя я не могу наблюдать спокойно. Ничего. Вотъ пріѣдетъ братъ, повезу его въ **Blois**, потомъ поѣду въ Пиренеи, въ Италію... Буду работать... просто работать, безъ вдохновеній, настроеній и прочей чепухи. Специализируюсь на деревенскихъ типахъ... Ничего, все будетъ хорошо, — заключилъ онъ, вставая съ кресла и принимаясь одѣваться.

VI.

Незадолго до полуночи Оршинъ подходилъ къ церкви. Вокругъ слышалась русская рѣчь; вдоль тротуаровъ прилегающихъ къ церкви улицъ непрерывной цѣпью стояли автомобили, самыя улицы были заполнены гудящей тихимъ говоромъ толпой. Среди обнаженныхъ головъ и дамскихъ шляпъ рѣзко выдѣлялись кэпи полицейскихъ, преграждавшихъ дорогу авто-

мобилиямъ и съ любопытствомъ оглядывавшихъ чуждое имъ сборище московитовъ. Церковный дворъ и паперть представляли собой сплошное море головъ. На звѣздномъ фонѣ ясной весенней ночи рѣзкими, странно знакомыми очертаніями выдѣлялись купола темнаго, переполненнаго молящимися, храма.

Съ большимъ трудомъ Оршину удалось протиснуться до угла, гдѣ была назначена встрѣча съ Варвичемъ. Оглядывая окружавшія его незнакомыя и полужнакомыя лица, онъ думалъ только о томъ, чтобы не быть оттиснутымъ въ сторону и не потерять шляпу. Постепенно толпа установилась и настала почти полная тишина. Высокій ростъ позволялъ Оршину хорошо видѣть поверхъ головъ.

Растворились большія церковныя двери и толпа раздалась, пропуская крестный ходъ. Сквозь кусты, посаженные вдоль церковной ограды, видны были только дрожащіе огни свѣчей и медленно движущіяся хоругви. Крестный ходъ завернулъ за уголъ церкви, двери закрылись, и толпа снова заполнила паперть. Улицы, примыкавшія къ церкви, загорѣлись тысячами мелькающихъ огней.

— Гдѣ бы достать свѣчку? — съ беспокойствомъ думалъ Оршинъ, оглядываясь на сосѣдей; не было никакой возможности пробраться ко входу въ ограду, но дѣло казалось ему настолько важнымъ, что онъ уже началъ прокладывать себѣ дорогу, какъ кто-то тронулъ его за рукавъ. Оршинъ оглянулся.

— Вотъ, могу уступить вамъ половинку, — проговорилъ какой-то невзрачный рябой господинъ, отламывая грубыми пальцами половину своей тоненькой восковой свѣчки, зажигая ее и подавая Оршину.

Снова заколыхались головы вокругъ церкви и пѣ-

ніе крестнаго хода, вырастая по мѣрѣ его приближенія, вырвалось изъ ограда на улицу.

— «Воскресеніе Твое, Христе Спасе...» — доносились до Оршина слова пѣснопѣнія.

Давно неиспытанная дрожь пробѣжала по его спинѣ. Глѣніе оборвалось и слабый, но ясно слышимый въ тишинѣ голосъ произнесъ:

— Христось. Воскресе!

— Воистину Воскресе!.. — какъ вздохъ пронеслось по толпѣ.

И усиленный голосами священниковъ и молящихся, хоръ грянулъ съ высоты паперти:

— «Христось Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ»...

Какой-то комокъ, все нарастая, поднимался въ груди Оршина и подступилъ къ горлу.

Церковныя двери растворились снова и открыли озарившуюся яркими огнями внутренность храма. Крестный ходъ съ пѣніемъ двинулся къ Царскимъ Вратамъ. Началась Пасхальная Заутреня.

Оршинъ не отрываясь смотрѣлъ въ глубину церкви и слѣдилъ за службой.

Все, что совершалось передъ его глазами, казалось ему нужнымъ, **своимъ** и полнымъ значенія. Онъ чувствовалъ себя рабомъ Божіимъ Дмитріемъ, предстоящимъ передъ своимъ православнымъ храмомъ, среди подобныхъ ему и близкихъ ему людей; и ему недоставало тѣхъ изъ нихъ, которые остались **тамъ**, сѣрыхъ, въ валенкахъ и тулупахъ, съ которыми многіе вѣка вмѣстѣ жили, вмѣстѣ молились и вмѣстѣ проливали кровь его дѣды и прадѣды.

— Нѣтъ и не было ихъ и насъ; мы — **одно**, и я одно съ ними, — думалъ онъ. — Не мѣсто мнѣ здѣсь,

никогда я не найду покоя на этой чужой землѣ. Только бы сохранить это мое святое, связывающее меня съ ними, только бы не растратить его...

— «Христось Воскресе изъ мертвыхъ!..» — доносилось изъ церкви.

— Господи, пошли мнѣ силъ на одолѣніе духа чуждаго, помоги мнѣ не потерять себя, пошли мнѣ...

Съ тревогой и замираніемъ сердца онъ сталъ обводить глазами толпу и увидѣлъ Ксенію совсѣмъ близко отъ себя. Она, такъ же какъ и онъ, глядѣла въ церковныя двери и слѣдила за службой; свѣча, которую она держала, снизу освѣщала ея лицо, бросая розовые блики на ея щеки и отражаясь въ ея глазахъ страннымъ дрожащимъ блескомъ.

— «Пасха священная... Пасха непорочная»... — порывами доносилось изъ церкви пѣніе хора.

— И она **своя**... Боярышня Ксенія... — прошепталь Оршинъ, любуясь ею.

Кругомъ христосовались.

— Не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, Оршинъ протискался черезъ толпу и подошелъ къ Ксеніи.

— Христось Воскресе, — произнесъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Воистину Воскресе, — отвѣтила она тихимъ радостнымъ голосомъ, глядя на него сіяющими глазами и довѣрчиво поднимая къ нему лицо. И онъ трижды коснулся губами ея губъ.

Послѣ Ксеніи Оршинъ похристосовался съ Софьей Васильевной, съ Хрюминымъ, съ Бушевымъ и только тогда увидѣлъ блѣдное, искаженное злобой лицо Варвича.

— Христось Воскресе, — обратился къ нему Оршинъ, не уясняя себѣ, что могло его разсердить.

Тотъ криво улыбнулся и молча съ нимъ похристосовался.

Толпа стала рѣдѣть; многіе выходили изъ церкви.

Господа, — сказалъ Бушевъ, — въ редакціи все готово; я поѣду впередъ и буду васъ ждать.

Но Ксенія хотѣла непременно, если не отслушать обѣдню, то хоть немного постоять въ церкви.

Съ трудомъ проникли въ ограду. Заслоня Софью Васильевну отъ натиска толпы, Оршинъ потерялъ изъ вида Ксенію; старушка не рискнула идти дальше и осталась подъ его защитой внизу паперти. Она вспоминала звонъ пасхальныхъ колоколовъ въ Россіи и спрашивала Оршина гдѣ ему случалось бывать у Заутрени.

Наверху паперти показались выходившіе изъ церкви Варвичъ и Ксенія; передъ тѣмъ какъ спускаться по ступенямъ, Варвичъ принялся заботливо укутывать ее шарфомъ.

Оршинъ нахмурился. Ему сразу вспомнился его послѣдній разговоръ съ Варвичемъ, его мысли по этому поводу и имъ снова овладѣло желаніе скорѣе уѣхать изъ Парижа. Выйдя за ограду, онъ отдѣлился отъ своихъ спутниковъ и направился было въ сторону противоположную редакціи, какъ его окликнули.

— Дмитрій Николаевичъ, идите къ намъ, помѣстимся! — крикнулъ ему изъ автомобиля Хрюминъ.

Оршинъ повиновался, вспомнивъ, что его отсутствіе на разговѣнъ очень огорчило бы Бушева.

Въ автомобилѣ, кромѣ Хрюмина, уже сидѣли Асѣевъ съ супругой и Левкоева. Послѣдняя сразу же пристала къ Оршину:

— А я и не знала, что вы такъ религіозны! И креститесь, и христосуетесь...

— Кому же и блюсти древній русскій обычай, какъ не Дмитрію Оршину? — заступился за него Асѣвъ, — на чужбинѣ особенно.

Все помѣщеніе редакціи было ярко освѣщено. Въ комнатѣ сотрудниковъ былъ накрытъ большой столъ, уставленный живыми цвѣтами, фруктами и всѣми видами пасхальныхъ яствъ. Собрались всѣ служащіе редакціи и кое-кто изъ сотрудниковъ; всего было человѣкъ двадцать. Бушевъ, красный и сіяющій, оттачивалъ большой кухонный ножъ, приготовляясь рѣзать окорокъ. Никто не садился, ожидая пока всѣ съѣдутся. Варвичъ не отходилъ отъ Ксеніи.

— Ну вотъ, кажется, и всѣ, — провозгласилъ Бушевъ. — Съ позволенія хозяина, прошу, господа, начать съ освященнаго... А потомъ къ водочкѣ... Вотъ простая, въ ледку, вотъ это зубровка...

Началось розговѣнье. Несмотря на нѣкоторую натянутость Варвича, общее настроеніе было приподнятое. Пили много. Асѣвъ завладѣлъ Оршинымъ, безпрестанно чокаясь съ нимъ то «простой», то зубровкой; Хрюминъ усиленно подливалъ дамамъ, Бундыревъ налегалъ на закуски и похваливалъ Бушева; жена Асѣва, оказавшаяся родомъ изъ Орла, какъ и Ксенія и Софья Васильевна, вспоминала съ ними общихъ знакомыхъ; Варвичъ, сидѣвшій около Ксеніи, ухаживалъ за ней и старался быть любезнымъ съ дамами; Бушевъ и нѣсколько молодыхъ художниковъ угощали служащихъ барышень.

Глядя на Ксенію, веселую и ласковую со всѣми, можно было заключить, что праздновался ея праздникъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности; она едва слыша-

ла то, что ей говорили Варвичъ и Левкоева, машинально ѣла, пила и отвѣчала на вопросы. Одно лишь она сознавала ясно — что она любитъ Оршина, что онъ любитъ ее и что любовь ихъ составляетъ одно цѣлое со всѣмъ тѣмъ святымъ и радостнымъ, что наполняло эту пасхальную ночь. Она не смотрѣла на Оршина, боясь, что, при встрѣчѣ съ нимъ глазами, не съумѣетъ удержать переполнявшаго ее чувства.

А онъ, видя ея оживленіе и видя хлопотавшаго около нея Варвича, чокался съ Бушевымъ и съ Асѣвымъ и дѣлалъ усилія, чтобы сохранить на лицѣ веселое выраженіе.

— Дмитрій Николаевичъ! — крикнула ему черезъ столъ сильно повеселѣвшая отъ вина Левкоева, — вы давно не были въ Лувръ?

— Я заходилъ туда какъ-то недавно, — отвѣтилъ Оршинъ.

— Вы своей страстью къ музеямъ заразили Ксеничку. вмѣсто того, чтобы съ нами завтракать, она на время перерыва уходитъ въ Лувръ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. — пробормоталъ Оршинъ, бросая быстрый взглядъ на Ксенію, которая немного смутилась.

Варвичъ насторожилъ уши. Положительно, было что-то странное въ поведеніи Ксеніи.

— И чего онъ къ ней полѣзъ христосоваться? — думалъ онъ, подозрительно поглядывая то на Оршина, то на Ксенію. — Подумаешь, какой обрядникъ!.. И что за прогулки въ Лувръ? И почему они никогда другъ съ другомъ не разговариваютъ? и даже не смотрятъ другъ на друга?.. Не явный ли это намекъ со стороны Левкоевой? Да и самъ Оршинъ? Что у него за странный видъ послѣднее время?

У Варвича застучало въ головѣ и потемнѣло въ глазахъ отъ нахлынувшихъ на него подозрѣній.

— Не можетъ быть, — успокаивалъ онъ себя, выпивая залпомъ стаканъ вина и наполняя его снова.

— Но что-то есть, — думалъ онъ черезъ минуту, — и я доберусь до истины.

И онъ удваивалъ любезность къ гостямъ и даже нашелъ въ себѣ силу крикнуть Оршину:

— Дмитрій Николаевичъ, ты ничего не пьешь!

Оршинъ молча указалъ на свой выпитый стаканъ.

Послѣ трехъ часовъ утра начали расходиться. Чтобы не будить лишній разъ сварливую консьержку, выходили всѣ сразу. Варвичъ, провожавшій Ксенію и Софью Васильевну, предложилъ Оршину подвезти и его; онъ рассчитывалъ сдѣлать въ пути нужныя ему наблюденія.

Одѣваясь въ передней, Оршинъ не безъ удивленія уловилъ на себѣ его злой и пристальный взглядъ.

— Онъ, кажется, не можетъ мнѣ простить того, что я похристосовался съ его невѣстой, — усмѣхнулся Оршинъ. — Дурень, въ такомъ случаѣ. «*Honni soit qui mal y pense*».

Онъ нехотя сѣлъ въ автомобиль и молчалъ почти всю дорогу. Софья Васильевна дремала, Варвичъ задавалъ ему и Ксеніи односложные вопросы, Ксенія сидѣла, облокотившись головой на спинку дивана и лица ея въ темнотѣ не было видно.

Когда пріѣхали, Оршинъ вышелъ первымъ, помогъ сойти Софьѣ Васильевнѣ и протянулъ руку Ксеніи. Ощущеніе теплоты ея руки, утомленно - счастливое выраженіе ея лица, мысль о томъ, что онъ можетъ быть видѣть ее въ послѣдній разъ, все это вмѣстѣ взятое, на секунду пробудило въ немъ то чувство, которое влекло

его къ ней во время заутрени, и когда глаза ихъ встрѣтились, ему показалось, что она прочла его мысли.

— Милости просимъ къ намъ какъ нибудь, — сказала Оршину Софья Васильевна при прощаньи; — Константинъ Ивановичъ говорилъ, что вы живете совсѣмъ близко отъ насъ... Идемъ скорѣе, Ксюша, пока горить электричество.

Ксенія быстро пожала руку Варвичу и Оршину, и поспѣшила за Софьей Васильевной.

Когда Оршинъ обернулся, Варвичъ уже сидѣлъ въ автомобилѣ.

— Могу тебя подвезти, — сказалъ онъ.

— Не беспокойся, мнѣ близко, — отвѣтилъ Оршинъ. — Спасибо за разговоръ.

— Не за что. Досвиданья.

Автомобиль тронулся. Трудно было сказать — не успѣлъ Варвичъ, или не хотѣлъ подать Оршину руку при прощаньи.

— Скорѣе бы со всѣмъ этимъ покончить, — думалъ Оршинъ идя домой. — Скорѣе бы пріѣхалъ братъ...

VII

Бушевъ не представлялъ себѣ Пасхи безъ пасхальныхъ визитовъ. Вставъ въ восемь часовъ утра, приведя, съ помощью редакціоннаго подростка, въ порядокъ помѣщеніе, затративъ около часу времени на туалетъ и бритье и выпивъ, «для очистки голоса» послѣ разговѣнья, двѣ рюмки водки и бутылку пива, онъ отправился въ путь.

Начать слѣдовало съ «патрона» — Варвича; потомъ нужно было заглянуть къ Хрюмину, къ Златоградскому

и къ Бундыреву. Завтракать его пригласили Ксенія и Софья Васильевна, а до того онъ хотѣлъ побывать у Левкоевой и забѣжать къ Оршину.

Варвича онъ засталъ мрачно шагающимъ по комнатѣ, въ состояніи крайней разсѣянности и раздраженія; онъ никакъ не могъ понять, по какому дѣлу къ нему пріѣхалъ Бушевъ и указалъ ему обратиться къ Бундыреву.

— Что съ нимъ случилось? — думалъ удивленный Бушевъ, выходя изъ его номера.

Хрюминъ еще спалъ; Златоградскаго и Бундырева, жившихъ на противоположныхъ концахъ города, не оказалось дома. Левкосва еще только вставала и приняла его поздравленіе черезъ дверь.

— Я тоже завтракаю у Ксеніи, — сказала она. — Хотите меня подождать внизу?.. Ахъ, вы къ Оршину? Возьмите его съ собой, я предупрежу Ксенію. Возьмите непременно, вы этимъ доставите ей большое удовольствіе!

По дорогѣ къ Оршину, Бушевъ зашелъ въ кондитерскую за тортомъ для Софьи Васильевны и въ цвѣточный магазинъ за букетомъ для Ксеніи. Онъ долго подбиралъ цвѣты, по нѣскольку разъ мѣнялъ ихъ, и наконецъ остановился на большомъ букетѣ ландышей, за который и заплатилъ большую часть имѣвшихся у него денегъ.

— Не для кого нибудь... — бормоталъ онъ, осторожно принимая отъ продавщицы букетъ.

Оршина онъ засталъ передъ разложеннымъ на полу чемоданомъ, среди груды бѣлья и книгъ.

— Со Свѣтлымъ Праздникомъ, Митя, Христосъ Воскресе. Что ты дѣлаешь?

— Воистину Воскресе, Константинъ Ивановичъ, —

поздоровался съ нимъ Оршинъ. — Какъ видишь, укладываюсь. Что это ты съ букетомъ?

— Переѣзжаешь, что-ли?

— Везу брата въ Blois, потомъ ѣду дальше на югъ.

— Какъ брата?.. Какой югъ? Вѣдь ты собирался осенью?.. -- недоумѣвалъ Бушевъ; — какъ же это вдругъ?

Оршинъ досталъ изъ кармана письмо и телеграмму.

— Вотъ, братъ уже выѣхалъ изъ Варшавы, онъ ѣдетъ одинъ; завтра въ десять часовъ утра его надо встрѣтилъ *на gare de l'Est* и я хотѣлъ попросить тебя мнѣ помочь. Ты бы ожидалъ у выхода на перонъ, а я пошелъ бы вдоль поѣзда.

— Хорошо, съ громаднымъ удовольствіемъ.

— Вотъ его примѣты, — началъ Оршинъ, садясь и съ улыбкой разбирая письмо: — «Роста онъ для своихъ лѣтъ высокаго»... — Это пишетъ дама, съ которой онъ выѣхалъ изъ Россіи. — «Худенькій, бѣлокурый, хорошенькій, съ большими синими глазами, на лѣвой щекѣ родинка... Одѣтъ въ темное пальто съ барашковымъ воротникомъ и въ барашковую шапочку...» — Однимъ словомъ, одѣтъ не по европейски, это намъ поможетъ его найти... — «При немъ небольшой старенькій чемоданъ съ Вашимъ адресомъ»... — Ну вотъ и все, что намъ нужно знать. Такъ я за тобой заѣду въ редакцію ровно въ девять часовъ утра, а оттуда поѣдемъ на вокзалъ. Завтра я его одѣну, куплю ему все что нужно... Вотъ письмо Роландо; онъ пишетъ какія вещи ему необходимы для школы. А послѣ завтра днемъ мы выѣдемъ. Квартиру я оставляю тебѣ. Хочешь — живи здѣсь, хочешь — въ редакціи. Въ этомъ конвертѣ деньги, которыя я тебѣ оставляю. Если до моего возвращенія начнутъ ломать домъ, ликвидируй какъ нибудь весь этотъ

хламъ; мазню и мольберты заверни въ коверъ и сунь куда-нибудь. Пропадеть — не бѣда.

Бушевъ слушалъ его, недовольно покачивая головой.

— Эхъ, а я то думалъ!.. Только что все наладилось и съ журналомъ, и у тебя... Нехорошо!.. Съѣздить бы дня на два въ Blois, устроилъ бы брата, а въ пугешествіе мѣсяца черезъ два. А какъ же портреты?

— Три портрета закончены, одинъ брошень, а новые заказы отложены до осени.

— Вотъ что!.. — спохватился Бушевъ, взглянувъ на часы, — идемъ вмѣстѣ завтракать къ Ксеніи Александровнѣ. Оно и такъ слѣдовало бы тебѣ нанести визитъ и поздравить съ праздникомъ... Нехорошо какъ-то, что ты къ нимъ до сихъ поръ не собрался.

— Некогда и незачѣмъ. Поздно говорить о визитахъ.

— Я тебя не совсѣмъ понимаю, Дмитрій Николаевичъ... Софья Васильевна такая почтенная дама, Ксенія Александровна... Право... Ты какъ-то странно къ ней относишься, тебѣ она, словно, не нравится...

— Я самъ не знаю, что мнѣ нравится и что не нравится. Мнѣ вообще слѣдуетъ провѣтриться.

Бушевъ вздохнулъ, взялъ свой букетъ, тортъ и, обѣщавъ Оршину зайти вечеромъ, ушелъ.

Левкоева пріѣхала къ Ксеніи незадолго до Бушева и объявила, что тотъ долженъ привести съ собой Оршина. Софья Васильевна захлопотала:

— Ксюша, поставь еще одинъ приборъ. Рюмокъ у насъ мало...

Ксенія вспыхнула и побѣжала въ столовую.

Левкоева, опытная въ житейскихъ дѣлахъ, давно опредѣлила характеръ отношеній между Ксеніей и Оршинымъ. Искренно симпатизируя Ксеніи и не любя Варвича, она ничего такъ не желала, какъ разстроить ихъ предполагавшуюся свадьбу и оставить Варвича «въ дуракахъ».

Она рѣшила воспользоваться отсутствіемъ Ксеніи, чтобы поговорить съ Софьей Васильевной.

— Я бы на мѣстѣ Ксенички, — начала она прямо, — вышла замужъ не за Варвича, а за Оршина.

— Господи!.. И придетъ же вамъ въ голову, Ольга Семеновна!.. — всполошилась старушка. — А я васъ считала такой разумницей... Вотъ вы бы и выходили за него, — добавила она, недовѣрчиво улыбаясь.

— Не обо мнѣ рѣчь. Развѣ вы не видите, что они влюблены другъ въ друга?

— Кто? Господи!..

— Ксеничка въ Оршина, Оршинъ въ Ксеничку.

Софья Васильевна даже покраснѣла пятнами и сидѣла, въ ужасѣ глядя на Левкоеву.

— Неужели вы до сихъ поръ не замѣтили, — продолжала та, — что не любить она вашего Варвича и никогда не любила? Да и не за что его любить.

— Какъ не за что?.. Какъ не любить?.. Господи!.. Откуда это вы? Еще вчера передъ Заутреней онъ мнѣ говорилъ... Я вотъ жду, что сегодня все рѣшится, а вы — Оршинъ!.. Петръ Степановичъ человѣкъ серьезный, съ положеніемъ, а этотъ... художникъ, прости Господи... Голыхъ женщинъ рисуетъ. Не плохой онъ, воспитанный... да какой же онъ женихъ? Да развѣ можно выдать Ксюшу за такого человѣка? И откуда вы все это взяли, матушка Ольга Семеновна?

Левкоева начала терять терпѣніе.

— Никогда Ксеничка не будетъ счастлива съ этимъ Варвичемъ! И право у васъ, Софья Васильевна, какіе-то допотопные взгляды.

— Извините меня, голубушка, — разсердилась старушка, — взгляды у меня какъ у людей... Не совѣтскимъ бракомъ вѣнчать собираемся, не на пробу, а на всю жизнь!..

Раздался звонокъ. Слышно было, какъ въ передней Бушевъ поздравлялъ Ксенію.

— Нѣтъ, — говорилъ онъ, — не можетъ... укладывается. Завтра утромъ встрѣчаетъ брата, я вамъ рассказывалъ... А послѣ завтра уѣзжаетъ въ Blois, потомъ въ Пиринеи, что-ли, въ Италію...

— Что вы говорите? — воскликнула Левкоева, идя навстрѣчу Бушеву.

— И слава Богу... — пробормотала Софья Васильевна.

Бушевъ вошелъ въ гостинную одинъ; Ксенія не показывалась.

Левкоева заставила его рассказать всѣ подробности объ отѣздѣ Оршина. Софья Васильевна слушала, поднимавъ съ недовольнымъ видомъ брови.

— А что-же это Петръ Степановичъ не ѣдетъ? — перебила она его; — вы не видѣли его сегодня? Обѣщалъ къ завтраку... Половина второго скоро.

Левкоева вышла къ Ксеніи и застала ее въ кухнѣ, съ букетомъ Бушева въ рукахъ. Лицо ея было блѣдно и брови сдвинуты.

— Ксеничка, милая, — сказала Левкоева, цѣлуя ее въ голову, — я давно все вижу и знаю. Надо что нибудь предпринять...

Губы Ксеніи дрогнули.

— Не надо, не говорите объ этомъ... — проговорила она со страданіемъ въ голосъ и принялась развертывать и мочить подъ краномъ принесенный букетъ.

Левкоева озабоченно покачала головой и молча принялась помогать ей по хозяйству.

Подождавъ Варвича до двухъ часовъ, сѣли за завтракъ. Разговоръ не клеился; никто, кромѣ Бушева, почти ничего не ѣлъ. Бушевъ, полагавшій, что причиной общаго унынія являлось отсутствіе Варвича, приводилъ по этому поводу всякія оправдывающія соображенія. Софья Васильевна со все возрастающей тревогой поглядывала на Ксенію, которая переходила изъ столовой въ кухню и обратно, мѣняя тарелки, перетирая посуду и не прикасаясь къ ѣдѣ. Левкоева сидѣла, что-то обдумывая и вскорѣ заторопилась уѣзжать, такъ какъ была приглашена въ ложу на дневное представленіе и уже опоздала. На прощанье, она крѣпко поцѣловала Ксенію и общала заѣхать къ ней послѣ театра, чтобы «поговорить серьезно».

Черезъ четверть часа послѣ ея ухода, Ксенія тоже одѣлась и сказала, что уходитъ въ Лувръ.

— Какъ же это, Ксюша?.. Праздникъ сегодня. И я съ тобой пойду, — заволновалась Софья Васильевна.

Бушевъ тоже сталъ предлагать свои услуги.

— Я пойду одна, бабушка, — отвѣтила Ксенія и вышла, не попрощавшись съ Бушевымъ.

Софья Васильевна рѣшила вывѣдать что нибудь хоть у него, но вскорѣ убѣдилась, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ и даже не понимаетъ, что именно ее интересуетъ.

VIII

Ксенія ушла, чтобы остаться одной. Извѣстіе, принесенное Бушевымъ, было для нея ударомъ. Она не могла освоиться съ мыслью объ отъѣздѣ Оршина; съ его отъѣздомъ рушилось все, что составляло смыслъ и содержаніе ея жизни. Почему онъ уѣзжаетъ? Вѣдь она знала, что онъ ее любитъ?.. А если она ошибалась?..

Съ этими мыслями она доѣхала до Лувра и поднялась по знакомой лѣстницѣ въ картинную галерею.

По случаю воскресенья народу было много; въ залахъ, гдѣ обыкновенно царила тишина, изрѣдка нарушаемая осторожными шагами и сдержаннымъ говоромъ посѣтителей, стоялъ безцеремонный топотъ и гулъ голосовъ; на диванахъ сидѣли цѣлыми компаніями и ѣли принесенныя съ собою сладости.

Ксенія хотѣла уже уйти изъ Лувра, но вспомнила, что и на улицѣ сегодня не лучше и, свернувъ въ одну изъ боковыхъ залъ, сѣла на свободную скамейку.

Сюда она никогда не заходила. Передъ ея глазами висѣли какіе-то сѣрые безотрадные пейзажи и однообразные морскіе виды. Она долго сидѣла, перебирая въ памяти всѣ событія послѣднихъ недѣль и не находила въ нихъ ничего реальнаго, на что она могла бы опереться. Ничего особеннаго не произошло, но перевернулась вся ея жизнь. Не сдѣлавъ ни одного шага, она оказалась въ тупикѣ, изъ котораго никто не могъ ее вывести, кромѣ нея самой. Но что она могла сдѣлать? Повидать Оршина? Какимъ образомъ? Написать ему?

— Онъ хочетъ уѣхать и оставить меня Варвичу, — думала она. — Если бы онъ любилъ меня, онъ не сдѣлалъ бы этого. Какъ же я могу ему писать?..

На этотъ выводъ наталкивались всѣ ея планы.

— А если онъ думаетъ, что я люблю Варвича? — вдругъ мелькнуло въ ея головѣ, — и считаетъ меня его невѣстой, какъ это дѣлаютъ многіе, почти всѣ? Можетъ быть онъ просто не знаетъ, что я **его** люблю? Этимъ объясняется все и во всемъ виновата я сама... Но что же я должна была дѣлать? Что мнѣ дѣлать теперь?..

Въ волненіи она поднялась со скамейки и увидѣла Варвича, идущаго ей навстрѣчу.

Варвичъ не спалъ всю ночь, переходя отъ самыхъ дикихъ подозрѣній къ успокоительнымъ выводамъ и обратно. Были догадки, но фактовъ не было. Въ поведеніи Ксеніи если и были странности, то, во всякомъ случаѣ, въ немъ не было ничего предосудительнаго и ничего прямо указывающаго на ея увлеченіе Оршинымъ. Напротивъ, все находило самое натуральное объясненіе. Оршинъ?.. Онъ думалъ о немъ съ ненавистью, но не могъ не сознаться, что не въ его характерѣ было дѣйствовать тайкомъ. Главной уликой противъ него было то, что онъ позволилъ себѣ съ нею похристосоваться; но это только подтверждало его манеру дѣйствовать открыто и ни съ чѣмъ не считаясь. Не было ли тутъ чего нибудь совсѣмъ новаго? Мало ли кого она можетъ встрѣчать въ теченіе дня, съ кѣмъ она можетъ познаться случайно, въ томъ же Луврѣ?.. Но если Оршинъ не причеъ, тогда вообще нѣтъ основанія для подозрѣній, ибо онѣ возникли именно въ связи съ Оршинымъ... Все таки, есть что-то загадочное въ ней самой, въ Ксеніи... А что значить этотъ намекъ въ письмѣ Мюллера изъ Праги?

— Какая чушь! — воскликнул Варвичъ, принимаясь ходить по комнатѣ. — Но вѣдь я ее не знаю, я ничего о ней не знаю! Я считалъ ее невинной чистой дѣв...

Тутъ онъ вспоминалъ сарказмы того-же Оршина, идя все дальше по пути своихъ подозрѣній, доходилъ до самыхъ чудовищныхъ выводовъ, и снова негодовалъ на Ксенію, снова уличалъ Оршина, клялся наказать ихъ обоихъ и злобно ощупывалъ въ карманѣ револьверъ, съ которымъ обыкновенно не разставался. Соображеніе, что Ксенія можетъ просто не любить его, независимо отъ ея пороковъ и добродѣтелей, ни разу не пришло ему въ голову.

Въ такомъ состояніи, уже утромъ, засталъ его Бушевъ. Наконецъ, у Варвича созрѣло рѣшеніе: онъ не поѣдетъ къ Ксеніи на завтракъ, какъ обѣщалъ, чтобы не встрѣтить у нея «этого осла Бушева» и «эту шельму Левкоеву», а приѣдетъ позднѣе, часа въ четыре, и объяснится съ Ксеніей окончательно. Тогда все будетъ ясно. Если возникнутъ какія бы то ни было сомнѣнія, онъ исчерпаетъ ихъ тутъ-же, чтобы въ ихъ отношеніяхъ не осталось ничего темнаго.

До половины четвертаго онъ не зналъ какъ убить время, кое-какъ позавтракалъ въ ресторанѣ своей гостиницы и выпилъ бутылку сквернаго вина.

По мѣрѣ приближенія къ дому Ксеніи, беспокойство его возрастало, а апломбъ уменьшался. Зато его чувство къ ней обострилось до крайности. За увѣренность въ ея любви, за обладаніе ею, онъ пожертвовалъ бы чѣмъ угодно, даже своимъ журналомъ, даже наслѣдствомъ Мрашека.

Ему отворила Софья Васильевна. Уже по ея лицу онъ понялъ, что не все благополучно. Узнавъ, что Ксе-

нія ушла изъ дому и притомъ въ Лувръ, онъ потерялъ всякое самообладаніе.

— Что все это значить?!. — закричалъ онъ, грозно подступая къ Софѣ Васильевнѣ.

Та испуганно отъ него попятилась, слезливо моргая глазами.

Не ожидая ея отвѣта, Варвичъ выскочилъ на лѣстницу и побѣжалъ внизъ. На его счастье, автомобиль, на которомъ онъ пріѣхалъ, еще стоялъ у подъѣзда и онъ вскочилъ въ него.

— *Au musée du Louvre! Et en vitesse!* — крикнулъ онъ шоферу.

— Тамъ разгадка, въ этомъ проклятомъ Луврѣ! — думалъ онъ, нетерпѣливо выглядывая въ окно.

Остановившись у главнаго подъѣзда, онъ нерѣшительно оглядѣлся.

— Гдѣ мнѣ ее искать? — думалъ онъ; — мы входили не отсюда...

Онъ обратился къ сторожу и, узнавъ, что картинныя галлерей находятся именно здѣсь, наудачу вошелъ въ дверь. Было половина пятого; черезъ полъ часа музей закрывался и надо было спѣшить.

— Какъ она одѣта? Въ чемъ-то темномъ... — вспоминалъ онъ. — И потомъ, она можетъ быть не одна... почти навѣрно. Надо осматривать всѣхъ...

Послѣ четверти часа безплодныхъ поисковъ, онъ уже началъ приходить къ заключенію, что Лувръ служилъ для Ксеніи только предлогомъ, чтобы уходить куда-то изъ дому и готовъ былъ бросить его и ѣхать куда угодно, начиная съ того же Оршина, какъ вдругъ онъ замѣтилъ ее на скамейкѣ въ одной изъ боковыхъ залъ.

Отойдя на нѣсколько шаговъ, онъ сталъ за ней

слѣдить. Сердце его стучало. Прошло болѣе пяти минутъ. Она продолжала сидѣть одна, задумчиво глядя передъ собой и не обращая вниманія на проходившихъ. Варвичъ почувствовалъ облегченіе.

— Она сказала, что идетъ въ Лувръ и не солгала, — думалъ онъ. — На свиданіе не похоже; ясно, что она никого не ждетъ. Она просто чѣмъ-то озабочена, или разстроена. Чѣмъ?.. Можетъ быть, она недовольна мною? Я не пріѣхалъ къ завтраку, она меня ждала... О, какъ, въ такомъ случаѣ, я виноватъ передъ нею!.. Она кажется уходитъ...

И онъ быстро подошелъ къ Ксеніи.

— Я васъ искалъ, — началъ онъ, пожимая ея руку и снова усаживая ее на скамейку. Выраженіе ея поблѣднѣвшаго лица какъ-бы подтверждало его предположеніе, что она имъ недовольна.

— Я не пріѣхалъ къ завтраку, не желая васъ застать въ обществѣ другихъ... Мнѣ нужно поговорить съ вами. Я откладывалъ, но вы знаете... Вы не имѣли основанія сомнѣваться въ моихъ намѣреніяхъ...

Ксенія сдѣлала нетерпѣливый жестъ и хотѣла что-то сказать. Она была сильно взволнована.

— Вы не могли сомнѣваться, — перебилъ онъ ее, — какъ и я въ васъ, въ вашемъ чувствѣ... Я хочу, наконецъ, оформить то... Я прошу вашей руки, — закончилъ онъ, не будучи въ силахъ, отъ наплыва чувства, говорить сколько нибудь обдуманно.

— Я не люблю васъ, Петръ Степановичъ, и не могу быть вашей женой, — тихимъ, но твердымъ голосомъ проговорила Ксенія.

И какъ только она произнесла эту фразу, она почувствовала, что съ души ея свалился огромный камень.

Варвичъ смотрѣлъ на нее во всѣ глаза и судорожно

шевелилъ губами. У него сразу пересохло въ горлѣ. Молчаніе длилось около минуты.

— Вотъ какъ?.. — выговорилъ онъ наконецъ, задыхаясь. — Я могъ разсчитывать, что вы, по крайней мѣрѣ, уведомяте меня заранее...

— Если бы вы спросили меня раньше, я отвѣтила бы вамъ такъ-же, — съ новымъ для Варвича спокойствіемъ въ голосѣ отвѣтила Ксенія.

Раздались звонки и сторожа начали приглашать публику покинуть музей.

Ксенія встала и пошла къ выходу. Варвичъ шелъ около нея съ кривой улыбкой на губахъ, теребя снятую съ правой руки перчатку.

— Что-же, или, вѣришь, — кто-же причина такой перемѣны? — спросилъ онъ прерывающимся голосомъ, злобно взглядывая на Ксенію.

Та съ секунду посмотрѣла ему въ лицо и отвернулась.

— Это васъ не касается... Это никого не касается, — добавила она, какъ бы желая смягчить выраженіе.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, это очень меня касается! — вспыхнулъ Варвичъ. — И я узнаю!..

Ксенія пожала плечами и ускорила шагъ. Они молча спустились съ лѣстницы, прошли нижнюю галлерею и вышли изъ Лувра. Спокойствіе Ксеніи все болѣе бѣсило Варвича.

— Я не изъ тѣхъ, кто позволяетъ надъ собой подобныя шутки, — снова началъ онъ, поспѣвая за Ксеніей по тротуару. — И я найду шутника!..

Ксенія молчала.

— Не мой ли это другъ, знатокъ и любитель женщинъ, специалистъ по... — Варвичъ задыхался отъ злобы; — не господинъ ли это Оршинъ?

Ксенія остановилась и сверкнула на Варвича глазами.

— Оставьте меня, — проговорила она такимъ повелительнымъ тономъ, что Варвичъ опѣшилъ отъ изумленія.

Она повернулась и быстро пошла въ сторону набережной.

Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, Варвичъ въ бѣшенствѣ бросилъ на землю разорванную перчатку, сорвалъ съ руки другую, бросилъ и ее, и, не спуская глазъ съ Ксеніи, смѣшался съ толпой гуляющихъ и пошелъ за нею.

IX

Дойдя по набережной до моста Александра III, Ксенія остановилась. Она испытывала сильный душевный подъемъ и сильную физическую слабость. У нея слегка кружилась голова и дрожали ноги. Возвращаться домой ей не хотѣлось; тамъ предстояло объясненіе съ бабушкой, упреки и слезы; тамъ же могла быть и Левкоева.

Она чувствовала, что первый важный шагъ ею сдѣланъ и была довольна собой, но оставался еще одинъ шагъ, еще болѣе важный: Оршинъ долженъ былъ знать, что она отказала Варвичу, что она свободна и что она его любитъ. Для этого было единственное средство — написать ему и она рѣшила сдѣлать это въ какомъ нибудь кафе, гдѣ было бы потише и поменьше народу; она знала одно такое кафе въ Auteuil, недалеко отъ дома и, чтобы собраться съ мыслями и вполне придти въ себя послѣ объясненія съ Варвичемъ, рѣшила, не смотря на усталость, идти пѣшкомъ.

Она шла медленно, время отъ времени присажива-

ясь на скамейку, чтобы отдохнуть. Нервы ея были натянуты, лицо горѣло; можетъ быть, ее немного лихорадило, такъ какъ порою она какъ-бы теряла сознание дѣйствительности. Ей казалось, что она все еще въ Луврѣ и что рядомъ съ ней сидитъ не Варвичъ, а Оршинъ, которому она и высказываетъ все то, что она собиралась ему написать; она смотритъ на него и не понимаетъ, почему онъ молчитъ и почему онъ такъ грустенъ; и въ то же время, она знаетъ, что онъ любитъ ее. Полная необъяснимой тревоги, она вставала со скамейки и шла дальше.

— Только бы онъ скорѣе получилъ мое письмо! Какъ сдѣлать, чтобы онъ получилъ его сегодня?.. — думала она и ускоряла шагъ.

Было около семи часовъ, когда она подходила къ углу, на которомъ было знакомое кафе. Войдя, она попросила все нужное для письма, заказала себѣ кофе и сѣла за угловой столикъ.

Подумавъ съ минуту, она написала:

«Дмитрій Николаевичъ, мнѣ сказали, что послѣ завтра Вы уѣзжаете. Я хочу, чтобы Вы знали, что сейчасъ я отказала П. С. Варвичу, который сдѣлалъ мнѣ предложеніе и что я люблю и любила одного Васъ. Я вѣрю, что Вы не осудите меня за это письмо; я пишу, потому, что Вы уѣзжаете и у меня нѣтъ другого выхода. Ксенія».

Перечитавъ письмо, Ксенія нашла его безобразнымъ и готова была разорвать его, но, почувствовавъ, что ничего лучшаго она не сможетъ выдумать, вложила его въ конвертъ, запечатала и принялась писать адресъ.

Тутъ она вспомнила, что знаетъ улицу, на которой живетъ Оршинъ, но не знаетъ номера его дома.

— Передать черезъ Бушева? — мелькнула у нея

мысль; — но врядъ ли онъ до сихъ поръ не ушелъ, а завтра съ утра онъ уѣдетъ на вокзалъ...

Она знала домъ Оршина по описанію Бушева и легко могла бы его найти. Проще всего было занести письмо самой и передать его сторожу, который, какъ она слышала, жилъ въ нижнемъ этажѣ.

Недописавъ адреса, она расплатилась и вышла. Погода хмурилась и было почти темно. Зажигали фонари.

Найдя нужную улицу, Ксенія достала изъ сумочки письмо и медленно пошла вдоль тротуара. Вскорѣ она увидѣла низкій каменный заборъ и за нимъ, въ глубинѣ двора, старый, окруженный деревьями домъ съ закрытыми ставнями.

— Это здѣсь, — подумала она и сердце ея сильно забилось.

Осторожно отворивъ калитку, она перешла черезъ дворъ и, быстро миновавъ подъѣздъ, подошла къ боковой двери, которая, какъ она думала, вела въ жилище сторожа.

Въ домѣ царила полная тишина; за полуотворенной дверью было темно; только изъ нижняго окна, сквозь запертую ставню, пробивался слабый лучъ свѣта.

— Вѣроятно, его нѣтъ дома, — подумала она, — а у сторожа свѣтъ.

Эта мысль придавала ей бодрости; она вошла въ дверь и ошупью стала искать входа въ нижнее помѣщеніе. Не найдя его, она постучала дверной ручкой.

Наверху послышались шаги; скрипнула дверь и лѣстница слабо освѣтилась.

— Кто тамъ? — раздался голосъ Оршина.

У Ксеніи остановилось дыханіе.

Дверь наверху закрылась снова и шаги удалились.

Ксенія поняла, что ошиблась входомъ, но не имѣла

силы уйти. Онъ былъ тутъ; ей стоило подняться по этой лѣстницѣ, чтобы увидѣть его, сказать ему все то, что она не умѣла выразить и объяснить въ письмѣ, услышать отъ него, что онъ ее любитъ, что онъ не уѣдетъ и не оставитъ ее одну...

Постоявъ нѣсколько секундъ, она глубоко вздохнула, какъ бы собираясь съ силами, и стала подниматься по лѣстницѣ. Въ верхнее окно проникалъ слабый свѣтъ съ улицы. Она увидѣла дверь, взялась за ручку и остановилась, едва переводя дыханіе.

— Войдите, — послышался голосъ Оршина изъ глубины квартиры. — Костя, ты?

Ксенія вошла въ кухню, сдѣлала нѣсколько шаговъ и, остановившись на порогѣ большой освѣщенной комнаты, увидѣла Оршина, сидѣвшаго въ креслѣ и перебиравшаго бумаги.

Когда Оршинъ поднялъ голову и увидѣлъ Ксенію, онъ былъ такъ пораженъ, что вскочилъ и выронилъ бумаги изъ рукъ.

Нѣсколько секундъ они молча смотрѣли другъ на друга. Невыразимая радость изобразилась на его лицѣ. Вдругъ его брови сдвинулись, онъ опустилъ глаза и быстро пошелъ ей навстрѣчу.

— Я такъ счастливъ видѣть васъ у себя... — проговорилъ онъ, низко наклоняя голову и цѣлуя ея руку. — Прошу васъ извинить меня за безпорядокъ... Вотъ это кресло удобнѣе..

Ксенія, чувствуя, что теряетъ послѣднія силы, опустилась въ кресло, продолжая держать въ рукахъ письмо и сумочку. Оршинъ принялся торопливо собирать разбросанные по ковра бумаги.

— Я думалъ, что это Бушевъ... — началъ онъ, бро-

сая бумаги на столъ и садясь противъ нея въ кресло. — Онъ хотѣлъ зайти... Я знаю, вы живете такъ близко...

Ксенія видѣла, что онъ говоритъ только для того, чтобы облегчить ей ея ложное положеніе и дать ей время придти въ себя, не понимая, что этимъ онъ ее уничтожаетъ.

Въ горлѣ ея стоялъ комокъ и она дѣлала напрасныя усилія, чтобы справиться со своимъ волненіемъ.

— Я пришла, потому что... Я хотѣла... — начала она, поднимая на Оршина глаза, въ которыхъ вдругъ за сверкали слезы.

Стукнула дверь въ кухнѣ, слышались быстрые шаги и не успѣвъ Оршинъ вскочить съ кресла, какъ на порогъ показался Варвичъ.

— Вы здѣсь?.. — обратился онъ къ Ксеніи съ бѣшеной улыбкой. — Я долженъ былъ въ этомъ убѣдиться!.. Тутъ вамъ и мѣсто! А вы... — злобно прищурился онъ на Оршина, — а васъ я могу только поблагодарить за дружескую услугу: вы избавили меня отъ неосторожности назвать своей женой эту... ха, ха!.. живую иллюстрацію той характеристики...

Варвичъ не договорилъ. Выраженіе лица подходившаго къ нему Оршина заставило его попятиться назадъ.

— Вы не... ты не смѣешь!.. — залепеталъ онъ, блѣднѣя и вдругъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и направилъ его на Оршина.

Ксенія сидѣла съ помертвѣвшимъ лицомъ, едва сознавая, что происходило передъ ея глазами.

Не обращая вниманія на револьверъ, Оршинъ занесъ руку и далъ Варвичу звонкую пощечину. Тотъ дико вскрикнулъ и выстрѣлилъ.

Оршинъ покачулся и, сдѣлавъ нѣсколько произ-

вольныхъ шаговъ впередъ и назадъ, тяжело опустился въ кресло.

Варвичъ растерянно оглядѣлся, выронилъ револьверъ и бросился изъ комнаты, чуть не сбивъ съ ногъ появившагося въ дверяхъ Бушева.

Ксенія была въ обморокъ. Оршинъ сидѣлъ въ креслѣ, наклонившись впередъ и сѣлся удержать падавшую на грудь голову. Увидѣвъ Бушева, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и проговорилъ, указывая на Ксенію:

— Увези ее сейчасъ-же... Понялъ Костя?.. Сейчасъ-же!.. Про Варвича ни слова... Я самъ. — Понялъ?

Онъ положилъ голову на спинку кресла и смотрѣлъ на Ксенію.

Постоявъ секунду въ нерѣшительности, Бушевъ бросился къ Ксеніи, схватилъ ее на руки и чуть не бѣгомъ вынесъ изъ комнаты.

— Только бы спустился съ лѣстницы... — думалъ онъ, бережно прижимая ее къ себѣ.

Миновавъ послѣднюю ступеньку, онъ быстро перешелъ черезъ дворъ и вышелъ на улицу. Было тихо. Выстрѣлъ, очевидно, не привлекъ ничьего вниманія. Вокругъ не было видно ни одного такси и ни одного прохожаго.

— Только бы отнести ее подальше отъ этого мѣста, — подумалъ онъ и пошелъ въ гору по тротуару.

На углу онъ остановился, чтобы передохнуть. Ксенія стала приходить въ себя. Она оглядѣлась вокругъ и, сдѣлавъ сильное движеніе, съ ужасомъ смотрѣла на Бушева, державшаго ее на рукахъ. Онъ осторожно посадилъ ее на скамейку.

— Его убили?.. Гдѣ онъ? Пустите меня къ нему!.. — заговорила она, пытаясь подняться на ноги.

— Онъ живъ, успокойтесь... Матушка, Ксенія Алек-

сандровна... Нельзя вамъ къ нему! — говорилъ удерживая ее, Бушевъ, но она его не слушала.

Остановивъ проѣзжавшаго мимо такси, Бушевъ, не обращая вниманія на сопротивление Ксеніи, схватилъ ее на руки и посадилъ на сидѣнье. Пообѣщавъ встревоженному шоферу десять франковъ на чай и сказавъ ему адресъ, Бушевъ сѣлъ рядомъ съ Ксеніей и захлопнулъ дверцу.

Переѣздъ занялъ не болѣе трехъ минутъ. Приказавъ шоферу ждать, Бушевъ взялъ Ксенію подъ руки и повлекъ наверхъ по лѣстницѣ.

На звонокъ выбѣжали Левкоева и Софья Васильевна, уже болѣе двухъ часовъ находившіяся въ страшной тревогѣ. Бушевъ сдалъ имъ на руки Ксенію, сообщилъ въ двухъ словахъ о случившемся, умоляя сохранить все въ глубокой тайнѣ и, обѣщавъ заѣхать, какъ только выяснится состояніе Оршина, помчался за докторомъ.

Узнавъ, что дѣло идетъ о покушеніи на самоубійство, послѣдній тотчасъ же телефонировалъ въ ближайшій госпиталь о высылкѣ кареты скорой помощи и, въ сопровожденіи Бушева, поѣхалъ къ Оршину.

Они нашли его лежащимъ безъ сознанія на коврѣ около кресла.

— Живъ-ли?... Боже мой... живъ-ли? — шепталъ Бушевъ со слезами на глазахъ.

Докторъ разорвалъ на Оршинѣ рубашку, всю замоченную кровью, и послушалъ сердце.

— Живъ, — сказалъ онъ и сталъ осматривать рану.

Пуля задѣла край лѣваго легкаго и застряла около лопатки; ее можно было нащупать рукой. Потеря крови была значительная.

Во время осмотра Оршинъ на минуту пришелъ въ себя.

— Брата... встрѣтъ... — проговорилъ онъ, поднимая глаза на Бушева и, застонавъ, снова потерялъ сознаніе.

Черезъ четверть часа пріѣхала карета скорой помощи и Оршина увезли въ госпиталь. Выходя изъ мастерской, Бушевъ замѣтилъ на коврѣ оставленную Ксеніей сумочку, и захватилъ ее съ собой.

Черезъ полтора часа, узнавъ, что пуля извлечена благополучно и что жизни Оршина не угрожаетъ опасность, Бушевъ, давъ въ госпиталь необходимыя показанія, поспѣшилъ къ Ксеніи. Ему и Левкоевой стоило большихъ трудовъ ее успокоить. Она молча сидѣла на стулѣ, покачиваясь назадъ и впередъ, или подходила къ окну и съ тревогой смотрѣла на улицу. Софья Васильевна только вздыхала и плакала. Бушевъ едва держался на ногахъ.

Рѣшено было, что Левкоева останется ночевать у Ксеніи, а Бушевъ переночуетъ въ квартирѣ Оршина, съ тѣмъ, чтобы завтра утромъ побывать въ госпиталь.

Только сейчасъ Бушевъ вспомнилъ, что къ десяти часамъ утра онъ уже долженъ быть на вокзалѣ.

Вопросъ о пріѣздѣ маленькаго брата Оршина оказалъ благотворное вліяніе на Ксенію. Она принялась подробно спрашивать о немъ Бушева и объявила, что сама вмѣстѣ съ нимъ поѣдетъ его встрѣчать и привезетъ его къ себѣ.

Х.

Пріѣхавъ въ госпиталь въ восемь часовъ утра, Бушевъ узналъ, что состояніе больного вполне удовлетворительно, но что видѣть его до завтрашняго дня категорически запрещено.

Успокоенные Ксенія и Бушевъ поѣхали на вокзалъ.

Гуляя по перону въ ожиданіи поѣзда, Ксенія озабоченно повторяла:

— Барашковая шапочка... свѣтлые волосы, родинка тамъ же гдѣ у меня... Какъ бы намъ его не пропустить, Константинъ Ивановичъ. Вы подумайте, что онъ будетъ дѣлать, такой маленькій? Идите скорѣе къ выходу на перонъ, а я буду ждать его около вагоновъ.

Скорый поѣздъ, вырвавшись изъ хаоса вагоновъ, рельсъ, стрѣлокъ, дыма и проволоки, полнымъ ходомъ приближался къ платформѣ. Гигантскій паровозъ, порывисто вздыхая и вздрагивая, влетѣлъ подъ своды вокзала и замедлилъ ходъ.

Ксенія быстро пошла по платформѣ.

— Въ какомъ классѣ онъ ѣдетъ? — думала она; — кто ему поможетъ вынести чемоданъ?... Въ барашковой шапочкѣ....

Она обошла весь поѣздъ. Дѣтей было много, но никто изъ нихъ не походилъ по примѣтамъ на маленькаго Оршина. У выхода попрежнему стоялъ Бушевъ. Ксенія повернула назадъ.

У одного изъ послѣднихъ вагоновъ, на опустѣвшей платформѣ, около чемодана, неподвижно стоялъ худенькій мальчикъ. Ксенія побѣжала къ нему.

— Онъ, онъ!.. — повторяла она съ радостно бьющимся сердцемъ.

Тотъ стоялъ и грустно смотрѣлъ вдоль платформы, видимо ожидая брата и не обращая вниманія на бѣгущую къ нему хорошенькую худенькую дѣвушку.

— Павликъ! — крикнула Ксенія, подбѣгая къ нему и вдругъ обняла его, прижала къ себѣ его голову и заплакала. — Павликъ, милый... — повторяла она, вгля-

диваясь въ его удивленное и нѣсколько смущенное лицо. — Какой ты блѣдный и худенькій...

Она сняла съ него шапочку и, любуясь имъ, гладила его по волосамъ.

Тотъ глубоко вздохнулъ и опять обвелъ глазами платформу.

Ксенія хотѣла объяснить ему — почему братъ не могъ его встрѣтить и заплакала снова. Нервы ея были напряжены до крайности.

Бушевъ спѣшилъ къ нимъ.

— Здорово, Павликъ! Какъ доѣхалъ? — крикнуть онъ, въ свою очередь обнимая его. — Твой братъ велѣлъ мнѣ тебя встрѣтить и отвезти домой. Самъ онъ боленъ, въ постели, но черезъ нѣсколько дней ты его увидишь. Я — Бушевъ, Константинъ Ивановичъ, другъ Дмитрія, а для тебя дядя Костя. А это Ксенія Александровна, она тоже... Полноте, Ксенія Александровна, успокойтесь. Ну, беремъ чемоданъ и поѣхали.

Видимо, Павликъ усталъ съ дороги. Онъ слабо улыбнулся, опять глубоко и прерывисто вздохнулъ и потянулся за своимъ чемоданомъ.

— Куда ты, малышъ? Гдѣ тебѣ тащить такой тяжелый чемоданъ? Вотъ, я возьму васъ обоихъ...

И Бушевъ дѣйствительно, взявъ подъ одну руку чемоданъ, а подъ другую Павлика, пошелъ по платформѣ.

— Константинъ Ивановичъ, ему больно, оставьте его, — заволновалась Ксенія.

Павликъ освободился отъ Бушева, поправилъ шапочку и внимательно посмотрѣлъ на Ксенію.

— Какой онъ милый, — подумала она, — и какой хорошенькій.

Она взяла его подъ руку и пошла къ выходу.

По дорогѣ домой, Павликъ понемногу разговорил-

ся. Видно было, что онъ былъ очень сдержанъ, но не отъ робости, а отъ какой-то, не покидавшей его, внутренней озабоченности. Отвѣчая на вопросы Ксеніи и Бушева, онъ разсказалъ какъ онъ доѣхалъ: ѣхать было хорошо, но не было мѣста и онъ немного усталъ, особенно ночью. Холодно ему не было, потому что у него очень теплое пальто, но утромъ онъ все-таки озябъ. Ёсть ему хотѣлось очень, потому что дама, которая его провожала въ Варшавѣ, забыла передать ему пакетъ съ бутербродами. Денегъ у него было много, десять польскихъ злотыхъ, которые онъ спряталъ въ подкладку курточки на тотъ случай, если на него нападутъ и отнимутъ у него пальто и кошелекъ.

— Милый, милый мой Павликъ, — говорила Ксенія, не выпуская его руки. Слезы все время наворачивались ей на глаза отъ безконечной нѣжности къ этому ребенку. — Сейчасъ пріѣдемъ къ намъ, ты покушаешь и отдохнешь. Константинъ Ивановичъ, я не отдамъ вамъ его ни за что. Онъ будетъ жить у насъ.

— Какъ распорядится Дмитрій Николаевичъ... — отвѣчалъ Бушевъ: — Сегодня, конечно, хотя дома я все приготовилъ.... А похожъ таки онъ на Дмитрія. Чѣмъ — трудно сказать, а что-то есть.

— Удивительно, удивительно похожъ, — отвѣчала Ксенія.

Выбѣжавъ отъ Оршина, Варвичъ притаился въ тѣни дерева и осмотрѣлся. Звукъ выстрѣла еще дрожалъ въ его ушахъ; ему казалось, что онъ имѣлъ силу взрыва, или пушечнаго салюта и что онъ долженъ былъ всполошить весь кварталъ. Но вокругъ царила

обычная тишина; ставни сосѣднихъ домовъ были заперты, никто не бѣжалъ по улицѣ, гдѣ-то неподалеку раздавался веселый говоръ и пѣніе. Даже въ квартирѣ сторожа не слышно было никакого движенія.

Варвичъ бросился къ отворенной калиткѣ, оглядѣлся и быстро пошелъ внизъ по улицѣ.

— Пусть меня арестуютъ, только не сейчасъ, только не здѣсь, — думалъ онъ.

Въ томъ, что его арестуютъ онъ не сомнѣвался; на лицо было убійство, или покушеніе на убійство.

— Свидѣтели Бушевъ и Ксенія... Рана вѣроятно смертельна... Судь, тюрьма!.. — мелькнуло въ его похолодѣвшемъ мозгу. — Но я стрѣлялъ съ цѣлью самозащиты.... въ состояніи аффекта... Я защищалъ честь любимой женщины! — цѣплялся онъ за обычныя формулы оправданія. — Но она можетъ показать, что я ее оскорбилъ и что это Оршинъ за нее заступился... А пощечина?..

Онъ дотронулся до своей распухшей и онѣмѣвшей щеки и тотчасъ же отдернулъ руку.

— Куда дѣться отъ этого позора? Взять всѣ деньги и бѣжать изъ Франціи, куда угодно!... Деньги? Проклятый Мрашекъ! Я, какъ цѣпью, прикованъ къ журналу. Я богатъ, покуда я его редакторъ.... Но огласка погубить меня и какъ редактора! Неужели все погибло?..

Въ неопикуемой тревогѣ онъ провелъ ночь и большую часть слѣдующаго дня. Онъ не только не испытывалъ раскаянія или угрызенія совѣсти, но еще больше ненавидѣлъ Оршина, а о Ксеніи думалъ со злобой и презрѣніемъ; враждебное чувство къ нимъ обоимъ усугублялось отъ сознанія, что онъ и его будущее въ ихъ власти.

Каждый стукъ заставлялъ его вздрагивать. Онъ позвонилъ и, сославшись на нездоровье, приказалъ никого не принимать.

Около семи часовъ вечера къ нему постучали.

— Кто тамъ? — спросилъ онъ прерывающимся голосомъ.

— Это я, Хрюминъ. Вы нездоровы, Петръ Степановичъ?

Да, я боленъ и въ постели.

— Я рѣшилъ побезпокоить васъ въ виду сенсационнаго извѣстія.

— Что такое?... — едва выговорилъ Варвичъ.

— Въ вечернихъ газетахъ замѣтка о покушеніи на самоубійство извѣстнаго русскаго художника Оршина. Причины... Тутъ что-то о несчастной любви. Опасности для жизни нѣтъ.

Варвичъ подбѣжалъ къ двери.

— Дайте мнѣ газеты! — крикнулъ онъ Хрюмину, задыхаясь отъ радостнаго волненія.

Положеніе было спасено.

Къ утру онъ принялъ рѣшеніе: перевести журналъ въ Прагу и, поручивъ ликвидацію его въ Парижѣ Златоградскому, подъ предлогомъ утвержденія въ наслѣдствѣ, немедленно выѣхать туда же.

XII.

Извѣстіе о покушеніи Оршина на самоубійство попало во французскія газеты самымъ естественнымъ путемъ: Бушеву пришлось дать соотвѣтствующія объясненія въ госпиталѣ; госпиталь долженъ былъ, согласно установленному порядку, сообщить о происшествіи

въ полицію; полиція сообщила о немъ по телефону газетнымъ репортерамъ.

Черезъ день утромъ замѣтки появились уже во всѣхъ русскихъ и французскихъ газетахъ, съ неопредѣленно - пикантными дополненіями, не бросавшими, впрочемъ, никакой тѣни ни на Ксенію, ни на Варвича.

Въ тотъ же день Бушеву разрѣшено было повидать Оршина, при условіи не оставаться у него болѣе десяти минутъ и избѣгать въ разговорѣ съ нимъ всего, что могло бы его взволновать.

Бушевъ нашелъ его въ отдѣльной палатѣ, слабымъ отъ потери крови и въ крайне апатичномъ состояніи. Когда онъ вошелъ, Оршинъ остановилъ на немъ безучастный взглядъ и произнесъ слабымъ голосомъ:

— Здравствуй. Что братъ?

Бушевъ сообщилъ ему всѣ подробности о Павликѣ, добавивъ, что онъ находится сейчасъ у Софьи Васильевны; онъ не рѣшился произнести имени Ксеніи, боясь, что этимъ можетъ взволновать Оршина.

— Такой чудный, такой милый мальчикъ! — добавилъ онъ.

— Что Ксенія Александровна? — спросилъ Оршинъ, не глядя на Бушева.

— Здорова... Возится съ Павлушей.

— Огласки не произошло?

— Нѣтъ... то-есть... Все какъ ты хотѣлъ.

— Самоубійство? — Оршинъ слегка усмѣхнулся.

— Да.

Оршинъ закрылъ глаза. Бушевъ думалъ, что онъ заснулъ и сидѣлъ молча.

— Костя, — сказалъ Оршинъ, — сегодня же, или завтра утромъ, отвези брата въ *Elpis* въ школу. Тамъ его ждутъ. Переписку о немъ ты найдешь въ столѣ;

тамъ адреса и все. Деньги тоже тамъ. Купи ему все что нужно. Передай, что я пріѣду самъ, какъ только оправлюсь.

— Можетъ быть, ему лучше переждать въ Парижѣ? Ты ужъ не безпокойся.

— Ему лучше быть какъ можно дальше отъ этой исторіи... и отъ всѣхъ. Сдѣлай это.

Оршинъ закрылъ глаза.

— Исполню все, какъ ты хочешь, — вздохнувъ отвѣтилъ Бушевъ. — Передъ отъѣздомъ не завезти его къ тебѣ?

Оршинъ отрицательно покачалъ головой.

— Спасибо, Костя, — проговорилъ онъ черезъ минуту, не открывая глазъ.

Вошла сестра милосердія и напомнила Бушеву, что пора уходить.

Рѣшеніе Оршина отправить Павлика въ Blois очень огорчило Ксенію, тѣмъ болѣе, что она не могла подыскать ему разумнаго основанія. На всѣ ея уговоры Бушевъ грустно отвѣчалъ, что желаніе Оршина для него законъ.

Перечитали принесенныя Бушевымъ письма Роландо, записали все, что нужно было купить Павлику для школы и цѣлый день проѣздили по магазинамъ. Ксенія старалась предусмотрѣть каждую мелочь, нужную для его будущаго обихода; много вещей она купила ему на свои деньги, потихоньку отъ Бушева.

Когда вечеромъ Павликъ уже лежалъ въ постели, Ксенія принесла его крестильный крестъ, вынутый изъ

ладанки и надѣтый на ея собственную цѣпочку, и повѣсила ему на шею.

— Не забывай меня, Павликъ, — сказала она, — и я всегда буду о тебѣ думать.

И, перекрестивъ его, она вышла изъ комнаты.

На слѣдующее утро Павликъ съ Бушевымъ уѣхали въ Blois. Ксенія провожала ихъ на вокзалъ. Она была очень грустна и до послѣдней минуты не отпускала отъ себя Павлика, крѣпко держа его за руку. Тотъ былъ очень молчаливъ, ничего не ѣлъ и тоже старался быть все время около Ксеніи.

ХІІІ.

Оршинъ распорядился, чтобы къ нему никого не пускали, кромѣ Бушева. Даже Кацбауму, имѣвшему способность проникать всюду, не удалось повидать его; зато онъ оставилъ ему записку, въ которой увѣдомлялъ, что газетныя извѣстія о случившемся такъ подняли спросъ на его эскизы и рисунки, что онъ устроилъ цѣны.

— Что они тамъ понаписали? — заинтересовался Оршинъ и послалъ за вчерашними газетами.

— «Покушался на самоубійство, какъ говорятъ, изъ-за несчастной любви», — читалъ онъ въ одной изъ газетъ; — «Съ нѣкоторыхъ поръ художникъ обнаруживалъ признаки меланхоліи и избѣгалъ общества», — добавляла другая; — «Мы не вправѣ приподнять завѣсу надъ сердечной тайной этой сложной артистической натуры», — значилось въ третьей. Въ четвертой былъ помѣщенъ его портретъ, на которомъ онъ больше походилъ на убійцу, чѣмъ на самоубійцу.

— *Comble du ridicule* — ворчалъ Оршинъ. —
Лучше всего эти признаки меланхоліи.

И чтобы не раздражаться, онъ старался какъ можно меньше думать «о всей этой нелѣпой исторіи».

Днемъ онъ чувствовалъ тупую боль въ ранѣ и сильную слабость, но нервы его были спокойны; къ вечеру совершенно проходила боль, но поднималась температура и въ голову лѣзли безсвязныя мысли, переходившія въ тревожные сны.

Чаще всего ему снился Мрашекъ, похожій почему-то на Ибсена; онъ говорилъ ему безконечныя рѣчи на непонятномъ ему языкѣ, часто упоминая имя Ксеніи и, видимо, въ чемъ - то обвиняя его. Упреки Мрашека были очень непріятны Оршину, но онъ не могъ ничего отвѣтить въ свое оправданіе, не уясняя себѣ въ чемъ они заключались.

Онъ почувствовалъ, наконецъ, что, послѣ всего случившагося, отношенія его съ Ксеніей не могутъ оставаться невыясненными. Любитъ-ли онъ ее? — Да, по крайней мѣрѣ, онъ испытываетъ къ ней то сильное и бессознательное влеченіе, какого онъ никогда не испытывалъ по отношенію къ другимъ женщинамъ; влеченіе, вѣроятно, физическое, ибо на вопросъ, — что именно его въ ней привлекаетъ, онъ не сумѣлъ бы отвѣтить. Любитъ-ли она его? Да, несомнѣнно, онъ ей нравится; въ этомъ онъ убѣдился еще тогда, въ Луврѣ. Но онъ нравился многимъ. Она рискнула придти къ нему, будучи невѣстой другого? Но это дѣлали и другія, въ условіяхъ не менѣе щекотливыхъ. Наконецъ, въ наше время это доказываетъ очень мало. Она себя скомпрометировала? Въ глазахъ кого? Варвичъ не станетъ разглашать эту исторію; остаются онъ и Бушевъ, которые тѣмъ болѣе не опасны. Изъ-за этого шага разстроилась

ея свадьба съ Варвичемъ? Ну, что дѣлать, не всегда удастся совмѣстить одно съ другимъ... Нельзя сказать, что она осталась въ безпомощномъ положеніи, такъ какъ у нея есть средства, оставленные Мрашекомъ. Если войти въ ея положеніе, то, конечно, она хотѣла бы выйти за него замужъ. Но каждая дѣвушка хочетъ выйти замужъ вообще, а за того, кто ей нравится, — особенно. Тѣмъ болѣе, что она при этомъ ничѣмъ не рискуетъ; черезъ годъ ей понравится кто-нибудь другой и въ одинъ прекрасный вечеръ она отправится къ нему, а онъ, Оршинъ, окажется въ роли Варвича... Независимо отъ этого, самая мысль о бракѣ всегда была чужда Оршину; судя о бракѣ по нѣсколькимъ неосторожно затянувшимся связямъ, имѣвшимъ мѣсто въ его прошломъ, онъ считалъ себя рѣшительно неприспособленнымъ къ семейной жизни.

Оршинъ смутно подозрѣвалъ, что весь его жизненный опытъ не имѣлъ никакого отношенія къ Ксеніи и къ тому чувству, которое она въ немъ возбуждала, но не вѣрилъ ни себѣ ни ей.

— Уѣхать какъ можно скорѣе и какъ можно дальше отъ Парижа, — думалъ онъ; — жить одному, работать и ни о чемъ не думать; вотъ все, чего я желаю. Это самое разумное и, пожалуй, самое... честное, что я могу сдѣлать.

Ксенія съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія Бушева. Въ теченіе двухъ дней она нѣсколько разъ заходила въ госпиталь узнать о здоровьи Оршина; къ нему она не пыталась проникнуть, зная отъ Бушева, что онъ велѣлъ никого не принимать. Сознаніе, что она была причиной

всего, что съ нимъ случилось, не давало ей покоя. О дальнѣйшемъ она не загадывала; все должно было рѣшиться при ихъ первомъ свиданіи и она ждала его съ нетерпѣніемъ, съ надеждой и съ тревогой.

Только черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія у Оршина, Ксенія вспомнила, что, кромѣ возвращенной ей сумочки, она оставила у него и свое письмо. Она не хотѣла и не могла наводить о немъ справокъ. Можетъ быть Бушевъ уже передалъ его Оршину, можетъ быть оно осталось гдѣ-нибудь на коврѣ или на креслѣ. Рано или поздно онъ его получить. Послѣ всего что произошло, это письмо въ ея глазахъ потеряло всякое значеніе.

Сильно смущало ее то, что Оршинъ отнялъ у нея Павлика. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? Развѣ онъ не могъ довѣрить его ей до своего выздоровленія?

Много неприятныхъ минутъ доставляла Ксеніи Левкоева, считавшая своимъ долгомъ не оставлять ее одну безъ моральной поддержки. Она на всѣ лады пережевывала случившееся, не давая спуску ни Варвичу, ни Оршину. Первый, по ея мнѣнію, не имѣлъ права смотрѣть на Ксенію какъ на свою собственность и насилловать ея свободу, второй не долженъ былъ допускать, чтобы она первая къ нему пришла. Что касается Ксеніи, то она была права, повинувась голосу своего «темперамента»; ошибка ея заключалась въ томъ, что, идя къ Оршину, она не предупредила ее, Левкоеву, которая могла бы ожидать ее внизу и не допустила бы Варвича врываться въ квартиру. Въ томъ, что Оршинъ, какъ порядочный человѣкъ и какъ человѣкъ по уши влюбленный въ Ксенію, сейчасъ же послѣ выздоровленія сдѣлаетъ ей предложеніе, она не сомнѣвалась. Слѣдовало бы его наказать и немножко помучить (всѣ мужчины...

и т. д.), ну, да ужъ Богъ съ нимъ. Драгоцѣнности, которыя Ксенія получитъ по завѣщанію Мрашека, отнюдь не слѣдуетъ обращать въ деньги, а нужно ихъ держать въ сейфѣ, и притомъ въ Прагѣ, гдѣ нѣтъ этого глупаго французскаго закона, по которому безъ позволенія мужа жена не имѣетъ права распоряжаться своимъ имуществомъ. Надо помнить, что мужчина всегда останется мужчиной и т. д.

На всѣ эти разсужденія Ксенія отвѣчала молчаніемъ. Что касается Софьи Васильевны, то она прониклась все большимъ уваженіемъ къ Левкоевой и, мало-по-малу, стала на все смотрѣть ея глазами.

Бушевъ вернулся изъ Blois въ восторгѣ отъ своего путешествія.

— Городокъ очаровательный, — рассказывалъ онъ, — весь въ цвѣтущихъ садахъ, кругомъ лѣса, кормятъ превосходно; школа тоже отличная, уходъ за мальчугомъ будетъ прекрасный.

Больше всѣхъ ему понравился самъ Роландо, чело-вѣкъ, по его словамъ, тончайшаго ума и не дуракъ выпить.

Когда Бушевъ уходилъ, Ксенія отозвала его въ сторону и сказала:

— Константинъ Ивановичъ, когда Дмитрій Николаевичъ почувствуетъ себя лучше, передайте ему, что я хочу его навѣстить... Когда онъ захочетъ. Скажите ему.... Нѣтъ, ничего больше не говорите; только то, что я очень хочу его видѣть.

Бушевъ до сихъ поръ не отдавалъ себѣ яснаго отчета во всемъ случившемся, а спрашивать Ксенію не

считалъ себя вправѣ. И Оршинъ и Ксенія были для него самыми дорогими людьми на свѣтѣ и видѣть ихъ вмѣстѣ было бы для него величайшей радостью. Когда въ воскресенье вечеромъ, подходя къ дому Оршина, онъ увидѣлъ во дворѣ Ксенію, онъ былъ такъ пораженъ, что остался у воротъ, не рѣшаясь двинуться съ мѣста. Только замѣтивъ прошмыгнувшаго мимо него Варвича, онъ понялъ, что происходитъ что-то владное и поспѣшилъ за нимъ. Успѣй онъ войти на нѣсколь-ко секундъ раньше, не удалось бы Варвичу стрѣлять въ безоружнаго Оршина; онъ заставилъ бы его дѣйствовать «по правиламъ». Остальное было для него загадкой. Въ первый-ли разъ Ксенія была у Оршина, или она ходила къ нему и раньше? Кто имъ мѣшалъ любить другъ друга открыто? Не могъ же Оршинъ бояться Варвича?

— Оба люди свободные, — думалъ онъ, — средства есть.. Почему и теперь они какъ-то странно себя ведутъ? Онъ молчитъ, она словно чего-то боится... Казалось бы о чемъ тутъ думать? Все обошлось благополучно, рана пустяжная...

XIV.

Пріѣхавъ изъ Blois, Бушевъ засталъ Оршина въ прежнемъ положеніи. Выслушавъ отчетъ о братѣ, онъ поблагодарилъ Бушева за хлопоты и объявилъ, что хочетъ спать. На всѣ другіе вопросы: относительно полученныхъ на его имя писемъ, разспросовъ знакомыхъ и т. д., онъ отвѣчалъ равнодушнымъ пожатіемъ плечъ; на извѣстіе объ отъѣздѣ Варвича въ Прагу и о ликвидаціи журнала въ Парижѣ не обратилъ никакого вниманія.

При такихъ условіяхъ Бушевъ не счелъ возможнымъ передать порученіе Ксеніи.

Такъ продолжалось и въ послѣдующіе дни. Обезпокоенный его состояніемъ, Бушевъ обратился, наконецъ, къ доктору; тотъ отвѣтилъ, что здоровье больного настолько быстро возстановливается, что черезъ нѣсколько дней онъ можетъ выписаться изъ госпиталя и ѣхать на югъ, куда онъ яко бы собирается.

Новость о сборахъ на югъ еще болѣе озадачила Бушева; объ этомъ онъ не сообщилъ Ксеніи, но рѣшилъ завтра же добиться отъ Оршина чего-нибудь опредѣленнаго.

На этотъ разъ онъ засталъ его на ногахъ, выбритымъ, причесаннымъ и играющимъ съ сосѣдомъ по налатѣ въ шахматы.

— А, Костя, — привѣтствовалъ онъ Бушева. — Какъ видишь, я уже всталъ и черезъ два дня думаю отсюда выбраться. Садись, мы скоро кончимъ.

Бушевъ присѣлъ на стулъ и съ нетерпѣніемъ поглядывалъ на Оршина, обдумывавшаго ходъ.

Минуть черезъ пять, выигравъ партію, Оршинъ улегся въ халатѣ на свою постель и, заложивъ руки за голову, посмотрѣлъ на Бушева.

— Вотъ что, Константинъ Ивановичъ; въ четвергъ я хочу выйти отсюда и въ тотъ же день съ пяти часовымъ поѣздомъ выѣхать въ Blois и далѣе. Вещи уже уложены, остались бумаги; сунь ихъ всѣ, вмѣстѣ съ полученными письмами и со всѣмъ, что лежитъ на столѣ и въ столѣ въ желтый чемоданъ и завяжи его; онъ пойдетъ въ багажъ. Большой чемоданъ я закрою самъ....

— Митя!.. — прервалъ его Бушевъ.

— Погоди, чтобъ чего-нибудь не забыть. О квартирѣ мы тогда условились. Кромѣ денегъ, я тебѣ оста-

влю чекъ на пятнадцать тысячъ... Это на всякій случай...

— Митя! — не вытерпѣлъ Бушевъ. — А Ксенія Александровна?...

Оршинъ опустилъ глаза и молчалъ.

— Она давно уже хочетъ навѣстить тебя и спрашиваетъ, когда она можетъ придти... Ей очень нужно тебя видѣть. Неужели ты самъ не понимаешь?...

Оршинъ поблѣднѣлъ, но ничего не отвѣтилъ.

— Что мнѣ передать ей, Митя? — въ отчаяніи спросилъ Бушевъ.

— Передай... Передай, что я благодарю ее... за довѣріе, за ея доброту, за заботы о братѣ... что я желаю ей всякаго счастья и прошу ее забыть о моемъ существованіи.

Бушевъ вздрогнулъ. Лицо его стало багровымъ. Онъ долго молчалъ, глядя въ полъ, потомъ всталъ, крикнулъ и, не глядя на Оршина, пошелъ къ двери.

— Славный Костя, — подумалъ Оршинъ, глядя на его удалявшуюся фигуру.

Бушевъ полъ дня проходилъ по городу. Онъ шелъ своимъ обычнымъ скорымъ и мелкимъ шагомъ, словно бы спѣша по дѣлу, заходилъ въ совершенно незнакомыя ему улицы, присаживался на минуту у столика какого-нибудь быстро, вытиралъ вспотѣвшій лобъ, выпивалъ бокалъ пива и шелъ дальше. Было уже четыре часа дня, когда онъ подходилъ къ дому Ксеніи.

— Не мнѣ судить — что, какъ и почему, — думалъ онъ. — Кто ихъ знаетъ, что между ними было. А только... не стоитъ онъ ее! Передамъ все какъ есть; въ такихъ дѣлахъ лучше на чистоту.

Ксенію очень беспокоило долгое отсутствіе Буше-

ва; она уже собиралась ѣхать въ госпиталь узнать, не произошло ли ухудшенія въ здоровьѣ Оршина, какъ раздался звонокъ.

Увидѣвъ разстроенное лицо Бушева, она схватила его за руку.

— Какъ его здоровье? — спросила она.

— Прекрасно, — отвѣчалъ тотъ, избѣгая ея взгляда, съ отѣнкомъ горечи въ голосѣ. — Всталъ съ постели.... Черезъ два дня выходитъ изъ госпиталя.

Ксенія продолжала испытующе глядѣть на Бушева и вдругъ поблѣднѣла.

— Пойдемте, — проговорила она, направляясь въ гостинную. — Бабушка, оставь меня съ Константиномъ Ивановичемъ, — сказала она Софьѣ Васильевнѣ, вышедшей было изъ спальни.

Бушевъ вошелъ вслѣдъ за Ксеніей въ гостинную и въ изнеможеніи опустился въ кресло.

— Что онъ отвѣтилъ? — спросила Ксенія, садясь на стулъ противъ него.

Лицо Бушева подергивалось.

— Передайте мнѣ слово въ слово его отвѣтъ, — повторила Ксенія, все болѣе блѣднѣя.

Бушевъ сдѣлалъ надъ собой отчаянное усиліе и повторилъ дословно все, что ему велѣлъ передать Ксеніи Оршинъ. Сказавъ, онъ съ досадой махнулъ рукой, отвернулся и заморгалъ глазами.

Ксенія выслушала молча, не поднимая глазъ, съ минуту посидѣла неподвижно, потомъ встала и тихо вышла изъ комнаты.

Черезъ два дня Оршинъ выписался изъ госпиталя и уѣхалъ изъ Парижа.

Часть третья

I

Сидя у окна вагона, Оршинъ смотрѣлъ на мелькавшіе мимо крыши домовъ, пустыри и фабричныя трубы, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда исчезнутъ послѣдніе признаки Парижа.

Вотъ начались огороды, сады... снова вывѣски и рекламы. Поле... нѣтъ, ипподромъ; огромные неуклюжіе ангары, окруженные бесплодной пустыней... Шоссе, обсаженное зеленѣющими деревьями, селеніе со старинной церковью, полоса вспаханной земли... двѣ пасущіяся коровы, лѣсъ, еще прозрачный и далекій горизонтъ съ плывущими облаками... Наконецъ-то!

Пронесся встрѣчный пассажирскій поѣздъ.

— Чудаки, — подумалъ Оршинъ, — спѣшать въ Парижъ, въ пыль, въ шумъ, въ толпу, проводить «весенній сезонъ», толкаться по кафе и по магазинамъ... Врядъ ли я когданибудь туда вернусь.

Онъ чувствовалъ себя почти счастливымъ. Еще оставалась какая-то тяжесть на днѣ души, не дававшая ему вздохнуть полной грудью, но и она должна была исчезнуть вмѣстѣ съ этой тупой болью въ правомъ плечѣ, которая ему мѣшала смотрѣть въ окно.

Оршинъ досталъ подушку и, принявъ полулежащее положеніе, раскрылъ купленный на вокзалѣ модный французскій романъ.

Почитавъ съ полъ-часа, онъ отложилъ книгу.

— Удивительно, до чего плохо переносятъ мои нервы новую французскую литературу, — думалъ онъ. — Все о чемъ они пишутъ, мнѣ кажется неважнымъ, языкъ вычурнымъ, мысли мелкими, чувства фальшивыми. Нельзя заинтересоваться и фабулой, не питая никакого сочувствія къ герою. Это всегда — благоразумный и расчетливый господинъ, влюбленный въ себя, въ свою деликатную натуру и въ свою наружность, съ умомъ, направленнымъ на детали жизни... Не вызываетъ симпатіи и героиня, съ ея трафаретными чувствами и заученными фразами, похожая на дрессированную курочку. Почему меня не раздражаютъ герои нѣмецкихъ, англійскихъ, норвежскихъ романовъ, не менѣе мнѣ далекіе по характеру? Вѣроятно, изъ всѣхъ націй французы — нація намъ наиболѣе чуждая, не смотря на все, что мы отъ нихъ переняли. Между нашими литературами пропасть. Французскихъ писателей занимаютъ только осязаемыя вещи, наши ими пренебрегаютъ. Французъ будетъ, какъ въ этомъ романѣ, на десяти страницахъ краснорѣчиво описывать обстановку дома, туалетъ женщины, или пирожное; русскій писатель впадаетъ въ краснорѣчіе и многословіе лишь говоря объ отвлеченномъ. Французъ, описывая красоту неба, сравниваетъ его съ красивой матеріей; русскій, говоря о красотѣ матеріи, сравниваетъ ея цвѣтъ съ цвѣтомъ неба... Французъ, сидя въ вагонѣ, знаетъ куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ: русскій, вродѣ меня, напимѣръ, знаетъ только — отъ чего онъ уѣзжаетъ, — улыбнулся Оршинъ. — Да и то не вполне, — подумалъ онъ, поморщившись. — Не отъ самого ли себя?..

Снова принявшись за книгу, онъ незамѣтно погрузился въ глубокій сонъ и проснулся отъ сильнаго удара грома.

Было семь часовъ вечера; поѣздъ отходилъ отъ Орлеана. Дождь лилъ косыми потоками; сверкала молнія, но на горизонтѣ уже прорѣзывалась сквозь тучи узкая полоса голубого неба.

Черезъ полъ часа Оршинъ собралъ вещи, надѣлъ пальто и, въ ожиданіи Blois, вышелъ въ корридоръ.

Гроза прошла. Въ открытыя окна виднѣлись умытыя дождемъ ярко-зеленыя поля и усадьбы, утопавшія въ цвѣтушихъ фруктовыхъ садахъ; на фонѣ далекихъ лѣсовъ обрисовывались, освѣщенные вечерними лучами, крыши и колокольни города.

Замелькали дома, стѣны, заборы и поѣздъ, описавъ дугу въ поросшей кустами выемкѣ, замедлилъ ходъ и остановился у станціи.

Уже на перонѣ маленькаго вокзала Оршинъ почувствовалъ, что попалъ въ другой міръ; не было ни суеты, ни шума, ни криковъ. Когда поѣздъ ушелъ, онъ не безъ труда разыскалъ носильщика, и оставивъ ему на храненіе чемоданы, съ однимъ несессеромъ усѣлся въ высланный гостинницей автомобиль.

Путь длился не болѣе пяти минутъ; спустившись по крутому уклону, автомобиль обогнулъ маленькую площадь съ живописнымъ скверомъ и остановился у углового дома.

Первое, что бросилось въ глаза Оршину, когда онъ вышелъ изъ автомобиля, былъ возвышавшійся надъ площадью старинный замокъ Blois; огромныя столѣтнія пихты, росшія въ скверѣ, едва достигали вершинами его нижняго этажа; надъ отвѣсной, поросшей мохомъ стѣной въ причудливомъ безпорядкѣ громоздились башенки и галереи; изъ ихъ простѣнковъ таинственно выглядывали каменные химеры.

Видъ этого замка, въ соединеніи съ сумерками и

тишиной, окончательно перенесъ Оршина въ другой, чуждый Парижу міръ.

Идти къ брату въ школу было поздно. Пообѣдавъ въ уютномъ ресторанѣ гостиницы и выпивъ бутылку стараго *Vouvray*, Оршинъ поднялся въ свой чистенькій номеръ съ балкономъ, выходившимъ на площадь, погасилъ свѣтъ, вынесъ на балконъ кресло, усѣлся и закурилъ трубку.

Еще не было десяти часовъ, но городъ уже спалъ. Изрѣдка слышались гулкiе шаги прохожаго, стукъ запираемой ставни, да отдаленный собачій лай; изъ заросли, окружавшей замокъ, доносилось нерѣшительное, какъ бы осторожное, щелканье соловья; теплый воздухъ былъ насыщенъ запахомъ разрытой земли и свѣжихъ травъ; гдѣ-то журчала вода.

Оршинъ думалъ о братѣ.

— Хорошо, что я отправилъ его именно сюда. Интересно, что за мальчуганъ?.. Говорятъ, очень славный. Заставлю его мнѣ писать... Какъ тепло! Если бы со мной былъ Бушевъ, мы сидѣли бы вмѣстѣ на этомъ балконѣ, распивали бы *Vouvray* и онъ пѣлъ бы свои «Гаснутъ дальни Альбухары»... Славный Костя; зачѣмъ я не взялъ его съ собой? Я объ этомъ думалъ, но нужно было, чтобы кто нибудь остался въ Парижѣ... Пожалуй, онъ и самъ бы не поѣхалъ...

Соловей перебрался ближе, должно быть въ скверъ, и защелкалъ сильнѣе; изъ зарослей отозвался другой. Со стороны вокзала донесся протяжный свистокъ паровоза и снова наступила тишина, полная неясныхъ, неуловимыхъ звуковъ.

Оршинъ задумался и вдругъ всталъ съ кресла и принялся ходить по балкону.

— О чемъ я думалъ раньше?.. Да, о братѣ... Завтра

его увижу. Докторъ велѣлъ отъ бессонницы принимать бромъ...

Перенеся кресло въ комнату, онъ крѣпко затворилъ дверь на балконъ, тщательно задвинулъ портьеры и, принявъ сильную дозу брома, сталъ укладываться въ постель.

II

Поднявшись по высокой и крутой лѣстницѣ, ведшей отъ площади въ верхнюю часть города, и миновавъ нѣсколько кривыхъ улицъ, Оршинъ вошелъ въ подъѣздъ большого стариннаго зданія, въ которомъ помѣщалась школа.

Толстая консьержка, въ очкахъ и въ черномъ передникѣ, провела его черезъ усыпанный гравіемъ палисадникъ въ низкое зданіе, примыкавшее къ главному корпусу и представлявшее собою длинную и узкую залу, уставленную стульями и увѣшанную по стѣнамъ картинами религіознаго содержанія. Черезъ нѣсколько минутъ Оршинъ былъ приглашенъ въ кабинетъ ректора.

Роландо, еще не старый, полный и элегантный священникъ, встрѣтилъ его очень привѣтливо, усадилъ въ удобное кресло и принялся рассказывать ему о маленькомъ Полѣ, котораго онъ находилъ очень милымъ ребенкомъ, прекрасно воспитаннымъ и подающимъ большія надежды.

— Въ немъ сразу чувствуется маленькій *noble, un petit boyard, vous savez...* — говорилъ онъ. — Немного самолюбивъ, очень сдержанъ, но это пройдетъ. Никогда не жалуется на товарищей. Недурно читаетъ, хорошее произношеніе, но пишетъ еще плохо. Изумительная память. Первые дни очень скучалъ, но не плакалъ;

теперь ничего, играетъ, но, конечно, еще не вполне освоился. Я за нимъ очень слѣжу, онъ у меня единственный иностранецъ... Сейчасъ перерывъ и я сказалъ, чтобы его прислали ко мнѣ.

Вскорѣ раздался звонокъ и Оршинъ, подойдя къ окну, съ интересомъ наблюдалъ, какъ мальчуганы разныхъ возрастовъ чинно выходили изъ классовъ въ сопровожденіи священниковъ и потомъ, какъ по командѣ, разбѣгались по двору.

— Который изъ нихъ мой?.. — думалъ Оршинъ.

— Вотъ вашъ братъ, — услышалъ онъ за спиной голосъ Роландо и, обернувшись, увидѣлъ посреди комнаты бѣлокураго, худенькаго мальчика, глядѣвшаго на него со смущеніемъ и любопытствомъ.

— Здравствуй, Павликъ, — сказалъ Оршинъ, подходя къ нему и цѣлуя его; — дай мнѣ тебя разсмотрѣть.

Онъ сѣлъ и, взявъ брата за руки, поставилъ его передъ собой.

— У него удивительное сходство съ вами, — замѣтилъ, добродушно на нихъ поглядывая, Роландо.

— До чего онъ похожъ на отца, — думалъ Оршинъ, — и на меня, значить... Большой лобъ, брови, глаза особенно. Кого мнѣ напоминаетъ эта родинка?.. Какое славное лицо... Долговязый и нескладный, какъ маленький заяцъ... Впрочемъ, онъ довольно стройный. Какіе длинные пальцы... Забавно, у насъ совсѣмъ одинаковыя руки.

Оршинъ испытывалъ странное, незнакомое ему чувство: онъ держалъ за руки какое-то родное ему существо, словно сдѣланное изъ одной съ нимъ ткани и наполненное тою-же кровью. Что-то безспорное было въ томъ ощущеніи близости, которое онъ къ нему испытывалъ.

Можетъ быть и Павликъ чувствовалъ нѣчто подобное. Онъ глубоко вздохнулъ, отвернулся и довѣрчиво положилъ руку на плечо брата.

У Оршина почему-то сжалось сердце. Онъ молча провелъ рукой по его щекѣ, по волосамъ, поправилъ ему галстухъ и обдернулъ курточку.

— Какъ ты себя чувствуешь въ школѣ? — спросилъ онъ.

— Хорошо, — отвѣтилъ Павликъ, опуская глаза и губы его дрогнули.

— Ты зналъ, что я скоро приѣду?

— Я тебя ждалъ, — тихо проговорилъ онъ.

Опять раздался звонокъ и Роландо отпустилъ Павлика, сказавъ, что послѣ слѣдующей переменъ, во время урока пѣнія, онъ можетъ остаться съ Оршинымъ на цѣлый часъ.

Павликъ блеснулъ глазами на брата и убѣждалъ. Оршинъ почувствовалъ, что за это короткое свиданіе они успѣли сдѣлаться друзьями.

Роландо повелъ Оршина осматривать школу. Обходя рекреационныя залы, дортуары и дворы, Оршинъ разсѣянно слушалъ поясненія Роландо, стараясь проникнуть въ то, о чемъ нельзя было разспросить, — въ самый духъ школы, въ ту атмосферу, которой долженъ былъ дышать Павликъ среди этихъ толстыхъ каменныхъ стѣнъ, темныхъ гравюръ и распятій. Все, что онъ видѣлъ, было хорошо, но должно было казаться брату безконечно чуждымъ; особенно эти слѣды чужой религіи на всемъ обиходѣ жизни. Грустное впечатлѣніе произвелъ на Оршина и небольшой дворъ, вымощенный каменными плитами, на которомъ игралъ Павликъ съ товарищами.

— Всюду стѣны, всюду рѣшетки, — думалъ Ор-

шинъ. — И этотъ запахъ... ладана, что-ли. И это послѣ деревни, послѣ нашихъ луговъ и лѣсовъ. Конечно, при-
выкнеть, но ясно, что ему здѣсь скучно.

Послѣ звонка Павликъ прибѣжалъ такъ быстро и такъ запыхался, что Оршинъ, взявъ его за руку, слышалъ какъ билось его сердце.

Цѣлый часъ они прогуляли подъ руку по палисаднику и по пустой пріемной залѣ. На вопросы брата Павликъ отвѣчалъ односложно, весь уйдя въ процессъ хожденія съ нимъ въ ногу и подъ руку и, видимо, испытывая при этомъ смѣшанное чувство гордости и удовольствія.

— Ты будешь мнѣ писать, Павликъ? — спросилъ Оршинъ.

— А развѣ ты уѣзжаешь? — удивился тотъ, поднимая на брата глаза.

— Да, я ѣду въ семь часовъ вечера. Я взялъ билетъ прямо до Бордо.

— А когда ты вернешься? — съ тревогой спросилъ Павликъ.

— Мѣсяца черезъ два, три, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Павликъ ничего не сказалъ, но пересталъ отвѣчать на вопросы Оршина и когда тотъ пріостанавливался, желая взглянуть на его лицо, онъ ускорялъ шагъ и упорно смотрѣлъ себѣ подъ ноги.

Когда раздался звонокъ къ завтраку, Оршинъ ушелъ, обѣщавъ, какъ было условлено съ Роландо, вернуться къ четыремъ часамъ.

Наскоро и безъ аппетита позавтракавъ, Оршинъ отправился осматривать городъ. Потребовалось не болѣе полутора часовъ, чтобы обойти его весь.

Городъ былъ расположенъ на горѣ, уступами спускающейся къ Луарѣ, Центръ его составляли двѣ пересѣкающіяся улицы, наполненныя всевозможными магазинами, по красотѣ витринъ мало уступавшими парижскимъ. Отъ центра поднимались въ гору и спускались къ набережной узкія кривыя улицы, изъ которыхъ нѣкоторыя переходили въ крутыя лѣстницы. На каждомъ шагу попадались дома, не уступавшіе по старинѣ замку; съ cadaго перекрестка открывался видъ, переносившій на два, на три столѣтія назадъ. Всюду царила чистота, все говорило о глубокой патріархальности быта.

Оршинъ побывалъ въ кафедральномъ соборѣ, съ его висящимъ надъ обрывомъ садомъ, изъ котораго открывался широкій видъ на окрестные лѣса и на цвѣтушіе берега Луары, осмотрѣлъ старинную церковь Св. Николая, прошелъ вдоль набережной и, наконецъ, поднялся во внутренній дворъ замка, съ его знаменитой спиральной лѣстницей, фигурирующей на извѣстной картинѣ встрѣчи герцога Гиза съ королемъ Генрихомъ III.

Изъ всѣхъ заграничныхъ городовъ, видѣнныхъ до сихъ поръ Оршинымъ, ни одинъ не нравился ему такъ, какъ Blois. Помимо старины, къ которой онъ вообще имѣлъ слабость, его располагалъ къ себѣ самый характеръ города и его обитателей. Это былъ центръ старой, красивой Франціи, можетъ быть единственный уголокъ ея, гдѣ сохранился духъ средневѣковаго романтизма.

— Если бы я здѣсь поселился, — думалъ Оршинъ, — то могъ бы сродниться съ этимъ городомъ и считать его своимъ.

Накупивъ всякихъ мелочей и сладостей для Павлика, Оршинъ къ четыремъ часамъ дня вернулся въ школу.

Разговоры съ Роландо отняли у него много време-

ни и на свиданіе съ братомъ у него осталось не болѣе получаса.

Оршину было какъ-то не по себѣ. Павликъ сидѣлъ молча, теребя резинку на своемъ чулкѣ и смотрѣлъ въ окно.

— Сколько грусти у него въ глазахъ, — думалъ, глядя на него Оршинъ. — Врядъ ли у него было настоящее дѣтство.

— Все ли у тебя есть необходимое, Павликъ? — спросилъ онъ.

— Все, — грустно отвѣтилъ тотъ.

— Тебѣ ничего не нужно?

— Ничего.

— Такъ ты будешь мнѣ писать?

Павликъ молча, не отрывая глазъ отъ окна, кивнулъ головой.

Оршинъ положилъ его руку на свою ладонь и задумчиво гладилъ ее. Ему хотѣлось что-то сказать брату, но онъ самъ не зналъ что именно, а говорить съ нимъ, какъ съ ребенкомъ, о томъ, чтобы онъ хорошо себя велъ и хорошо учился, онъ не могъ.

Пробило шесть часовъ. Пора было возвращаться въ гостинницу и ѣхать къ поѣзду.

Оршинъ всталъ.

— Ну, прощай, Павликъ, я тоже буду тебѣ писать, — сказалъ онъ. — Будь здоровъ, мой милый.

Павликъ былъ блѣденъ и все отворачивался къ окну. Поцѣловавъ брата, онъ пошелъ къ выходу и уже въ самыхъ дверяхъ остановился, поднялъ на брата глаза, и, кивнувъ ему головой, тихо пошелъ дальше.

Со стѣсненнымъ сердцемъ, чувствуя сильную усталость, вѣроятно вызванную большой прогулкой по го-

роду, Оршинъ ѣхалъ на станцію. Выглядывая въ окно автомобиля и мысленно прощаясь съ Blois, онъ какъ-бы поручалъ ему беречь брата до его возвращенія.

Оставалось минутъ двадцать до прихода скорого поѣзда. На платформѣ было тихо. Носильщикъ, гремя телѣжкой, прокатилъ чемоданы Оршина къ мѣсту остановки багажного вагона, сложилъ ихъ на землю и ушелъ. Дойдя до конца платформы, Оршинъ остановился и сталъ глядѣть на откосы глубокой выемки, поросшіе желтыми цвѣтами, на мостъ, перекинутый надъ рельсами, подъ которымъ вырисовывались, какъ въ рамкѣ, далекіе берега Луары и на вѣтви сирени, свисавшія съ полуразрушенной стѣны.

Этотъ ясный весенній вечеръ и тишина, нарушаемая отдаленными свистками маневрирующаго паровоза, перенесли его во времена дѣтства; онъ вспомнилъ бѣлыя ночи, доносившіеся съ Невы гудки пароходовъ и ту безотчетную тоску, которую вызывали въ немъ эти куда-то зовущіе звуки... И ему живо представился братъ, его унылая походка, когда, простившись съ нимъ, онъ выходилъ изъ залы и взгляды, который онъ бросилъ на него съ порога.

— Какъ смѣшно у него билось сердце, когда онъ прибѣжалъ ко мнѣ утромъ и какимъ грустнымъ онъ сталъ потомъ, точно сердился на меня за то, что я уѣзжаю, — думалъ Оршинъ. — Онъ меня ждалъ... Что онъ сейчасъ дѣлаетъ?

Оршинъ вспомнилъ низкіе мрачные дортуары, узкую кровать съ плоской подушкой, на которой спалъ братъ, и тѣсный дворъ съ каменными плитами.

— Можетъ быть, старина горько плачетъ въ эту минуту, — поморщился онъ, — и думаетъ, что единственный близкій человѣкъ, который у него остался на свѣ-

тѣ, бросилъ его одного и куда-то уѣхалъ... Онъ ждалъ отъ меня другого... И куда, въ сущности, я ѣду, чортъ меня возьми? Прогуливать свои нервы? Я долженъ благодарить судьбу за то, что она послала мнѣ кого-то, кому я нуженъ. Да развѣ всѣ эти Пиринеи и Флоренціи стоятъ слезъ этого маленькаго родного мнѣ человѣка?..

Быстро растегнувъ пальто, Оршинъ досталъ изъ жилетнаго кармана билетъ, разорвалъ его на нѣсколько кусковъ, бросилъ на землю и побѣжалъ за носильщикомъ.

— *Je reste à Blois, mon vieux!* — крикнулъ онъ ему, махая шляпой, — *rapportez mes valises!*...

Съ удивленіемъ посмотрѣвъ на иностранца, который, угрюмо погулявъ по платформѣ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, пришелъ въ экстазъ, носильщикъ поспѣшилъ за чемоданами.

Хозяйка гостинницы, увидя Оршина, забеспокоилась, что онъ что-нибудь забылъ, или опоздалъ къ поезду. Наговоривъ ей кучу комплиментовъ по поводу *Blois*, ея гостинницы и ея самой, Оршинъ объявилъ, что не намѣренъ уѣзжать изъ такого очаровательнаго города и зашагалъ въ школу.

Консьержка объявила ему, что дѣти скоро ложатся спать и что по вечерамъ посѣтителѣ не допускаются.

Вывавъ листъ изъ записной книжки, Оршинъ написалъ:

«Павликъ, я остаюсь въ *Blois*, чтобы никогда больше съ тобой не разставаться. Жди меня завтра утромъ. Твой Дмитрій».

Давъ консьержкѣ начай и попросивъ ее тотчасъ же доставить брату записку, Оршинъ, чувствуя себя помолодѣвшимъ на десять лѣтъ, отправился въ гостинницу.

Ш

На другой день утромъ Оршинъ не успѣлъ войти въ пріемную залу школы, какъ услышалъ хлопанье дверей, топотъ ногъ и увидѣлъ несшагося ему навстрѣчу Павлика. Подбѣжавъ къ Оршину, онъ изо всѣхъ силъ обхватилъ руками его шею и разрыдался.

Оршинъ взялъ его на руки и посадилъ къ себѣ на колѣни. Минутъ пять онъ не могъ его успокоить. Павликъ крѣпко прижимался къ нему лицомъ, не переставая всхлипывать и вздрагивать всѣмъ тѣломъ.

— Ну что мнѣ съ тобой дѣлать, Павликъ? — съ безпокойствомъ говорилъ Оршинъ, глядя его по головѣ. — Ты можешь захворать, если будешь такъ плакать.

— Я никогда не плачу, — прерывающимся голосомъ отвѣтилъ Павликъ.

Видно было, что у него многое накопилось на душѣ со времени выѣзда изъ Россіи и что до этой минуты онъ долго крѣпился.

— Ты навѣрно не уѣдешь? — спросилъ онъ, поднимая на брата распухшіе глаза.

— Если куда нибудь и уѣду, то вмѣстѣ съ тобой.

— Ты возьмешь меня изъ школы?

— Я найду квартиру, гдѣ мы съ тобой поселимся и возьму тебя на двѣ недѣли въ отпускъ. А потомъ ты будешь ходить въ школу, а послѣ уроковъ возвращаться домой. Хорошо?

Павликъ просіялъ отъ радости.

— Ищи скорѣе квартиру! — крикнулъ онъ вскакивая.

Объяснивъ свои намѣренія Роландо, Оршинъ распрощался съ Павликомъ до вечера и, оставивъ ему въ

залогъ того, что онъ никуда не сбѣжитъ, отцовскій перстень, отправился на поиски квартиры.

Онъ обратился въ агентство.

Въ окрестностяхъ школы ничего не оказалось; около кафедральнаго собора сдавались двѣ виллы, слишкомъ большія и за слишкомъ дорогую цѣну. Наконецъ ему указали небольшую меблированную квартиру въ одной изъ улицъ, спускавшихся къ набережной Луары, въ десяти минутахъ ходьбы отъ его гостинницы.

Обогнувъ замокъ по улицѣ, заключенной между двумя каменными стѣнами, поросшими по уступамъ густымъ кустарникомъ, Оршинъ спустился въ нижнюю часть города и, пройдя нѣсколько улицъ, застроенныхъ чистенькими старинными домиками, вышелъ на тихій перекрестокъ, за которымъ тянулись обсаженные кленами аллеи и сады пригородныхъ усадебъ. На самый перекрестокъ, между двумя круто поднимавшимися въ гору улицами, выходила покрытая плетнемъ стѣна, надъ которой зеленѣли деревья всякаго сада; въ глубинѣ его стоялъ домъ, нижній этажъ котораго и представлялъ собою квартиру, указанную Оршину.

Поднявшись вдоль стѣны по боковой улицѣ, онъ остановился передъ массивной калиткой и дернулъ за старинный всячій колокольчикъ.

Ему отворила благообразная старушка и, узнавъ, что онъ присланъ отъ агентства, повела его осматривать квартиру.

Оршинъ пересѣкъ каменную веранду, спускавшуюся въ садъ и черезъ дверь, украшенную цвѣтными стеклами, вошелъ въ маленькую, со вкусомъ обставленную столовую. Къ ней примыкала большая свѣтлая комната, представлявшая собою соединеніе спальни съ будуаромъ, за которой слѣдовала угловая комната, похожая

на гостинную. Окна всѣхъ трехъ комнатъ выходили въ садъ. Другая дверь вела изъ столовой въ корридоръ, сообщавшійся со второю небольшою спальною и съ кухней. На чисто натертыхъ паркетныхъ полахъ были разложены коврики; стѣны, покрытыя старинными обоями, были увѣшаны картинами сентиментальнаго содержания; на буфетахъ и въ кухнѣ была разставлена всевозможная посуда. На всемъ лежалъ отпечатокъ старины, хозяйственности и чистоплотности. Къ квартирѣ принадлежалъ и садъ съ нѣсколькими яблонями, сиренью, винограднымъ тонелемъ и полуразрушеннымъ каменнымъ фонтаномъ.

Оршину такъ понравилась квартира, что ему не хотѣлось изъ нея уходить. Усѣвшись въ кресло у открытаго окна спальни, черезъ которое проникали въ комнату вѣтры бѣлой сирени, онъ объявилъ, что оставляетъ квартиру за собой.

— Нужно, чтобъ *monsieur* поднялся навѣрхъ и поговорилъ съ *madame* — сказала старушка. — *madame*, уже третій годъ не встаетъ съ кресла.

Хозяйка оказалась пожилой и болѣзненной дамой, съ большими добрыми глазами, проводившей дни въ креслѣ, въ обществѣ сидѣлки, за чтеніемъ и вышиваніемъ.

Вопросъ о квартирѣ былъ разрѣшенъ въ нѣсколько минутъ; цѣна оказалась настолько умѣренной, а хозяйка настолько симпатичной, что о колебаніи не могло быть и рѣчи.

Поговоривъ съ *madame* Готье (такъ звали хозяйку) о братѣ, о Парижѣ, о Россіи и объ окрестностяхъ Blois, и внеся положенную плату, Оршинъ откланялся и поспѣшилъ въ гостинницу.

Переѣздъ и всякаго рода хозяйственныя покупки

заняли весь остатокъ дня и только къ семи часамъ вечера Оршину удалось попасть въ школу къ нетерпѣливо ожидавшему его брату. Послѣдній оказался далеко не такимъ тихимъ, какимъ его считалъ Оршинъ; узнавъ, что все устроилось и что съ завтрашняго дня начинается его отпускъ, онъ проявилъ такую бурную радость, что вошедшій въ пріемную Роландо въ удивленіи поднялъ руки кверху и добродушно покачалъ головой.

IV

На слѣдующій день братья завтракали у себя въ саду на новосельѣ. Въ теченіе утра они успѣли купить велосипеды и выучиться на нихъ ѣздить. Въ Blois, знаменитомъ своими окрестными замками и лѣсами, обойтись безъ этого средства передвиженія было невозможно. Оба сильно устали и блюда, приготовленныя самимъ Оршинымъ и приправленныя яблочнымъ цвѣтомъ, усыпавшимъ столъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, казались имъ превосходными.

— Ты очень хорошо приготовилъ индѣйское кушанье, — замѣтилъ Павликъ.

— Я зналъ, что оно тебѣ понравится. Профанамъ оно ничего бы не сказало, — отвѣтилъ Оршинъ. — Ышь еще, Павликъ; ты у меня долженъ растолстѣть.

— Ты всегда будешь самъ стряпать?

— Всегда. Видишь ли, въ Парижѣ я ничего не дѣлалъ и мнѣ въ голову лѣзли всякія нехорошія мысли, а здѣсь я буду заниматься хозяйствомъ, смотрѣть за садомъ и стану такимъ же веселымъ, какъ Бушевъ. Ты его помнишь?

— Онъ меня выучилъ шведской гимнастикѣ. А ты умѣешь?

— Конечно умѣю.

— А она выучила меня играть на рояли «Lettre à Elise».

— Кто она?

— Ксенія.

— Хмъ...

— Ты мнѣ покажешь, какъ рисовать картины?

— Съ удовольствіемъ. Но сначала я буду учить тебя рисовать карандашомъ. Вотъ, послѣ завтрака пойдемъ въ художественный магазинъ, мнѣ нужно купить альбомъ и акварельныя краски.

— А когда мы поѣдемъ на Оку? — такъ Павликъ называлъ Луару.

— Завтра. Мы будемъ брать съ собой провизію и завтракать гдѣ нибудь на берегу, или въ лѣсу.

— И тамъ будемъ играть?

— Конечно.

— Ты знаешь, намъ будетъ очень хорошо жить вмѣстѣ.

— Знаю, Павликъ, оттого я и не уѣхалъ.

Послѣ завтрака братья поднялись къ *madame* Готье, пригласившей ихъ къ чаю, потомъ ходили по магазинамъ, а вечеромъ принялись за устройство жилища Павлика въ угловой комнатѣ.

— Я никогда не спалъ на такой большой постели! — радовался онъ.

— Откуда у тебя такой красивый несессеръ съ вензелемъ? — спросилъ Оршинъ, помогая Павлику разбирать его чемоданъ.

— Мнѣ подарила Ксенія. Это ея.

— Хмъ...

— Смотри, вотъ и еще, — говорилъ Павликъ, вынимая изъ чемодана и передавая Оршину маленькій бюваръ изъ крокодиловой кожи, преспапье съ видомъ Праги, книгу Жюль Верна «Таинственный островъ», маленькую подушку съ вышитой наволочкой и т. д. Всѣ эти вещи онъ складывалъ брату на колѣни и съ озабоченнымъ лицомъ, перерывалъ бѣлье, чтобы отыскать завалившуюся куда-то записную книжку.

Оршинъ кусалъ себѣ губы.

— Вотъ видишь, сколько она мнѣ надарила? — сказалъ Павликъ, серьезно глядя на Оршина. — Почему ты ничего не говоришь?

— Тебѣ она нравится? — спросилъ Оршинъ. -- Открой-ка окно, здѣсь очень душно.

Павликъ открылъ окно и сталъ смотрѣть въ садъ.

— Больше всѣхъ на свѣтѣ, — отвѣтилъ онъ помолчавъ. — Ты и она.

Оршинъ вздрогнулъ и принялся съ необыкновенной осторожностью перекладывать лежавшіе у него на колѣняхъ предметы на столъ.

— А тебѣ она нравится? — спросилъ Павликъ изъ окна.

— Больше всѣхъ на свѣтѣ. Ты и она, — чуть было не отвѣтилъ Оршинъ, но вмѣсто этого подошелъ къ брату и взялъ его за плечи.

— Не сиди въ окнѣ, Павликъ. Ты безъ курточки и можешь простудиться, — сказалъ онъ.

Когда Павликъ легъ спать, Оршинъ вышелъ въ садъ и, усѣвшись на каменную стѣну, съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя теплый почной воздухъ. Было такъ хорошо и такъ тихо, что хотѣлось кого-то взять за руку, чтобы заставить его прислушаться къ этой тишинѣ.

Оршинъ прислонился къ выступу стѣны и задумался.

— Павликъ говоритъ: «ты и она»; то-же самое говоритъ этотъ большій ребенокъ Бушевъ, — думалъ онъ. — Оба находятъ, что она «лучше всѣхъ на свѣтѣ», и я ничего не могу возразить на это... И все-таки, будучи лучше ихъ всѣхъ, она такая-же, какъ онѣ всѣ... Это въ природѣ вещей, такова жизнь, такими онѣ созданы, и въ этомъ она не виновата. Но я и не думаю ее обвинять. Да и за что? За то, что она начала обманывать Варвича, не успѣвъ даже стать его женой? За то, что она не задумалась придти ко мнѣ?.. Легкомысліе, свойственное красотѣ, юности и духу времени. Ея бабушка не сдѣлала бы этого пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, я не очень то вѣрю въ эти басни о бабушкахъ. Я вообще склоненъ искать то, чего въ жизни не существуетъ и не умѣю довольствоваться тѣмъ что есть. Не умѣю и не хочу... А если бы и захотѣлъ, то поздно и нечего объ этомъ думать. Къ сожалѣнію, дѣло не во мнѣ; я ее огорчилъ, даже оскорбилъ и должно быть сильно, судя по виду и поведенію Бушева... А, между тѣмъ, чего бы я ни сдѣлалъ, чтобы доставить ей малѣйшую радость! Я, кажется, былъ бы способенъ поѣхать въ Прагу помириться съ этимъ дуракомъ Варвичемъ и привезти его къ ней обратно... Положимъ, возить къ ней я никого бы не сталъ, потому что всѣ они не стоятъ ея мизинца!..

Оршинъ оторвалъ виноградную вѣтку, щекотавшую ему лицо и хотѣлъ разломать ее на нѣсколько кусковъ, но свѣжая вѣтка гнулась въ его рукахъ и рѣзала ему пальцы. Онъ хотѣлъ бросить ее черезъ стѣну, но, зацѣпивъ за его рукавъ, она упала къ нему на колѣни. Онъ взялъ ее, поднесъ къ лицу и спрятавъ ее въ карманъ, пошелъ изъ сада.

V

Двѣ недѣли отпуска Павлика пролетѣли незамѣтно. Въ хорошую погоду братья уѣзжали изъ дому на цѣлый день, осматривали замки, обѣдали въ какой-нибудь деревенской харчевнѣ и возвращались въ сумерки. Иногда они просто ѣхали въ ближайшій лѣсъ, валялись на травѣ и читали привезенныя съ собой книги, или возились. Въ дождикъ оба сидѣли за рисованьемъ: Оршинъ возстановлявалъ въ памяти картину, которую онъ уничтожилъ въ Парижѣ, Павликъ срисовывалъ гипсовую голову Діаны. По вечерамъ они читали вслухъ Жюль-Верна или Дюма и играли въ хальму. Спать ложились рано.

Оршинъ все больше привязывался къ брату.

— Странно имѣть дѣло съ маленькимъ, умнымъ и веселымъ человѣкомъ, не имѣющимъ никакихъ человѣческихъ слабостей, — разсуждалъ онъ, лежа гдѣ нибудь въ лѣсу и наблюдая за бѣгающимъ Павликомъ; — съ существомъ, въ которомъ совершенно отсутствуетъ злое начало. Онъ не способенъ ни обидѣть кого либо, ни солгать, ни схитрить. Онъ добръ и заботится обо мнѣ такъ же какъ я о немъ. Я знаю, что онъ меня любитъ, но милѣе всего то, что онъ смотритъ на меня, какъ на своего сверстника... Роландо правъ, говоря, что въ немъ чувствуется маленькій *noble*. Благородство составляетъ основную черту его характера и даже наружности. Откуда у него эти безукоризненные манеры? Кто и когда могъ заниматься его воспитаніемъ? Почему онъ даже мнѣ внушаетъ что-то врожденнаго уваженія?.. Мы съ нимъ послѣдніе Оршины. Мнѣ суждено умереть холостякомъ, Павелъ будетъ продолжателемъ рода... А родъ стоитъ продолженія; за восемь вѣковъ въ немъ не было ни воровъ, ни искателей, ни придворныхъ угодниковъ. Опальный родъ, ни передъ

кѣмъ не гнувшій спины, но и не передъ кѣмъ не заносившійся... Вырощу Павлика, найду ему жену, хорошую, вродѣ Кс... Да, вродѣ Ксеніи, но...

На этомъ прерывались генеалогическія размышленія Оршина. Онъ ложился на спину и принимался смотрѣть на листья какого нибудь стараго клена, трепетавшіе на синемъ фонѣ неба, или прислушиваться къ неумолчному гудѣнію пчелъ.

Въ одну изъ такихъ минутъ, Павликъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я знаю о чемъ ты думаешь.

— О чемъ? — лѣниво спросилъ Оршинъ.

— Ты думаешь о Ксеніи.

— Ты съ ума сошелъ Павликъ? — вскочилъ Оршинъ.

Павликъ смутился.

— Я вѣдь никогда тебѣ не говорю...

— Отчего тебѣ пришло въ голову, что я о ней думаю?

— Просто такъ... Потому, что я читалъ...

— Что такое ты читалъ?

— Что когда кто-нибудь влюбленъ...

— Этого не доставало!.. Ты начитался глупыхъ книгъ, Павликъ.

— Нѣтъ, не глупыхъ, — съ задумчивымъ упорствомъ проговорилъ Павликъ. — А развѣ это неправда? — спросилъ онъ, серьезно взглядывая на брата.

Оршинъ не чувствовалъ въ себѣ силы отвѣтить ему шуткой или ложью.

— Можетъ быть и правда, Павликъ, — сказалъ онъ.

— Я не знаю. Но мнѣ непріятно говорить объ этомъ.

Павликъ умолкъ и долго сосредоточенно очищалъ отъ коры какую-то вѣтку.

Съ половины мая Павликъ началъ посѣщать школу. Онъ уходилъ въ восемь часовъ утра, часто въ сопровожденіи Оршина, и возвращался домой послѣ уроковъ.

Въ отсутствіе брата, обыкновенно по утрамъ, Оршинъ бродилъ по городу, дѣлая въ альбомъ наброски домовъ и типовъ. Въ жаркіе дни онъ любилъ заходить въ соборъ, гдѣ было свѣтло, прохладно и безлюдно и гдѣ его особенно привлекала живопись по стелку, украшавшая окна нѣкоторыхъ боковыхъ капеллъ; она ничего собою не представляла съ точки зрѣнія старины или искусства, но простотою рисунка и подборомъ тоновъ удивительно живо передавала наивную поэзію сценъ и эпизодовъ Новаго Завѣта: поклоненіе волхвовъ, бѣгство Маріи и Іосифа въ Египетъ, Тайная Вечеря...

— Никакая философія, никакія потуги Ренана и ему подобныхъ не въ силахъ разрушить красоту и святость этихъ образовъ, которые намъ дороги какъ воспоминація дѣтства, — думалъ Оршинъ, — и такъ же необходимы для жизни. Жаль, что я не въ состояніи руководить Павликомъ въ этой области. Тутъ нужна женская вѣра, женская наивная мудрость, многое, чего во мнѣ нѣтъ и не можетъ быть. Я бы не хотѣлъ, чтобы онъ росъ безъ корня, не отъ чего и не отъ кого, самъ отъ себя, какъ выросъ я... Во мнѣ нѣтъ главнаго, въ чемъ онъ нуждается; я могу только любить его, но что я могу ему дать, кромѣ неловкихъ и неумѣлыхъ заботъ?

Иногда, захвативъ свой альбомъ, Оршинъ ѣздилъ по окрестнымъ деревнямъ и зарисовывалъ сельскія сцены. Ему все больше нравилась мѣстная природа; она напоминала среднюю Россію, какъ и Луара, которая дѣйствительно напоминала Оку. Покой и миръ царили надъ этой страной; не только люди были привѣтливы, но да-

же животныя — лошади, коровы, собаки — отличались какимъ-то особеннымъ добродушіемъ.

— Купить бы здѣсь клочекъ земли, работать бы на огородѣ, да разводить куръ, — часто думалъ Оршинъ.

Эту мысль онъ даже высказалъ въ письмѣ къ Бушеву, котораго приглашалъ погостить въ Blois, но отвѣта отъ него не получилъ.

— Почему онъ молчить? — удивлялся и даже безпокоился Оршинъ.

А въ Blois съ каждымъ днемъ становилось лучше. Распустились лѣса, поля покрылись цвѣтами, куковали кукушки, по ночамъ неистовствовали соловьи, все гуще разрастался виноградный тоннель въ саду.

Однажды, въ отсутствіе Павлика, Оршинъ вытащилъ свой желтый чемоданъ и, отъ нечего дѣлать, принялся за разборку бумагъ. Тутъ были всякаго рода документы, старыя записки, вывезенныя изъ Россіи, письма, полученныя оттуда-же и груды бумагъ и писемъ, накопившихся за послѣдніе мѣсяцы пребыванія въ Парижѣ. Среди послѣднихъ оказалось нѣсколько нераспечатанныхъ писемъ, полученныхъ во время нахождения Оршина въ госпиталѣ. На одномъ изъ нихъ были обозначены только имя и фамилія; ни адреса, ни марки не было. Распечатавъ конвертъ, онъ прочелъ подпись. Это было забытое у него письмо Ксеніи.

По мѣрѣ чтенія, лицо Оршина покрывалось краской. Онъ едва разобралъ послѣднія строки и принялся читать письмо сначала.

Окончивъ чтеніе, онъ нахмурился и долго сидѣлъ неподвижно.

— Она не была невѣстой Варвича, — думалъ онъ, — и значитъ никого не обманывала... Она отказала ему,

какъ только онъ посмѣлъ сдѣлать ей предложеніе. Узнавъ, что я уѣзжаю, она написала мнѣ это письмо и, не зная адреса, понесла его сама... Я оказался дома... Какъ все это ясно. Я все толковалъ превратно. На ея чувство, на ея довѣріе, на ея заботы о Павликѣ, на просьбу навѣстить меня я отвѣтилъ незаслуженной обидой... Бушевъ покраснѣлъ за меня! Павликъ, который ничего не знаетъ, а только чувствуетъ, и тотъ смотритъ на меня съ какимъ-то упрекомъ. И ко всему этому прибавить, что я самъ... любилъ ее и люблю... Что же дѣлать? Чѣмъ искупить зло, которое я ей причинилъ?

Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ положеніе казалось ему болѣе сложнымъ и непоправимымъ и тѣмъ сильнѣе онъ осуждалъ себя.

Вернувшись изъ школы, Павликъ сразу замѣтилъ, что съ братомъ что-то неладно. Едва дотронувшись до своего «goûté», онъ усѣлся за книгу и совершенно притихъ. Обѣдъ прошелъ въ молчаніи. Послѣ обѣда Оршинъ засталъ Павлика въ темной комнатѣ на окнѣ. Онъ сѣлъ около него въ кресло и закурилъ трубку. Оба долго молчали.

— Павликъ, — проговорилъ наконецъ Оршинъ, — завтра я ѣду въ Парижъ.

Павликъ ничего не отвѣтилъ.

— Мнѣ надо съѣздить на одинъ, на два дня.

— Ты получилъ письмо?

— Да... Я нашелъ письмо въ чемоданѣ.

— Отъ Ксеніи? — нерѣшительно спросилъ Павликъ.

Оршинъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Да... Откуда ты знаешь?

— Я все ждалъ, когда она намъ напишетъ. Она обѣщала, но навѣрно забыла.

— Нѣтъ, она не забыла. Она не писала потому, что я очень виноватъ передъ ней.

— И ты поѣдешь попросить извиненіе?

— Да...

— А если она извинитъ, ты можешь быть привезешь ее къ намъ?

Оршинъ снялъ Павлика съ окна, посадилъ къ себѣ на колѣни и крѣпко обнялъ.

— Тогда привезешь?

— Привезу, — тихо отвѣтилъ Оршинъ.

— Ну, хорошо, поѣзжай.

Рѣшено было, что Оршинъ выѣдетъ въ Парижъ завтра утромъ, а Павликъ, захвативъ все необходимое, переѣдетъ до его возвращенія въ школу; Оршинъ останется въ Парижѣ въ гостинницѣ при вокзалѣ, и они оба будутъ ежедневно посылать другъ другу открытки.

Уже улегшись въ постель, Павликъ спросилъ брата, прощаясь съ нимъ:

— А ты... всегда будешь меня такъ же любить?

— Всегда, Павликъ.

— И играть со мной.

— И играть буду, пока ты вырастешь.

На другой день, проводивъ брата въ школу и переговоривъ съ Роландо, Оршинъ выѣхалъ въ Парижъ.

VI.

Послѣ отъѣзда Оршина, Бушевъ окончательно утвердился въ домѣ Ксеніи. Первое время онъ былъ тамъ какъ бы лишнимъ и, сознавая это, старался какъ можно меньше стѣснять кого-либо своимъ присутствіемъ. Онъ облюбовалъ себѣ наиболѣе укромное мѣсто у окна сто-

ловой и, принеся съ собой, по возможности незамѣтно, нѣсколько бутылокъ пива, просиживалъ часами за газетой. Иногда онъ приходилъ съ самого утра и оставался до поздняго вечера, неизмѣнно уходя на время завтрака и обѣда подъ предлогомъ неотложныхъ дѣлъ.

Софья Васильевна, здоровье которой за послѣднее время сильно пошатнулось, сначала сердилась на Бушева, какъ на пріятеля Оршина, «наболтавшего о немъ Ксюшѣ всякихъ небылицъ», но мало-по-малу къ нему претерпѣлась, стала возлагать на него мелкія хозяйственныя порученія, играть съ нимъ по вечерамъ въ карты и наконецъ привыкла къ нему настолько, что безъ него испытывала родъ безпокойства. Кончилось тѣмъ, что Бушевъ, вслѣдствіе постоянного недомоганія Софьи Васильевны и безразличнаго ко всему отношенія Ксеніи, занялъ въ домѣ мѣсто повара. Онъ ходилъ за провизіей, стряпалъ и проявлялъ необыкновенную экономяность въ расходахъ, зная, что Ксенія испытывала денежныя затрудненія и тратя, потихоньку отъ Софьи Васильевны, свои собственныя деньги. Онъ снова поселился въ гостинницѣ, такъ какъ домъ, въ которомъ жилъ Оршинъ, вскорѣ послѣ его отъѣзда, былъ проданъ, предназначенъ къ слому и квартиру пришлось ликвидировать.

Первое мѣсто въ домѣ Ксеніи заняла Левкоева. Софья Васильевна окончательно въ нее увѣровала, а Ксенія, какъ казалось Бушеву, совершенно подпала подъ ея вліяніе.

Левкоева переѣхала изъ Праги въ Парижъ съ единственной цѣлью — сдѣлать карьеру. Обладая не только красивой наружностью, но и недюжиннымъ практическимъ умомъ, она быстро ориентировалась, завела нужныя знакомства и намѣтила планъ дѣйствій. Она по-

няла, что центр тяжести лежитъ въ богатыхъ иностранцахъ, въ американцахъ по преимуществу; главной и даже единственной для нихъ приманкой въ Парижѣ были женщины и, въ частности, женщины русскія; послѣднія еще были въ модѣ, но, побывавъ кое-гдѣ, Левкоева замѣтила, что спросъ на русскихъ *princesses*, съ разбитымъ прошлымъ и разбитымъ сердцемъ, началъ ослабѣвать; искали просто красивыхъ русскихъ женщинъ, съ которыми можно повеселиться.

Пользуясь знаніемъ англійскаго языка, Левкоева обосновалась въ одномъ изъ очень дорогихъ и очень посѣщаемыхъ русскихъ ресторановъ - дансинговъ, гдѣ она почти ежедневно обѣдала и гдѣ, при содѣйствіи администраціи, заводила солидныя, некомпрометирующія ее знакомства. У нея появились дорогіе туалеты, мѣха и драгоценности, а вскорѣ и собственная, недурно обставленная квартира. Служба въ журналѣ Варвича давала ей приличное исходное положеніе и застраховывала ее отъ какихъ-либо прямыхъ обвиненій; косвенныхъ она не боялась, ибо русская колонія Парижа въ этомъ отношеніи была болѣе чѣмъ снисходительна. Къ моменту отъѣзда Варвича въ Прагу, Левкоева заняла уже достаточно прочную самостоятельную позицію, войдя въ тѣсный кружокъ крупныхъ американскихъ дѣльцовъ и заручившись мѣстомъ въ одной изъ американскихъ компаній.

Желаніе Левкоевой втянуть Ксенію въ свой міръ объяснялось не только естественнымъ стремленіемъ всякой женщины легкихъ нравовъ совратить съ пути истины свою добродѣтельную подругу; она была твердо увѣрена, что ея взглядъ на жизнь является вполне современнымъ и вполне правильнымъ, и что, усвоивъ его, Ксенія можетъ наиболѣе разумно устроить

свою жизнь. Исторія съ Варвичемъ и Оршинымъ должна была служить подтвержденіемъ ея теоріи. Кромѣ того, общество Ксеніи, несомнѣнно подняло бы ея собственный вѣсъ какъ въ глазахъ окружающихъ, такъ и въ глазахъ ея дѣлового кружка. Ксенія же, по ея мнѣнію, могла не только «хорошо пристроиться», но и сдѣлать этимъ путемъ блестящую, то-есть богатую, партію, а это открыло бы и ей самой многія перспективы.

Послѣ отъѣзда Оршина, она безъ труда овладѣла Ксеніей. Узнавъ, что послѣдняя стѣснена въ средствахъ, она тотчасъ же нашла ей адвоката, взявшагося хлопотать о скорѣйшемъ введеніи ея въ наслѣдство, и устроила ей подъ это наслѣдство довольно крупную ссуду. Дѣло потребовало знакомства Ксеніи съ людьми, соглашавшимися ее выручить, знакомство повлекло за собой ея участіе въ одномъ изъ обѣдовъ, а дальнѣйшее пошло само собой. По настоянію Левкоевой, Ксенія сдѣлала себѣ туалеты, остригла волосы, стала бывать сначала въ театрахъ, потомъ на скачкахъ и наконецъ въ дансингахъ.

Ксенія ни одной минуты не сомнѣвалась въ томъ, что, уступая Левкосвой, она идетъ по ложной дорогѣ, но она вступила на нее и шла по ней сознательно. Она жила и дѣйствовала подъ вліяніемъ очень несложнаго разсужденія: Оршинъ никогда ее не любилъ; онъ поступилъ съ ней жестоко, потому что онъ ее осуждаетъ и презираетъ за ея шагъ. Вѣроятно она заслуживаетъ презрѣнія, ибо не могла и не можетъ быть другой, чѣмъ она была и есть. Съ нимъ, для него, она стала бы чѣмъ угодно, но онъ ее оттолкнулъ. Пусть онъ убѣдится, что онъ въ ней не ошибался; она станетъ такой, какой онъ ее считаетъ. Чѣмъ ей будетъ хуже, тѣмъ лучше.

Она сумѣла перенести ударъ и ничѣмъ не обнару-

жила своего горя ни передъ Софьей Васильевной, ни передъ Левкоевой, ни передъ Бушевымъ. Она настолько стала ко всему безразлична, что переносила даже разговоры Левкоевой объ Оршинѣ, никакъ на нихъ не реагируя. Разговоры эти сводились къ слѣдующему:

— Всѣ они таковы! Твердятъ о чистотѣ и невинности, а чѣмъ они намъ платятъ за это? Любовью, вѣрностью, уваженіемъ? Никогда! Они принимаютъ это какъ должное, они пренебрегаютъ нами! А когда мы беремся за умъ и сами начинаемъ пользоваться жизнью, вотъ тогда они ползутъ за нами на колѣнкахъ. Будемъ давать имъ то, чего они заслуживаютъ и за дорогую цѣну! Будемъ, какъ и они, брать отъ жизни то, что она можетъ дать; мы вѣдь тоже любимъ наслажденія, и у насъ въ жилахъ течетъ кровь, а не вода.

Единственнымъ, что подѣйствовало на Ксенію, было, полученное откуда-то Левкоевой, свѣдѣніе о Frou Frou, достовѣрное, хотя и сильно преувеличенное.

Узнавъ о «соперницѣ», Ксенія еще острѣе ощутила чувство униженія и еще больше упала въ собственныхъ глазахъ.

Она добилась того, что совершенно перестала думать объ Оршинѣ, по крайней мѣрѣ такъ ей казалось, но она не могла забыть Павлика, вспоминая его въ самыя неожиданныя и неподходящія минуты. — Какъ ему живется въ школѣ? Не нужно ли ему чего? Не скучаетъ ли онъ? Вспоминаетъ ли когда-нибудь о ней? — думала она. Нѣсколько разъ она хотѣла написать ему, какъ общалась, но ее удерживала мысль объ Оршинѣ, который, какъ она думала, хотѣлъ оградить брата отъ ея вреднаго вліянія.

Наружность Ксеніи сильно измѣнилась за этотъ мѣсяцъ. Она похудѣла и поблѣднѣла, но отъ этого стала

еще красивѣе. Измѣнилось, главнымъ образомъ, выраженіе ея лица, въ которомъ появилось что-то жесткое и какъ бы надменное.

Софья Васильевна смотрѣла на все, что дѣлала Ксенія, съ одной точки зрѣнія: только бы не скучала, только бы выбросила изъ головы этого дурного человѣка, который насмѣялся надъ нею. Мало видя Ксенію, которая все рѣже оставалась дома по вечерамъ, Софья Васильевна находила утѣшеніе въ бесѣдахъ съ Бушевымъ. Послѣдній раздѣлялъ ея соображенія относительно Ксеніи, хотя и становился все болѣе задумчивъ и все чаще кряхтѣлъ и неодобительно покачивалъ головой.

Не ожидая никакой помощи со стороны Оршина, онъ все-таки, хотъ для очистки совѣсти, написалъ бы ему обо всемъ, что его беспокоило, если бы Ксенія однажды, а именно въ день полученія свѣдѣній о From Exner, не взяла съ него слова, что онъ никогда никому и ничего писать или сообщать о ней не будетъ. Когда Бушевъ попробовалъ замѣтить, что Левкоева ей не пара и что ей не мѣсто тамъ, гдѣ она бываетъ, Ксенія отвѣтила, сдвинувъ брови и надменно прищурившись:

— Почему вы знаете — гдѣ мнѣ мѣсто? Я за то и цѣню васъ, Константинъ Ивановичъ, что вы не входите въ излишнія разсужденія и не задаете мнѣ ненужныхъ вопросовъ.

Бушеву становилось все тяжелѣе. Одинъ разъ, неизвѣстно изъ какихъ соображеній, Ксенія попросила его поѣхать съ ней вечеромъ въ Ротонду, гдѣ ее ждала къ ужину Левкоева со своей компаніей. Бушевъ съ готовностью согласился, сумѣлъ понравиться обществу, особенно одному толстому весельчаку американцу, и съ

тѣхъ поръ сдѣлался постояннымъ спутникомъ Ксеніи. Онъ чувствовалъ, что она въ немъ нуждалась, хотя и не обнаруживала этого, и былъ готовъ въ случаѣ надобности оправдать ея довѣріе. На протесты Левкоевой, вообще пренебрегавшей Бушевымъ, Ксенія сухо отвѣтила, что безъ него ей скучно и той пришлось смириться. Успѣхъ Ксеніи въ ея кружкѣ былъ настолько великъ, ей оказывалось такое исключительное вниманіе, что вооружать ее противъ себя совершенно не входило въ расчеты Левкоевой.

Въ концѣ мая у Софьи Васильевны, уже болѣе недѣли не покидавшей темной комнаты, сдѣлалось острое воспаленіе глазъ и, по настоянію врача, ее пришлось спѣшно перевезти въ глазную лечебницу, находившуюся на противоположномъ краю города. Чтобы не оставлять бабушку одну, далеко отъ себя, Ксенія рѣшила бросить квартиру, съ которой у нея вообще были связаны тяжелыя воспоминанія, и переѣхать куда-нибудь поближе къ лечебницѣ. Бушевъ подыскалъ ей хорошій номеръ въ одной изъ небольшихъ гостинницъ и самъ переѣхалъ туда же. Оба они поочередно посѣщали Софью Васильевну, вечера же проходили по-прежнему — или въ загородныхъ ресторанахъ, или въ Ротондѣ.

По наблюденію Бушева, становившагося все мрачнѣе, въ поведеніи Ксеніи стали обнаруживаться странности: ни съ того, ни съ сего, она начала курить, стала пить больше, чѣмъ слѣдовало, и увлекаться танцами, которыхъ терпѣть не могла раньше. Зачастила къ ней и Левкоева, вѣчно ее въ чемъ-то убѣждавшая и всегда умолкавшая при появленіи Бушева. Но больше всего его беспокоило что-то новое въ настроеніи Ксеніи, не то нервность, не то несвойственная ей веселость, граничившая съ истеричностью.

Бушевъ предчувствовалъ бѣду и не зналъ, что ему предпринять.

— Эхъ, Митька, изъ-за тебя все это! — все чаще повторялъ онъ съ чувствомъ досады и горечи.

VI.

Поѣздъ подходилъ къ Парижу. Было душно. Въ окнахъ вагона замелькали сѣрыя строенія пригорода. Надъ городомъ стояла непроницаемая дымная мгла.

Все, что передумалъ Оршинъ за время пути, слилось въ одно безотчетное чувство тревоги.

Аустерлицкій вокзалъ. Томительная десятиминутная остановка, грохотъ телѣжекъ, шарканье ногъ, бѣготня по вагону.. Еще четверть часа ѣзды въ темнотѣ подъ Парижемъ.... *gare d'Orsay*.

Съ трудомъ найдя номеръ въ гостинницѣ вокзала, Оршинъ наскоро привелъ себя въ порядокъ и поѣхалъ къ Бушеву.

Шоферъ, не знавшій улицы, пронесся мимо нужного поворота; Оршинъ остановилъ автомобиль, расплатился и пошелъ пѣшкомъ.

Дойдя до знакомаго каменнаго забора, онъ въ изумленіи остановился. Его прежнее жилище представляло собой груду развалинъ. Всѣ деревья, кромѣ того, которое росло возлѣ окна его спальни, были срублены и увезены; весь дворъ былъ изуродованъ и заваленъ камнями и мусоромъ. Видимо, рабочіе завтракали; подъ тѣнью густо разросшагося дерева лежали кирпичи и лопаты, неподалеку стоялъ засыпанный известью грузопикъ. Одна стѣна дома еще не была разрушена; ея остовъ уродливо возвышался среди развалинъ; на немъ еще висѣли клочьями знакомые Оршину обои.

Смутное предчувствіе овладѣло имъ при видѣ этого зрѣлища, словно оно являлось молчаливымъ отвѣтомъ на всѣ зародившіяся въ немъ надежды.

Постоявъ нѣсколько минутъ посреди двора и сообразивъ, что здѣсь не у кого справиться о Бушевѣ, онъ сталъ медленно подниматься по улицѣ.

Оставалось идти прямо къ Ксеніи. Онъ не хотѣлъ обдумывать того, что онъ ей скажетъ; онъ просто принесетъ ей повинную голову. Пусть она знаетъ, что онъ ее любитъ и принадлежитъ ей, и пусть она приметъ это какъ хочетъ.

— Не случилось ли съ ней чего нибудь? Здорова ли она?... жива ли? — пришло ему въ голову, и онъ пошелъ быстрѣе.

Войдя въ подъѣздъ и не зная въ какой этажъ подняться, онъ обратился къ консьержкѣ.

— *Mademoiselle* Юрѣва уѣхала недѣлю тому назадъ, — отвѣтила та.

— Куда? — блѣднѣя спросилъ Оршинъ.

— Старую *madame* увезли въ лѣчебницу, не знаю въ какую, и *mademoiselle* переѣхала, чтобы жить поближе къ *madame*.

Узнавъ отъ консьержки все, что ей было извѣстно о Ксеніи и о Бушевѣ, Оршинъ вышелъ на улицу.

— Какъ мнѣ его разыскать? — думалъ онъ, перебирая въ памяти всѣ мѣста, гдѣ можно было бы справиться о Бушевѣ.

Проѣздивъ безрезультатно по городу до самого вечера, Оршинъ случайно наткнулся на двухъ знакомыхъ художниковъ, изъ которыхъ одинъ сообщилъ ему, что нѣсколько разъ видѣлъ Бушева въ Ротондѣ, наверху, ужинающимъ въ обществѣ «шикарныхъ женщинъ и богатыхъ американцевъ».

Наскоро пообѣдавъ, Оршинъ снова принялся за поиски. Въ двѣнадцатомъ часу ночи онъ рѣшилъ въ послѣдній разъ подняться въ верхнее помѣщеніе Ротонды.

Зала была переполнена. Не было мѣста не только за столиками, но и въ проходѣ. Обливающіеся потомъ лакеи съ трудомъ протискивались среди танцующихъ. Шарканье ногъ, смѣхъ и говоръ сливались съ завываніемъ трубы и съ грохотомъ барабана.

Добравшись до входа въ залу, Оршинъ принялся разглядывать публику. Оркестръ умолкъ и, когда танцующіе начали расходиться по своимъ мѣстамъ, онъ увидѣлъ за однимъ изъ дальнихъ столовъ, среди незнакомаго ему общества кутящихъ иностранцевъ, Бушева и Левкоеву. Подойти къ нимъ было трудно, и онъ ждалъ, когда Бушевъ повернется въ его сторону, чтобы сдѣлать ему знакъ.

Спиной къ Оршину, за тѣмъ же столомъ, сидѣла элегантная особа, въ очень открытомъ вечернемъ платьѣ и курила изъ длиннаго мундштука, слегка закинувъ назадъ изящную, по модѣ остриженную, голову. Бушевъ ей что-то рассказывалъ.

— Съ кѣмъ это онъ? — подумалъ Оршинъ, — и какъ онъ втянулся въ это общество?...

Въ эту минуту онъ замѣтилъ странное, какъ бы испуганное выраженіе лица смотрѣвшей на него Левкоевой. Быстро наклонившись, она начала что-то шептать сидѣвшей противъ нея особѣ. Бушевъ привскочилъ на стулъ и принялся оглядываться по сторонамъ, не замѣчая знаковъ, которые ему дѣлалъ Оршинъ. Вдругъ особа, съ которой говорила Левкоева, рѣзко отодвинулась отъ стола и повернулась лицомъ къ Оршину.

Это была Ксенія.

У Оршина остановилось дыханіе. Блѣдный какъ мертвецъ, онъ не отрываясь смотрѣлъ на это страшное своей красотой, и еще болѣе страшное выраженіемъ своихъ глазъ, улыбающееся лицо.

— «Женщина и доллары!» — блеснуло въ его мозгу. Онъ пошатнулся и жадно втянулъ въ себя воздухъ. Это не могла быть галлюцинація.

— Ксенія!.. — безвучно прошепталь онъ.

Съ лица ея исчезла улыбка. Она встала, такая же блѣдная какъ онъ и схватилась за спинку стула. Къ ней бросился Бушевъ. Лицо Оршина искривилось; онъ повернулся и, шатаясь, направился къ выходу. Расталкивая встрѣчныхъ, онъ спустился съ лѣстницы, вышелъ на улицу и пошелъ по бульвару.

— Ксеничка, успокойтесь, сядьте, выпейте вина! — испуганно повторяла Левкоева, сжимая руку Ксеніи.

Окружающіе переглядывались, недоумѣвая въ чемъ дѣло. Бушевъ совершенно растерялся и лепеталь что-то безсвязное.

— Пустите меня, я и навизижу васъ всѣхъ! — задыхаясь проговорила Ксенія, вырывая свою руку у Левкоевой, и пошла къ выходу. Бушевъ схватилъ ея капъ и послѣдовалъ за ней.

— Скорѣе, скорѣе!... говорила она, пробираясь черезъ толпу, тѣснившуюся въ проходѣ.

— Ксенія Александровна, голубушка!.. — повторялъ Бушевъ, накидывая на нее капъ. — Куда вы? Васъ за толкаютъ, возьмите меня подъ руку...

Ксенія жадно оглядывалась по сторонамъ.

— Найдите его!... Я хочу его видѣть... Отведите меня къ нему! — говорила она, теребя за руку Бушева.

Выйдя изъ Ротонды, они остановились на углу бульвара. Никого нельзя было ни найти, ни узнать въ этой толпѣ.

Оставивъ Ксенію, Бушевъ обѣжалъ всѣ прилегающіе кафе и ,не найдя Оршина, вернулся къ ней. Посадивъ ее въ такси, онъ повезъ ее домой. По дорогѣ она ежеминутно выглядывала въ окно автомобиля и то просила остановиться, то настаивала, чтобы ее отвезли обратно въ Ротонду.

Оставивъ Ксенію въ гостинницѣ, Бушевъ снова отправился на розыски. Черезъ два часа, обыскавъ весь Монпарнасъ, онъ вернулся. Ксенія сидѣла въ томъ же креслѣ, въ которомъ онъ ее оставилъ.

— Куда онъ пошелъ? — повторяла она. — Я боюсь... мнѣ все кажется... Константинъ Ивановичъ, дорогой, какъ намъ его найти?

Только подъ утро Бушеву удалось ее нѣсколько успокоить, увѣривъ ее, что завтра онъ, такъ или иначе, разыщетъ Оршина и привезетъ къ ней.

VII.

Дойдя до конца бульвара, Оршинъ остановился у крапа съ питьевой водой, жадно напился и смочилъ себѣ голову. Постоявъ съ минуту и оглядѣвшись вокругъ, онъ съ трудомъ сообразилъ, гдѣ онъ находится и машинально направился въ сторону своего прежняго жилища.

Онъ чувствовалъ, что сходить съ ума и ждать, ког-

да таинственная сила, связавшая въ одинъ мучительный образъ его мечту съ дѣйствительностью, его картину съ Ксеніей, вырветъ послѣдніе проблески мысли изъ его разума.

— «Я любила тебя, но ты обнажилъ меня и отдалъ меня имъ»... — звучалъ въ его ушахъ ея голосъ, заглушаемый дикими завываніями трубы, грохотомъ барабана и раскатами хриплаго, торжествующаго смѣха.

— Скорѣе бы дойти до дому, — думалъ онъ, ускоря шагъ.

Выйдя на набережную, онъ приостановился и, убѣдившись, что не сбился съ дороги, пошелъ по мосту. На серединѣ его онъ остановился и прислонился къ периламъ.

Становилось все болѣе душно. Надвигалась гроза. Наклонясь надъ перилами, онъ сталъ смотрѣть въ быстро бѣгущую черную рѣку.

Мало-по-малу, глаза его перестали различать отраженіе огней, вода стала казаться ему неподвижной, черное небо стало сливаться съ чернотой зіявшей у его ногъ бездны.

Чья-то легкая рука тихо легла на его плечо и кто-то склонился рядомъ съ нимъ надъ перилами...

— Павликъ!.. — вздрогнулъ Оршинъ, выпрямляясь и оглядываясь вкругъ.

На мосту никого не было. Порывъ душнаго вѣтра чуть не сорвалъ съ него шляпу. Нѣсколько крупныхъ дождевыхъ капель упало на его лицо. Онъ глубоко вздохнулъ и, избѣгая смотрѣть на рѣку, пошелъ дальше.

Когда онъ приближался къ знакомому перекрестку, сверкнула молнія и раздался оглушительный ударъ

грома. Хлынулъ ливень. Поднявъ воротникъ костюма, Оршинъ перебѣжалъ черезъ улицу и только войдя во дворъ и увидѣвъ груды развалинъ, собралъ, что онъ сдѣлалъ напрасный путь и напрасно спѣшилъ сюда, чтобы укрыться отъ грозы.

Но силы его истощились. Пробравшись между ямъ и мусорныхъ кучъ къ уцѣлевшему дереву, онъ сѣлъ около стѣны на кучу камней и положилъ голову на руки.

Сознаніе, что онъ все-таки дома, дѣйствовало на него успокоительно; мысли его стали приходить въ какой-то порядокъ. Болѣе часу онъ просидѣлъ неподвижно, съ закрытыми глазами, не обращая вниманія ни на раскаты грома, ни на потоки воды, струившіеся по его спинѣ и плечамъ.

Онъ очнулся отъ сильнаго озноба. Гроза прошла, но небо не прояснилось и шелъ дождь. Онъ всталъ, расправилъ онѣмѣвшіе члены и, скользя по размокшей землѣ, направился къ воротамъ. Городъ уже спалъ. Дойдя до ближайшей площади, онъ сѣлъ въ такси и поѣхалъ въ гостинницу. Придя въ свой номеръ, онъ съ трудомъ стащилъ съ себя промокшую до нитки одежду, легъ въ постель и заснулъ тяжелымъ сномъ.

VIII.

Оршинъ проснулся около часу дня. Солнце ярко свѣтило въ окна. Первое, что ему бросилось въ глаза, былъ конвертъ, лежавшій на полу около двери. Превозмогая головную боль и сильную ломоту во всемъ тѣлѣ, онъ всталъ съ постели, взялъ письмо и узналъ почеркъ брата.

Павликъ писалъ, что онъ здоровъ, ждетъ его возвращенія и кланяется Ксеніи.

Изъ всего, что передумалъ Оршинъ за эту ночь, у него осталось одно ясное сознаніе: у него есть братъ, которому онъ нуженъ и для котораго онъ долженъ жить. Все остальное сливалось въ какой-то уродливый кошмаръ, отъ котораго можно было только бѣжать.

— Надо скорѣй вернуться къ брату, — думалъ онъ, — окончательно поселиться въ Blois, гдѣ ему хорошо, собрать всѣ оставшіяся деньги, купить клочекъ земли и работать. На моей живописи лежитъ проклятіе; оставаясь художникомъ, я сойду съ ума. Надо сегодня же разыскать Кацбаума, все выяснить и покончить съ нимъ всѣ расчеты; съ нимъ и съ Парижемъ. Только бы не свалиться въ постель...

Оршинъ позвонилъ и потребовалъ рому и завтракъ.

Доставъ другой костюмъ и приведя себя въ порядокъ, онъ выпилъ стаканъ рома и заставилъ себя съѣсть то что ему подали. Затѣмъ онъ послалъ брату открытку и поѣхалъ къ Кацбауму. Того не оказалось дома, но, по словамъ прислуги, его можно было застать между шестью и восемью часами. Было около трехъ.

Оставивъ Кацбауму записку, Оршинъ вернулся на вокзалъ, вошелъ въ буфетъ и расположился за столикомъ. Здѣсь онъ могъ быть среди людей и, въ то же время, чувствовалъ себя внѣ Парижа.

Часы тянулись медленно. Чередуя ромъ съ портвейномъ, Оршинъ довелъ себя до состоянія полного безразличія и сидѣлъ, апатично слѣдя за вокзальной суетой и позволяя себѣ думать только о томъ, что было передъ его глазами.

Онъ не думалъ даже о Бушевѣ, этомъ малодушномъ чревоугодникѣ, прикормленномъ Левкоевой и ея покровителями.

— Какъ онъ могъ, какъ онъ смѣлъ не написать мнѣ?... — мелькало иногда въ его головѣ, и онъ злобно стискивалъ зубы. — Онъ потому и молчалъ, чтобы я не нарушилъ его благополучія. Счастье его, что я не знаю гдѣ онъ живетъ! О, мерзавцы!...

Приѣхавъ вечеромъ къ Кацбауму, Оршинъ опять не засталъ его, но нашелъ оставленное ему письмо, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ, что всѣ эскизы и рисунки распроданы, что деньги у него и что завтра утромъ онъ можетъ получить ихъ полностью. Самъ Кацбаумъ сегодня обѣдалъ у невѣсты, съ тѣмъ, чтобы потомъ везти ее на вагнеровскій концертъ Фредмана.

Оршинъ съ досадою скомкалъ письмо и вышелъ на улицу. Онъ кое-какъ протянулъ этотъ день, но при мысли о предстоящихъ вечерѣ и ночи его охватывалъ страхъ. Но чтобы совершенно покончить съ Парижемъ, повидать Кацбаума было необходимо. Повидавъ его, онъ могъ бы уѣхать съ десятичасовымъ, въ крайнемъ случаѣ, съ ночнымъ поѣздомъ и подъ утро вернуться въ Blois.

Пообѣдавъ поздно, вѣрнѣе посидѣвъ за обѣдомъ въ одномъ изъ людныхъ и удаленныхъ отъ центра ресторановъ, Оршинъ вернулся въ гостинницу.

— Поѣду на концертъ, въ антрактѣ переговорю съ Кацбаумомъ и уѣду съ ночнымъ поѣздомъ, — вдругъ рѣшилъ онъ и сталъ готовить чехолъ.

Войдя въ переполненную залу въ самый разгаръ концерта и не желая нарушать тишину, Оршинъ, въ ожиданіи антракта, остановился у входа.

• На полутемной эстрадѣ, за роялемъ, сидѣлъ блѣдный, сутуловатый человѣкъ съ длинными курчавыми волосами и бралъ торжественно - печальные аккорды. Кажалось, онъ не игралъ, а задумчиво отыскивалъ какую-то забытую мелодію и то находилъ ее, то терялъ снова и мучился этимъ.

Оршинъ не могъ уловить — что именно онъ игралъ, изъ Вагнера, да и не слушалъ, разсѣянно оглядывая залу.

Вдругъ изъ-подъ пальцевъ артиста вырвался дрожащій, страстный аккордъ, похожій на призывъ или мольбу, и замеръ въ хаосѣ тяжелыхъ, словно враждебныхъ ему звуковъ. Раздался второй аккордъ, подобный первому, и мелодія безпредѣльной скорби и безпредѣльной любви запѣла и зарыдала подъ сводами залы. Кто-то сильный и гордый, не вѣдающій земного страха и презирающій земныя страданія, говорилъ небу о своихъ нечеловѣческихъ мукахъ. Это была жалоба безъ надежды на утѣшеніе, мольба безъ вѣры, упрекъ, полный тоски и страданія, призывъ, не ожидающій отвѣта...

При первыхъ аккордахъ этой знакомой мелодіи, Оршинъ почувствовалъ, что онъ долженъ бѣжать отъ нея, если хочетъ сохранить послѣднюю власть надъ собою. Но было поздно. Онъ стоялъ какъ приговоренный къ пыткѣ, прижимаясь къ стѣнѣ и до боли сжимая руки.

— Скорѣе бы кончилась эта невыносимая мука, — думалъ онъ, съ замираніемъ сердца ожидая каждого новаго аккорда. — Сейчасъ оборвется арія... Я не перенесу этого послѣдняго звука... Я не перенесу самого себя, я

не могу жить безъ нея... Она одна можетъ спасти меня отъ самого себя....

Сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ дошелъ до двери, вышелъ изъ залы и спустился по лѣстницѣ къ выходу.

— Въ Ротонду, — крикнулъ онъ шоферу, вскакивая въ первое такси.

Потративъ цѣлый день на безплодные поиски Оршина и оставивъ ему записки всюду, куда онъ могъ бы зайти, усталый и голодный Бушевъ къ десяти часамъ вечера подѣхалъ къ Ротондѣ.

Единственное, что ему удалось узнать, было то, что Оршинъ вчера днемъ заходилъ на бывшую квартиру Ксеніи и добивался гдѣ можно ее найти. Это извѣстіе объясняло Ксеніи и причину его возвращенія въ Парижъ, и его ужасъ при встрѣчѣ съ нею. Она не находила себѣ мѣста, счастливая, ненавидящая себя, полная тоски, нетерпѣнія и страха за Оршина.

— Остается ждать его здѣсь, — думалъ Бушевъ, занимая столикъ у самаго входа въ Ротонду. — Больше некуда ѣхать и некого разспрашивать. Какъ въ воду канулъ. Не сдѣлалъ бы чего надъ собой...

Онъ радъ былъ возвращенію Оршина и въ то же время продолжалъ на него сердиться.

— Одумался таки... Слава Богу, что не поздно... Вотъ онъ! — И Бушевъ, чуть не опрокинувъ столикъ, устремился навстрѣчу выходившему изъ автомобиля Оршину.

— Митя!... — закричалъ онъ, забывая все и готовясь броситься ему на шею.

— Она здѣсь? — холодно и злобно спросилъ Оршинъ, почти отталкивая его.

Бушевъ осѣкся и опустилъ руки.

— Она здѣсь? — повторилъ Оршинъ, схватывая Бушева за руку и глядя на него почернѣвшими отъ злобы глазами.

— Нѣтъ... — пробормоталъ ошеломленный Бушевъ. — Она тебя ждетъ... Она дома, я ищу тебя съ утра.

— Гдѣ она живетъ?

— Опомнись, Митя, я тебѣ все объясню....

Лицо Оршина поблѣднѣло.

— Нечего и объяснять. Я тебя спрашиваю — гдѣ она живетъ? — проговорилъ онъ, все сильнѣе сжимая руку Бушева.

Привыкшій повиноваться Оршину безпрекослѣвно, Бушевъ сказалъ адресъ Ксеніи. Оршинъ молча повернулся, сѣлъ въ ожидавшій его автомобиль и уѣхалъ.

— Онъ сошелъ съ ума, онъ убьетъ ее! — мелькнуло въ головѣ Бушева и, бросивъ на столикъ деньги, онъ побѣжалъ къ перекрестку около котораго стояли такси.

— И я же приказалъ выпустить его, въ какомъ бы часу онъ ни пріѣхалъ! — проклиналъ онъ себя въ пути, чуть не плача. — Господи! И за что такое наказанье!...

Когда онъ подѣхалъ къ гостинницѣ, автомобиль Оршина уже отѣзжалъ отъ подъѣзда. Узнавъ отъ гарсона, что господинъ, котораго онъ ждалъ, пріѣхалъ нѣсколько минутъ тому назадъ, онъ поспѣшилъ вверхъ по лѣстницѣ.

Ксенія жила во второмъ этажѣ. Подбѣжавъ къ ея двери, Бушевъ хотѣлъ постучать, но остановился и сталъ прислушиваться. Въ номерѣ было тихо. Холодъ

пробѣжалъ по его спинѣ... Вдругъ онъ насторожился и, быстро наклонившись, приложилъ ухо къ замочной скважинѣ. Вѣроятно долетѣвшіе до него слова не походили ни на угрозы, ни на мольбу о пощадѣ. Онъ медленно выпрямился, поморгалъ глазами, провелъ рукой по лицу, снова прислушался и со смущенной и радостной улыбкой, на ципочкахъ отошелъ отъ двери.

Придя въ свой номеръ, онъ постоялъ около кровати, истово перекрестился, прилегъ на постель и уснулъ какъ камень.

IX.

На слѣдующее утро Бушевъ нѣсколько разъ, подъ разными предлогами, спускался внизъ, замедляя шаги передъ дверью Ксеніи и озабоченно покашливая. По словамъ консьержа, она еще не выходила и его никто не спрашивалъ.

Сомнѣнія и опасенія всякаго рода еще не вполне покинули Бушева и часовъ около десяти онъ рѣшился, наконецъ, постучаться къ Ксеніи.

— Ксенія Ал... Александровна!... — проговорилъ онъ.

Раздались быстрые шаги.

— Подожди, Костя. Сейчасъ я къ тебѣ поднимусь, — слышался веселый голосъ Оршина.

Бушевъ отскочилъ отъ двери и, вернувшись въ свой номеръ, принялся ходить по комнатѣ.

— Да... вотъ оно какъ... Хмъ, — повторялъ онъ вслухъ, почесывая затылокъ. — Именно, вотъ оно какъ...

Когда вошелъ Оршинъ, Бушевъ чуть не задушилъ его въ своихъ объятіяхъ. Сидя противъ него и ежеми-

лутно смахивая слезы, онъ рассказывалъ ему обо всемъ, что произошло за время его отсутствія.

— Довольно, Костя, я не могу этого слушать, — говорилъ Оршинъ, крѣпко, до боли сжимая ему руку.

— И думать не смѣй!... — продолжалъ Бушевъ. — Чиста какъ ангелъ матушка Ксенія Александровна... Если посмѣешь въ чемъ либо попрекнуть ее, позову тебя къ барьеру.... И тебѣ грѣхъ, Митя... — добавилъ онъ, запинаясь. — Повѣнчаться бы раньше...

— Замолчи, наконецъ, Костя. Ты съ ума сошелъ!... Объ этомъ и рѣчь. Сейчасъ же поѣзжай и устраивай все, что для этого нужно. Я такъ поглупѣлъ, что ничего не соображаю.

Устройство денежныхъ дѣлъ Оршина и Ксеніи, свадебныя хлопоты, посѣщеніе Софьи Васильевны, письма Павлику, самая свадьба и сборы въ Blois, все это наполнило цѣлую недѣлю. Софья Васильевна, у которой удалось спасти одинъ глазъ, черезъ десять дней могла покинуть лѣчебницу; при ней оставался Бушевъ, который долженъ былъ доставить ее въ Blois, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы и самому тамъ остаться.

Проводивъ Оршиныхъ на вокзалъ и вернувшись въ гостинницу, Бушевъ впервые почувствовалъ боль въ поясницѣ и головокруженіе.

— Теперь ничего, теперь можно, — весело подумалъ онъ.

Поѣздъ подходилъ къ Blois. Ксенія и Оршинъ, высунувшись въ окно, съ наслажденіемъ вдыхали знойный ароматъ колосившихся полей и ждали, когда на горизонтѣ покажутся крыши и сады «ихъ» города. Не вина

Оршина, что волосы Ксеніи, вырываясь отъ вѣтра изъ-подъ шляпы, порою щекотали ему лицо и мѣшали что-либо видѣть.

Поѣздъ пронесся по выемкѣ и замедлилъ ходъ. Показалась станція.

— Смотри, смотри, вотъ онъ! — воскликнула Ксенія, сжимая руку Оршина.

На перонѣ виднѣлась бѣлая фигурка и сіяющее лицо Павлика, махающаго букетомъ полевыхъ цвѣтовъ.

Парижъ 1929 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Часть первая	5
Часть вторая	81
Часть третья	173

IMPRIMERIE PASCAL
13, RUE PASCAL, PARIS-V^e

Складъ изданія:

Книжный магазинъ Е. Сяльской.

**2, Rue Pierre-le-Grand
PARIS (8°)**